в 1993 году в основных рубриках публикует :

Наше исследование. *Земства в России. История казачества. Феномен старообрядчества. Великое Княжество Литовское. Жена Муссолини — подруга Ленина.*

Начало. *Праславяне — кто они? Была ли письменность у славян? Принятие христианства: благо или зло? Куда исчезли половцы и печенеги? Откуда пошла земля русская?*

Антигерои. *Марина Мнишек, Аракчеев, Шуйский, Берия...*

Из истории российских партий. *Анархисты. Дашнаки. Максималисты.*

Фото Виктора Грицюка

Сто народов России. *Обычаи, быт, традиции и праздники народов. Русский национальный характер.*

Неизвестные войны России. *Два спецномера, посвященные первой мировой и кавказской войнам (Неизвестные страницы. Униформа. Знамена. Ордена).*

«РОДИНА»
— это 112 страниц увлекательного чтения для всех, кто любит историю.

Индекс 73325. Цена подписки на 1-е полугодие 1994 г. — 600 рублей (без стоимости доставки).

РОДИНА

7— 1993

ISSN 0235-7089

ЦВЕТЫ

ЛЮДИ
ОПОМНИ

РОДИНА

РОССИЙСКИЙ ИСТОРИКО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
УЧРЕДИТЕЛЬ: ВЕРХОВНЫЙ СОВЕТ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

№ 7 —1993

Выходит с января 1989 г.

Номер набран и сверстан в компьютерном центре журнала «Родина». Компьютерная верстка **Т. А. Киселевой.**

СОДЕРЖАНИЕ

ВИКТОР БОНДАРЕВ

ЛЕНИН и ЕЛЬЦИН:
ЛИДЕРЫ РОССИИ

Фото Геннадия Бодрова

Ленин и Ельцин. Есть ли какой-нибудь смысл сравнивать двух этих политиков? Не искусственная ли это попытка сопоставления двух людей разных эпох, как покажется многим, несравнимых по масштабу? Ленина по любой шкале признают фигурой мирового значения: для одних он так и остался самым выдающимся человеком всех времен и народов, гением, а для других он — Антихрист, воплощение мирового зла. Неужели можно поставить рядом этого светоча или дьявола — кому как нравится — с нашим современником Ельциным, вся политическая жизнь которого прошла у нас на глазах?

А почему, собственно, нет? При всей своей материальности и нередко приземленности Ельцин тоже стал легендой, «героем нашего времени», и грехи, которые приписывают ему противники, тоже тянут на уровень «национального злодея». Да, деятельность Ленина оказала огромное влияние на судьбы человечества и историю XX века, и сам Ельцин, как бывший коммунист, тоже в какой-то мере «произошел» от Ленина. Но ведь и то, что совершил Ельцин, уже сейчас радикально изменило жизнь не только на одной шестой части суши, но и во всем мире.

У крупного политического деятеля свой век и свой звездный час: наступает момент, когда его действия приобретают значение для судеб страны и народа. В это время такой политик обладает огромной популярностью, его чуть ли не боготворят. Затем пик политической активности и признания проходит. Заслуги забываются, а у нас в России отрицаются. Прежний кумир подвергается жестокой критике и ниспровергается. Так случилось, пусть и через семьдесят лет, с Лениным, гораздо быстрей с Горбачевым. В какой-то мере такая судьба постигла и Ельцина. Народная память и общественное мнение очень изменчивы и редко справедливы, во всяком случае к современникам.

Пик политической деятельности Ленина приходится на 1917—1922 годы. Это потом, в советские годы, тщательно описали все события жизни вождя мирового пролетариата, придав значимость каждому его поступку и каждому написанному слову. На самом деле дореволюционный период жизни Ленина вряд ли может впечатлять: внутрипартийные схватки, переходящие в склоки, весьма невразумительное участие в первой русской революции, годы достаточно комфортабельной ссылки — все это предыстория, которая хотя и важна, но несущественна. Последние полтора года болезни тоже вряд ли стоит принимать в расчет: всемогущий вождь угасал почти в заключении, не имея возможности влиять на события.

Ельцин вошел в большую политику в 1987 году бунтарским выступлением на пленуме ЦК КПСС. По сути — это дата его политического рождения. Вся предшествовавшая биография была лишь стартовой площадкой, с которой взмыла его политическая звезда. Сейчас, конечно, трудно предсказать, как и чем закончится его политическая карьера. Однако можно все-таки утверждать, что 1989—1991 годы — это пик его популярности, которая достигала фантастических размеров. Вряд ли еще когда-нибудь российский политик получит в Москве на выборах 90 процентов голосов. Август 1991 года — это тоже звездный час Ельцина.

Пока трудно дать полную характеристику деятельности Ельцина на посту президента: может случиться, что будут еще взлеты, а может, впереди только «спуск» с политического Олимпа. Я пишу эти строки в феврале 1993 года, и у меня нет уверенности, будет ли Ельцин президентом, когда номер журнала дойдет до читателя — очень сложная сейчас ситуация и соотношение сил. Да и читатель сегодня скорее всего имеет о российском президенте иное мнение, чем то, которое у него было год-два назад. Однако я считаю, что о политике следует говорить в первую очередь во время его звездного часа, когда он проявляет себя максимально открыто и результативно, когда его усилиями изменяется жизнь народа. Итак, Ленин в 1917—1922 годах и Ельцин в 1987—1992-м — вот эпохи обоих.

Первое, что объединяет Ленина и Ельцина или, мо-

жет быть, наоборот, максимально разъединяет, — это их роль в метаморфозах российской государственности. Ленин стал «могильщиком» капитализма, Российской империи и Российской республики, основателем принципиально нового государства на одной шестой части мира — РСФСР. Ельцина тоже можно считать главным «могильщиком» государства, которое основал вождь, — СССР, и основателем нового российского государства — Российской Федерации. Уже одного этого достаточно, чтобы поставить их фамилии рядом, как ставят две даты — рождения и смерти. Первый начал коммунистическую эпоху, второй ее завершил.

Сейчас мы уже не нуждаемся в сотворении культов, в обожествлении кого-либо — все это в прошлом. В то же время появилась и другая крайность — всерьез говорят о том, что, мол, люди равны и, не появись один, его заменят другие. Пожалуй, Ленин и Ельцин опровергают этот новый стереотип.

И перед Лениным, и перед Ельциным была огромная и могучая держава, казавшаяся вечной; была стена, которую, как думалось, не пробить ничем и никогда. И в обоих случаях борьба, представлявшаяся безнадежной и не имеющей смысла, оканчивалась крахом государства. При этом трудно переоценить ту роль, которую сыграл каждый из них. Коммунистическая пропаганда десятилетиями доказывала, что именно Ленин предопределил исход революции. И сейчас, когда мы знаем много нового, в том числе и оценки ситуации второго человека революции — Троцкого, остается мало сомнений, что судьба России могла бы быть иной. И революция, и последовавшая за ней гражданская война были выиграны большевиками явно во многом благодаря руководству Ленина.

Ну а как бы пошли события в СССР, если бы не Ельцин? Мог ли кто-нибудь из демократов победить на выборах Председателя Верховного Совета? Конечно, нет — тогдашние демократы имели пятую часть мандатов, и победа была обусловлена личной популярностью Ельцина. Что было дальше — известно: борьба России за суверенитет и цепная реакция распада в стране, введение института президентства, победа Ельцина на президентских выборах, крах августовского путча — все это настолько связано с личными качествами Ельцина, что позволяет говорить о его чрезвычайной роли в истории России. Без него судьба этой страны была бы иной.

Ленин и Ельцин — два уникальных в истории России политика. Только они пришли к власти, не опираясь на существующую традицию, а в результате борьбы с нею. Цари и генсеки становились во главе страны благодаря существовавшей системе, которая в значительной мере разделяла с ними все бремя власти и давала полномочия, обеспечивала легитимность их действий. И у царей, и у генсеков была совсем другая мера ответственности и другие возможности. Когда же мы говорим о Ленине и Ельцине, здесь на первый план выходят не институты и традиции, а личностные качества этих людей, поскольку именно от них в критические моменты истории зависел ее ход.

«После всех неудач, ударов судьбы, поражений, даже стыда и позора он умел духовно выпрямиться и «начинать сначала». Его волевой темперамент был как стальная пружина, которая тем сильнее «отдает», чем сильнее на нее нажимают», — писал известный эсер В. Чернов о Ленине. Думаю, нетрудно убедиться, что все сказанное о вожде со стопроцентной точностью приложимо и к российскому президенту. «Стальная пружина», «боец», «всегда готовый начинать сначала» — подобное говорили про Ельцина неоднократно, во всяком случае раньше. Конечно, Ленин и Ельцин имеют множество очевидных отличий. И все же сходные исторические роли не могли не потребовать и сходных, хотя бы частично, черт характера. То главное, что их сближает, — это качества лидеров. Они лидеры России. Кроме них, у России никогда лидеров не было.

«Лидер» — термин не наш. Его вроде бы можно заменить словом «вождь». Но попробуйте назвать де Голля или Черчилля «вождем» и почувствуете невозможность подобного смешения понятий. Лидер возникает только в определенных условиях, он появляется в результате публичной общественной борьбы, а не в дворцово-кабинетных схватках «под ковром». Лидер по определению не может быть слабым политиком, поскольку становится таковым в результате побед. Самая главная характеристика лидера заключается в том, что он способен изменить ход событий. Царь, генсек, президент и так далее могут занимать высший пост, но если им не удается или у них нет необходимости менять ситуацию, они лидерами не являются.

Ленин был первым в истории России политическим лидером, поскольку пришел к власти политическим путем, т. е. в результате открытой борьбы за власть, в которую были вовлечены широкие слои населения. Правда, ему предшествовал Керенский, которого вознесла революционная волна, но он не смог изменить ход политических процессов, не смог принять решений, которые могли бы изменить положение России. Ленин же повернул мировую историю (к сожалению, не в ту сторону). Конечно, Ленин был и вождем, в него верили, как в бога. Но он был и лидером, поскольку никогда его решения не воспринимались соратниками как божественные откровения, полученные от Маркса каким-то иррациональным способом. Стоит отметить известный факт: за те пять лет, пока Ленин возглавлял большевиков, никто из его соратников всерьез не ставил под сомнение его лидерство. А ведь революционеры достаточно быстро начинают выяснять отношения, поскольку «легитимность» определяется только правом сильного, его авторитетом, который надо постоянно доказывать либо успехами, либо террором. При этом Ленин никогда не проводил репрессий против соратников, как это делают диктаторы.

Вряд ли можно всерьез считать, что гегемония Ленина была обусловлена его интеллектуальным превосходством, поскольку ни его сочинения, ни сколько-нибудь среднесрочные оценки конкретного характера не оправдывались. Его знаменитые оценки ситуации типа «вчера было рано, а завтра будет поздно» — выдумки фальсификаторов. Известно, что и Брестский мир, который впоследствии оказался удачным политическим ходом, был скорее случайностью, чем точным расчетом: Ильич ждал не поражения Германии, а мировой революции. Полной неожиданностью для него оказалась февральская революция. Однако и его противники тоже слабо представляли перспективы развития ситуации. Так что в этом отношении он если и не выигрывал, то и не проигрывал. Некоторые «гениальные» решения Ленину просто приписали. Например, он не является первооткрывателем нэпа и сам писал, что здесь большевики, в том числе и он сам, слишком долго пытались идти против логики обстоятельств. И все же нет никаких оснований оспаривать его выдающуюся роль в победе большевиков. И здесь стоит обратиться к примеру Ельцина. Ведь он тоже никаких особых открытий не совершал. Более того, практически все наиболее резкие и, как потом оказывалось, успешные политические действия им не просчитывались, да и рассчитать их было невозможно, настолько они противоречили ситуации, реальному соотношению сил. И тем не менее ельцинская «интуиция» приобрела легендарный характер. Не буду оспаривать того, что Ельцин — это опытный политический боец и имел большой опыт личной борьбы. Но главное все-таки в другом.

Виктор Чернов дал, по-видимому, лучшее объяснение ленинской харизмы: «В расколах, во фракционной борьбе протекала вся жизнь Ленина. В ней и развилась его несравненная мускулатура гладиатора, профессионала-борца, ежедневно практикующегося, ежедневно изобретающего новые трюки и уловки, чтобы положить противника на обе лопатки. Эта практика выковала в нем изумительное хладнокровие, способность в самых опасных положениях не теряться, сохранять присутствие духа...» (1. С. 26). И еще одна характеристика, принадлежащая его перу: «В этой необыкновенной целостности натуры заключался в значительной доле секрет умения Ленина импонировать своим сторонникам. Его ничем не преоборимый, действенный оптимизм, даже в такие моменты, когда все дело казалось погибшим и все готовы были потерять голову, не раз оправдывался просто потому, что Ленина вовремя спасали ошибки врагов. Это бывал простой дар судьбы, удача; но удача венчает лишь тех, кто умеет держаться до конца, даже в явно безнадежном положении. Большинство сдается, не дождавшись этого конца — не хочет даром тратить силы, не хочет явно ненужных и бесполезных жертв. И по-своему они правы и благоразумны, только именно благоразумие и не позволяет случайной удаче их выручить» (1. С. 27).

Ельцин явно относится к тому незначительному меньшинству человеческого рода, которое характером и темпераментом предрасположено к максимальной социальной активности. Именно постоянное стремление к самоутверждению, готовность к борьбе, вера в себя и неистощимый оптимизм в достижении поставленной цели в первую очередь определили весь его жизненный путь. Конечно, его биография совсем иная, чем у Ленина, но то, что Чернов пишет о вожде с соответствующими поправками на иное время и иную ситуацию, полностью подходит и к характеристике российского президента. Да, десятилетиями он ни в какой политической борьбе не участвовал, однако и суровое детство, и активная хозяйственная работа, а затем уже и жесткая политическая борьба также превратили его в «профессионального гладиатора», целостную натуру, для которой утверждение своего понимания, своих представлений о жизни, готовность в любой момент вступить в схватку с явно превосходящим противником стали основной чертой характера. И вышеупомянутый ленинский оптимизм, и знаменитая ельцинская «интуиция» своими истоками имеют одно и то же — волю, неиссякаемую уверенность в победе. Так уж случилось, что Ельцин пришел в политику человеком, которому в жизни сопутствовала удача. И это была та же удача, про которую пишет Чернов, — она приходит только к тем, кто стоит на своем до конца, когда другие «благоразумно» прекратили всякое сопротивление. И в то же время это действительно удача, а не логичная и предопределенная жизнью награда за упорство и целеустремленность. Система, в которой жил и действовал свердловский строитель, а потом партийный работник, безусловно перемолола бы любого, если бы он ей противостоял в доперестроечные годы. Но Ельцину действительно сопутствовала удача, он привык к тому, что судьба на его стороне, и его безоглядный бунт на пленуме ЦК как раз и показал, что как личность он мог вписаться в ту систему лишь при счастливом совпадении многих обстоятельств.

Родись Ленин и Ельцин в другой стране или в другое время, они могли бы реализовывать свои качества и другими способами, и в других сферах деятельности. Однако у обоих пик жизненной активности пришелся на время глубоких кризисных процессов, и выбор политической деятельности как способа самореализации трудно не признать достаточно логичным. В царской России кто только не боролся с режимом. К тому же для очень многих, зачастую весьма умных и талантливых людей, было «очевидно», что капитализм и монархия обречены, а на смену им «должен» прийти социализм. Сейчас очень трудно представить духовную атмосферу начала века и особенно влияние на нее первой мировой войны. Можно привести, наверное, сотни высказываний и оценок, которые показали бы духовную ситуацию эпохи. Совершенно не случайно Шпенглер писал о «закате Европы», а Тойнби предвещал расцвет новой цивилизации за пределами Старого Света. Вот только два типичных высказывания человека, интеллектуальный и моральный авторитет которого не вызывает никаких сомнений, — Бертрана Рассела, выдающегося философа, ученого, Нобелевского лауреата, бесстрашного борца против войн: «Нынешние власть имущие — воплощение зла, и существующий порядок вещей обречен». Выдающийся ученый и пацифист, потомок герцогского рода, проведший шесть месяцев в тюрьме в 1916 году за свои антивоенные выступления, называет капитализм «воплощением зла». Не правда ли, очень похоже на «империю зла»? Или еще одно типичное утверждение Рассела: «Война породила в Европе настроения разочарования и отчаяния, перерастающие в потребность новой религии как единственной силы, могущей дать человеку жизненную силу. Большевизм и удовлетворяет эту нужду в новой религии. Он обещает прекрасные вещи: покончить с несправедливостью богатства и бедности, с экономическим рабством, с войной. Он обещает устранить и разобщение между классами, которое отравляет политическую жизнь и грозит развалом промышленности. Он предрекает крах торгашеского духа, той утонченной фальши, которая побуждает оценивать все лишь в деньгах, а денежную стоимость часто ставит в зависимость от капризов празд-

ных плутократов» (2. С. 10). Нетрудно заметить, что даже сейчас, на фоне процветающего западного мира, наши трудности в построении капитализма кое в чем могут показаться убедительными в начале века. А тогда еще не было общества всеобщего потребления, шли бессмысленные войны, не была так высоко поднята проблема прав человека, и поэтому выбор в пользу коммунизма имел под собой достаточно серьезные основания. И очень трудно утверждать, что сам по себе этот выбор не имел фундаментальных этических оснований. Не поняв этого, мы не поймем феномен Ленина.

Очень выразительную и, наверное, точную оценку Ленина дал писатель Александр Куприн после посещения вождя революции в Кремле: «В сущности этот человек, такой простой, вежливый и здоровый,— гораздо страшнее Нерона, Тиверия, Иоанна Грозного. Те, при всем своем душевном уродстве, были все-таки люди, доступные капризам дня и колебаниям характера. Этот же — нечто вроде камня, вроде утеса, который оторвался от горного кряжа и стремительно катится вниз, уничтожая все на своем пути. И притом, подумайте! — камень в силу какого-то волшебства — мыслящий! Нет у него ни чувств, ни желаний, ни инстинктов» (1. С. 112). Безусловно, писатель осудил вождя. Однако как художник он выразил и то, что сделало Ленина действительным лидером. В отличие от большинства российских интеллигентов, мечтавших о социализме, Ленин стал претворять его в жизнь именно с той последовательностью и целеустремленностью, с которой его только и можно было осуществить. Напомню, что Ленину предшествовали у власти очень «милые и симпатичные люди», но они потерпели полный крах. Ленина вела железная логика борьбы и логика той утопии, которую разделяли вместе с ним и весьма приличные люди. Однако эти «приличные люди», когда к ним в феврале 1917 года попала власть, так и не смогли ею распорядиться, подготовив почву для большевиков. Ленин вел себя как полководец на войне, не считаясь с жертвами ни со своей стороны, ни со стороны противника. Конечно, это чудовищно, но для войны вполне типично. Его указания расстреливать всех, кто сопротивляется или даже просто может оказать сопротивление, — бесчеловечны. Но давайте вспомним и о том, как действовали «цивилизованные страны» в то время, да и после.

Возьмем газовые атаки на Западном фронте во время первой мировой войны, в результате которых погибли в страшных мучениях сотни тысяч людей. Или бомбардировки Дрездена, Хиросимы и Нагасаки — здесь вообще были убиты сотни тысяч стариков, женщин и детей. Или к счастью несостоявшиеся сценарии третьей мировой войны, когда удары предполагали наносить по городам, истребляя всех подряд. И кстати говоря, подобные планы, чудовищные сами по себе, воспринимались как нормальные. Если мы вспомним террор французской революции или религиозные войны контрреформации, то увидим, что потери в гражданской войне в России были на том же уровне, если не меньше.

Макиавелли еще в средние века вполне логично, хотя может быть и цинично, писал: «Учинив несколько расправ, он (Государь) проявит больше милосердия, чем тот, кто по избытку его потворствует беспорядку. Ибо от беспорядка, который порождает грабежи и убийства, страдает все население, тогда как от кар, налагаемых государством, страдают лишь отдельные люди» (3. С. 44). Наша история показывает, что средиевековый политолог был прав: если бы царизм был более жесток к большевикам или Временное правительство прибегло бы к террору против них, то судьба России была бы иной. Расстреляй Николай Второй или Керенский несколько тысяч большевиков, они спасли бы страну. Однако поскольку они этого не сделали, трудно упрекать Ленина, что он приказывал проводить свою политику более последовательно.

Говоря о большевистском терроре, нельзя пройти мимо расстрела царской семьи. Вот что писал на эту тему Макиавелли: «Чтобы упрочить власть, достаточно искоренить род прежнего государя... Если город или страна привыкли состоять под властью государя, а род его истреблен, то жители города не так-то легко возьмутся за оружие, ибо, с одной стороны, привыкнув повиноваться, а с другой — не имея старого государя, они не сумеют договориться об избрании нового» (3. С. 16). И Макиавелли не оригинален, подобные методы использовались в древнем мире, и на Востоке, и на Западе. Кстати сказать, на совести Николая Второго Ходынка, Цусима, Кровавое воскресенье, Ленский расстрел, бессмысленная первая мировая война — вполне достаточно для высшей меры наказания. Что касается Учредиловки, то здесь Ленин действовал практически так же, как в свое время Кромвель.

Конечно, не следует упрощать и «коммунистическую» часть биографии Ельцина. Он действительно был «настоящим коммунистом», даже больше — он был слишком коммунистом в своем стремлении утвердить принципы справедливости, насколько это позволяла ситуация. И его выступление против Горбачева и Лигачева в 1987 году было вызвано скорее теми представлениями о социальной справедливости, которые вполне соответствовали коммунистической доктрине. Однако сама эта доктрина с ее достаточно лживой пропагандой не соответствовала жизни. До тех пор пока коммунизм не только не мешал, а помогал Ельцину самоутверждаться и добиваться каких-то положительных изменений в жизни людей, он оставался в партии. Однако тогда, когда партия стала на пути, когда личный «коммунизм» Ельцина оказался не вписывающимся в рамки официального социализма, он порвал с ним. Это не был отказ от самых принципиальных постулатов коммунизма, которые вполне точно перечислены у Рассела выше, а переход из одной конфессии в другую: отбросив коммунизм, Ельцин тут же с такой же последовательностью принял в качестве символа веры либеральные и христианские ценности.

Довольно долго интеллигенция изображала Ельцина как большевика, избравшего «демократию» в качестве средства политической борьбы. Но ведь коммунизм сам всегда претендовал на демократичность, на высшую ее форму. Да, антикоммунистический выбор Ельцин делал не совсем логично, его подтолкнули к нему, где-то даже заставили логикой политической борьбы искать себе идейную основу. Ельцина скорее можно сравнить с протопопом Аввакумом, восставшим за сохранение и возвращение к прежним ценностям. Обретя новые ориентиры, Ельцин вследствие цельности своей натуры полностью изменил свои оценки и ценности и стал им служить с прежней истовостью и последовательностью. И здесь его целеустремленность и последовательность оказались куда большими, чем у многих из тех, кто когда-то громко проклинал тоталитаризм, но после первых же трудностей реальной свободы сошел с политической арены.

Во время пика своей популярности Ельцин воспринимался почти как фольклорный герой, былинный богатырь, как человек, сошедший со страниц «Мартина Идена». «Перед нами человек неординарной судьбы, нечто среднее между Рахметовым и Павкой Корчагиным», — написали биографы Ельцина (4. С. 15). Кстати, Чернышевский и Джек Лондон были любимыми писателями Ленина. Ельцин удивительным образом сочетал в себе образ героя и жертвы, хозяина и народного заступника, простого человека и представителя самого элитарного слоя советского общества. В кризисной ситуации в стране появился человек, который органично вписывался в роль национального лидера и в конце концов эту роль сыграл.

В то же время политик не может быть просто хорошим, энергичным, умным человеком. Его деятельность требует сочетания особых качеств, нередко и таких, которые можно восприиять только как недостатки, если бы речь зашла о какой-то другой профессии. Так, у Ельцина мы наблюдаем прямолинейность, спонтанность действий, одержимость, жесткость. В его биографии можно найти и такие оценки: «С ним как в хвосте рванувшей ракеты — можно только сгореть», «У него с людьми какие-то надчеловеческие отношения», «Не щадя себя, Ельцин не щадит и других», «Он был фанатиком работы» (4. С. 96—97). Хорошо известно, что Ельцин грешил популизмом, совершал ошибки, которые удивляли своей бестактностью, а то и просто бесцеремонной грубостью. Он явно дистанцируется от подчиненных и соратников, давая понять о своих претензиях на особую роль, особую ответственность и права. Себя он воспринимает не без оттенка мессианства, т. е. как человека, на которого возложена самой историей особая историческая миссия — вернуть Россию в цивилизованный мир. Перечисляя недостатки, следует понимать, что они являются обратной стороной достоинств. Спонтанность действий непосредственно связана с готовностью в любой ситуации принять решение; прямолинейность, упрощенное восприятие проблем — обратная сторона целеустремленности. Жесткость в политической борьбе необходима по определению, поскольку оппоненты и враги иного стиля нередко не воспринимают, а всякую уступку считают слабостью и сигналом для атаки.

Перечисленные недостатки Ельцина не идут ни в какое сравнение с теми преступлениями, которые числятся за Лениным. И здесь надо подчеркнуть принципиальное отличие президента от вождя мирового пролетариата: Ельцин зарекомендовал себя принципиальным противником силовых действий в политике, он категорически против пролития крови, какими бы целями это ни мотивировалось. Удивительно, но при всех трудностях и сложнейших проблемах России при Ельцине ни разу не пошла на решение конфликтов вооруженным путем. А ведь поводов как в отношении с ближним зарубежьем, так и внутри страны было немало если не для боевых действий, то хотя бы для бряцания оружием.

Другая черта Ельцина, радикально отличающая его от Ленина, — совершенно иное отношение к свободе слова и печати. Удивительно, но человек, воспитанный при советской власти, оказался столь привержен идеалам свободы. Несмотря на ту травлю, которую вели против российского президента многочисленные издания, он ни разу не вступил с ними в конфликт. (Естественно, что августовские события не в счет.) Можно привести еще и другие черты личности и поступки, которые демонстрируют, что между двумя лидерами дистанция огромного масштаба. Однако главный вывод позволяют сделать и эти факты: Ельцин проводит исторический эксперимент, полностью противоположный тому, который осуществил Ленин. И не только потому, что капитализм и коммунизм исключают друг друга, а потому, что он использует принципиально иные методы. Ленин возвел насилие в абсолют и не отступал ни перед чем. Ельцин же впервые в истории пытается провести, и не без успеха, радикальнейшие реформы без насилия. Уникальность его в российской истории состоит в том, что в одном лице соединились сильная воля, желание реформ и отрицание насилия. До сих пор, как правило, были лишь два элемента: либо желание реформ и попытки их проведения разумными средствами, либо сильная воля и реформы, которые проводились жесточайшим способом. Первую линию в истории проводили Александр Второй, Николай Второй, Горбачев, второй вариант связан с именами Петра Первого, Ленина, Сталина.

Ленин и Ельцин — революционеры по своей сути. Революция не представляет собой оптимального способа преобразования общества, она сопряжена с огромными потерями. Однако революции происходят не по воле отдельных людей, а вследствие невозможности разрешения глубинных социальных противоречий. Октябрьская революция безусловно была трагедией. За последующие семьдесят с лишним лет человечество на примере России получило неоценимый опыт.

И результаты политической деятельности Ельцина неоднозначны: разрушение социальной системы повлекло за собой немало драматических и трагических последствий. Однако бесплатного социального прогресса, наверное, не бывает, и человечеству за все приходится платить. Благодаря Ельцину Россия решительно рассчиталась со своим тоталитарным прошлым и сделала решительный шаг к остальному миру, к нормальной человеческой жизни. Однако движение это оказалось чрезвычайно непростым и тяжелым. Не исключено, что именно Ельцину придется заплатить за все...

ЛИТЕРАТУРА

1. Вождь. Ленин, которого мы не знали. Саратов, 1992.
2. Рассел Б. Теория и практика большевизма. М., Наука. 1991.
3. Макиавелли Н. Государь. М., 1991.
4. Соловьев В., Клепикова Е. Борис Ельцин. М., Вагриус, 1992.

ВИКТОР БЕЗОТОСНЫЙ
кандидат исторических наук

ВОЛЬНОЕ ПЛЕМЯ

В новом разделе журнала — «Экспонат» — мы предполагаем знакомить читателей с разнообразными музейными коллекциями, редкими фондовыми собраниями, которые так или иначе дают представление о некоторых важных аспектах жизни России. А начинает эту серию Государственный Исторический музей.

Выезжают погулять,
Серых уток пострелять,
Руку правую потешить,
Сорочина в поле спешить,
Иль башку с широких плеч
У татарина отсечь,
Или вытравить из леса
Пятигорского черкеса, —

воспевал Александр Пушкин молодецкий разбой и казачью вольную удаль.

История этого уникального, самобытного, свободного «войскового товарищества» насчитывает несколько веков. Уже к 1917 году в России, на территории 13 казачьих войск, проживало около 5 миллионов человек. На Днепре, Дону, Тереке, Яике, в самостоятельных казачьих республиках, царил особый дух вольницы, привлекавший многих русских «беглых» людей. Да и сам термин «казак» большинство ученых определяло, переводя с тюркского, как «вольный человек». Не случайно, когда в 1814 году российская армия вошла в Париж, казаки, в отличие от русских солдат и даже многих офицеров, очень легко находили контакт с местным населением. Их любили рисовать иностранные художники.

М. И. Платов

Общественная организация, уклад жизни, культура, фольклор, быт, идеология, поведенческие стереотипы казаков всегда заметно отличались от порядков, заведенных иными жителями страны. И все это несмотря на общего царя, язык, религию... Имела место даже определенная отчужденность казачества от остального населения империи.

Главной особенностью быта и общественной жизни казаков являлась военная организация. Войско делилось на округа и станицы во главе с выборными атаманами. Во время войны избирался походный атаман, подчинение которому было беспрекословным. Основные решения принимались на общеказачьих собраниях — станичных и войсковых Кругах или Радах. Дипломатические отношения с Россией поддерживались отправкой зимовых станиц в Москву с назначенным атаманом.

Во все времена казачество являлось универсальным родом войск.

Про казака говорили, что он рождается в седле. И в самом деле, во все времена казаки считались великолепными наездниками, не знавшими равных в искусстве джигитовки. Военные специалисты оценивали казачью конницу как лучшую в мире легкую кавалерию. Воинская слава ее укрепилась на полях сражений в Северную и Семилетнюю войны, а особенно в эпоху 1812 года, не говоря уже о покорении Кавказа. Центральной Азии, освоении Дальнего Востока и Сибири, а также ратных лаврах, завоеванных казаками в русско-турецких, русско-японскую и первую мировую войнах.

Умело сражались казаки не только на коне, но и в пешем строю. Неоднократно участвовали они во взятии городов: при штурме Измаила Суворов, например, специально сформировал две казачьих колонны. Случалось им и держать оборону; так, в анналы военной истории вошло знаменитое «Азовской сидение» 1637—1641 годов. Во время же войн XIX века прославили себя черноморские пластуны (кубанская пехота), подарившие нашей армии термин «ползать по-пластунски».

В стародавние времена казаки имели и свой флот и в совершенстве владели искусством судовождения. Их одномачтовые беспалубные лодки, обшитые с боков камышом («чайки», «стюрны», «шлеры», «думбасы»), под защитой туманов или ночью нападали на тяжелые турецкие «каторги» и персидские галеры. На вооружении казачьи суда лишь иногда имели миниатюрные мелкокалиберные пушки — фальконеты. Они укреплялись уключинами по бортам. Составленные из легких судов казачьи флотилии совершали знаменитые «походы за зипунами» к берегам Крыма, Турции, Персии и привозили богатый «дуван», т. е. добычу, которую делили по справедливости, а доля погибших передавалась их семьям. Освоены казачьим флотом были и реки (не случайно большинство названий войск возникло от наименований рек, на которых располагались их земли: Днепр, Буг, Дон, Хопер, Кубань, Терек, Яик, Волга, Исеть, Енисей, Амур, Уссури).

Жизнь, полная военных тревог и опасностей, сформировала особый психологический тип мужчин, с детских лет связанных профессионально с военным делом. Однако, рассказывая о предприимчивых, смелых, гордых, сильных духом и верой мужчинах, «несправедливо было бы забыть о роли женщин в казачьих обществах».

Веками сложившийся быт держался на станичных порядках, находившихся под контролем мужчин, и на семейном укладе, где женщины всегда имели равные права. Казаки часто надолго покидали свои курени, и на плечи жен, хранительниц очага, ложились все заботы о детях, хозяйственные хлопоты, одним словом — они обеспечивали крепкий тыл. Наряду с характером воина-казака столетиями складывался и тип верной и энергичной казачки, содержащей дом и в любой момент способной защитить себя и семью от возможных опасностей.

Свидетельства славной истории казачества хранятся в Государственном Историческом музее — главном «держателе» казачьих раритетов. Располагая уникальным документальным материалом, музей готов организовывать выставки, издавать альбомы и буклеты. Как всегда в наше время, не хватает только денежной поддержки. Остается надеяться на состоятельных меценатов, в том числе и из среды возрождающегося казачества.

Войсковой атаман

Станичный атаман

Донской казак

Старшина Войска Донского

Девичий обряд богатых людей

Казачка верховых станиц

Зимний обряд

Обряд старшинских жен

Пребывание казаков в Париже в 1814 г. Гравюра Г. Опица. 1815 г.

О СКЛОННОСТЯХ СИХ НАРОДОВ

Козаки оные так, как и прочие Северные народы, хотя к питью крепкого напитка и весьма склонны, но самих пьяниц между ними мало. Когда ж будут в походе, тогда они весьма воздержаны, а особливо на судах. Истинно не без хвалы достойное обыкновение в таком народе, который многие почитают суровым, однако ж тем прочим военнослужащих, а паче матросов, превосходит.

О природе и одежде их

Они почти все смуглого и румяного лица, волосом черные и черно-русые, острого взгляда, смелы, хитры, остроумны, храбры, горды, самолюбивы, пронырливы и насмешливы. Оружие их: ружья, пистолеты, копья, шашки и сабли. Болезней мало знают, небольшая часть умирает против неприятеля и от старости. Платье носят почти совсем татарское, парчовое, штофное и суконное, кафтан и полукафтанье или бешмет, и штаны широкие, сапоги и шапки черкесские, опоясываются кушаками. Волосы на голове вокруг подстригают, ходят с бородами, а некоторые, оставляя усы, бреют. Жены их лица круглого и румяного, глаза темные, большие, собою плотные и черноволосые ж, к чужестранцам неприветливы; они носят: зажиточные — каврак, или саян[1], и кобилеки[2] парчовые, штофные и прочей материи, то есть кафтан долгий и полукафтанье, которое только ниже колен длиною, из-под коего видна шелковая цветная рубашка, также и рукава оной, по нынешнему обычаю с обшивкою, как у мужчин, а по старому — висят широкие; и опоясываются по кубелеку поясами с чепраками[3], то есть с золотыми, серебряными, а иные и с дорогими каменьями, и с медными по ремню бляшками, разными узорами сделанными, и напереди с замочною пряжкою. На голове носят повязки с висящими по щекам чикиликами[4], то есть лопастьями жемчужными, а поверх оных высокие кички с сороками[5], наподобие стоячей большой треугольной лопаты, вышитой спереди золотом, серебром и шелками в узор, а иные унизаны дорогими каменьями и жемчугом, с накрытым белым тонким сальником[6], то есть кисейною или флеровою фатою с распущенными назади концами; нынешние ж, по большей части старшинские и богатых козаков жены носят, с черкесского обычая, собольи круглые шапки с унизанным каменьями и жемчугом, а у маломощных в узор золотом и серебром расшитым, или из какой парчи, материи или бархата, плоским верхом;

вдовы же носят их без всякого украшения, только черные; на шее ж перлы[7], или борок[8], тоже низанье, и от серег висящая цепочка, или просто нитки жемчужные, а на руках, при самой ручной кости, кольца нарочитой толщины, золотые и серебряные, называемые бизилики[9]. Запросто ж и по-домашнему ходят в высоких повойниках[10], в парчовых, бархатных, штофных и тому подобной материи, повязавши узко шелковым платочком; на ногах носят чулочки, или ичиги[11] кожаные, желтые, и туфли или башмаки, красные, золотом шитые, а вдовы — черные. У простых и небогатых козаков в верховых станицах[12] жены носят с двумя рожками посредственные и малые кички, с сороками ж, шитыми шелками и красною бумажною пряжею, так точно, как в России деревенские бабы, и так же в поневах[13], в мужниных кафтанах, в лаптях, портнях[14] и сапогах, а летом босиком.

Из книги А. Ригельмана «История и повествование о донских казаках». М., 1846.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Каврак и саян — разновидности распашных сарафанов у донских казачек.
2. Кобилеки, кубелеки — женская одежда.
3. Пояс с чепраками — отороченный пояс.
4. Чикилики — подвески из жемчуга на женском головном уборе.
5. Кички, сороки — разновидности женских головных уборов у казачек.
6. Сальник — женский головной убор, надевавшийся под платок.
7. Перлы — нашейные украшения, ожерелья.
8. Борок — сборенный воротничок; женские украшения на шее из ниток бус, бисера, янтаря.
9. Бизилики — браслеты.
10. Повойник — разновидность женского головного убора, носимого по будням, под который надевался волосник (шапочка).
11. Ичеги, ичиги — мягкие полусапожки, надевавшиеся на босу ногу, использовались как комнатная обувь.
12. Верховые станицы — донские казаки делились на верховых и низовых, между ними существовали определенные различия.
13. Понева — широкая верхняя юбка, которую носили замужние женщины.
14. Портни — одежда.

НИНА МИНЕНКО,
доктор исторических наук

«ДЕРЖАТЬ ПОД КРЕПКИМ И ОСТОРОЖНЫМ КАРАУЛОМ»

БОЯРЕ РОМАНОВЫ В ПЕЛЫМЕ И НЫРОБЕ

Приобретение громадных сибирских и дальневосточных территорий стало немалым подспорьем для российских самодержцев. Весьма эффективным средством воспитания строптивых и неугодных стали малонаселенные суровые края, максимально удаленные от обеих столиц. К началу XVIII века вполне сформировалось несколько видов ссылки: «в службу» (отправка на какую-нибудь должность в Сибирь), «в работу» (проще говоря, на каторгу), в монастырь и «под караул» (в тюрьму). Последний способ наказания применялся к «государственным преступникам», особенно опасным в силу своего авторитета и родственных связей...

Местом заточения многих знатных узников избирали Яик (с конца XVIII века — Урал). Первым «облюбовал» эти земли Борис Федорович Годунов. В мае 1591 года по его приказу были жестоко подавлены волнения, вспыхнувшие в Угличе в связи с гибелью царевича Дмитрия (пострадало более двухсот человек). По словам летописца, Годунов «иных казняху, иных языки резаху, иных по темницам разсылаху; многих же людей отведоша в Сибирь и поставиша град Пелым и ими насадиша, и оттово же Углеч запустел»[1].

И действительно, в числе первых жителей Пелыма — небольшого городка, выросшего в конце XVI столетия среди лесов и болот Северного Урала, в устье одноименной речушки, притока Тавды, было 30 угличан. «В новом городе на Пелыме» осели также опальные посадские люди из Москвы и Калуги. Река служила практически единственной коммуникацией, связывающей Пелым с внешним миром. «Летом можно еще с трудом проехать на лошадях несколько верст от города, — писал академик Г. Ф. Миллер, побывавший в Пелыме на рубеже 30—40-х годов XVIII века, — а зимой, из-за глубокого снега в лесах и непроезжих дорог, чаще ходили пешком на лыжах, и на лошадях было невозможно ездить. По этой причине с самого начала конные казаки оказались здесь ненужными, и пришлось сохранить только пеших стрельцов...»[2]

По-видимому, именно исключительная оторванность от «большой земли» послужила достаточным основанием для того, что в 1600 году одним из первых пелымских «новоселов» стал стольник Иван Никитич Романов — дядя Михаила Федоровича, первого царя из новой династии. Вскоре по приказу царя Бориса в Пелым из Яренска был переведен родной брат Ивана Никитича — Василий. Третий из братьев — окольничий Михаил Никитич с августа 1600 года отбывал ссылку в деревушке Ныроб, расположенной по другую сторону Уральского хребта, в 45 верстах к северу от Чердыни.

Романовы приходились двоюродными братьями царю Федору Ивановичу, последнему представителю династии Ивана Калиты (их отец Никита Романович Юрьев — брат царицы Анастасии, первой жены Ивана IV), и могли претендовать на царский трон. Говорили даже, что царь Федор, умирая, «вручил свой царский жезл» старшему из братьев Романовых — Федору Никитичу, но тот, «чтобы избавить свое любезное отечество от внутренних междоусобий и кровопролитий», передал «корону и скипетр Борису»[3]. Вообще, по мнению современников (оставивших нам весьма привлекательный словесный портрет Юрьевых — Романовых), Романовы имели больше прав на престол, чем Годунов, поскольку последний по крови не был ни Рюриковичем, ни потомком Калиты. Неудивительно, что царь Борис только ждал удобного случая, чтобы избавиться от соперников. Тем более что из разных частей страны доносились до него «крамольные» речи. «Кому де тому сидеть на царстве, хто семена царские перевел, Дмитрия царевича на Углече велел потребити...» — говорили, например, «промеж себя» жители Тобольска в 1598 году[4].

Летопись так излагает причину опалы. Родственник и доверенный царя Бориса, дворецкий Семен Годунов сумел подкупить казначея Романовых Бартенева Второго, и тот подкинул в кладовую Александра Никитича Романова мешок «с кореньями», а потом донес, что господа его припасли для государя отравное зелье. Тотчас произвели обыск, «коренья» нашли; Романовых с их родней и друзьями заключили под стражу. Последовал суровый приговор: старший из братьев, Федор Никитич, был насильно пострижен в монахи и сослан в монастырь на Северную Двину; та же судьба постигла его жену Ксению Ивановну, отправленную в один из Заонежских погостов; их 6-летнего сына, будущего царя Михаила Федоровича, с сестрой Татьяной, теткой Настасьей Никитичной и другими родственниками сослали на Белоозеро; по разным местам отправились в ссылку и остальные «преступники». Царь Борис торжествовал — его враги были повержены.

Самой трагичной оказалась судьба Михаила Никитича Романова. Уральская земля встретила его неприветливо. «В этом краю, в особенности осенью, — сообщал побывавший в Ныробе в августе 1857 года профессор Н. Вагнер, — уже чувствуется приближенье полярных стран, почти безлесных, болотистых тундр, немых пустырей. Небо бледно, холодно, в лесу мертвая тишина, все деревья становятся вообще ниже, сосны в особенности на мокрых местах как бы растут в землю... Цветов нет, трава чахлая, редкая; только олений мох разрастается сплошным серо-зеленым ковром по прогалинам и краям дорог»[5]. В отличие от Вагнера, опальный боярин не мог наблюдать северной природы — везли его в глухой кибитке, под стражей, закованного в кандалы. В 1815 году местный 100-летний крестьянин Максим Денисович Пономарев рассказывал известному путешественнику, географу и историку флота В. Н. Берху: «Михаила Никитича привезли в Ныроб зимою в 1601 г.; при нем находился некто Роман Тюшин и 6 человек сторожей, кои принялись немедленно выкапывать для него яму. Пока они трудились над делом сим, то Михаила Никитича, стоявшего подле саней, завалило снегом. Утесненный оным, схватил он обеими руками сани и отбросил оные шагов на десять в сторону. Столь необыкновенная сила удивила ныробцев: сани были так тяжелы, что едва пять человек могли оные тронуть с места. Дорывши землянку, посадили в оную Михаила Никитича, оставя только малое отверстие для света, а стража расположилась в ближнем домишке. Чрез несколько времени, когда морозы очень усилились, сделали в землянке маленькую печь»[6].

В 1891 году пермский историк А. А. Дмитриев уточнил время прибытия узника в Ныроб (по его версии — август 1600 года), но подтвердил остальное. Сырая и холодная темница, вырытая в земле, и к концу XIX века сохранялась в почти первоначальном виде и, по утверждению Дмитриева, мало отличалась от могилы (площадь ее составляла около двух квадратных сажен, а вышина не превышала двух с половиной аршин). Маленькое отверстие в потолке служило и для освещения, и для подачи пищи, и в качестве дымохода. Движения арестанта сковывались не только теснотой землянки, но и трехпудовыми плечными, ручными и ножными «железами», которые никогда не снимались.

Хотя Романов строго охранялся, местные жители сумели многое разведать. Узнав, что узника держат исключительно на хлебе и воде, крестьяне, по словам того же Пономарева, «научили детей своих носить к нему в дудочках квас, масло и подобные вещи. Дети, как будто бы играя около землянки, спускали в оную дудочки свои и питали подобным образом заточенного Михаила Никитича». Однако разоблачение оказалось неминуемым. Начальник стражи Р. Тюшин (Тушин) отправил донос в Москву; вскоре по приказу Годунова все местные домохозяева (в Ныробе тогда имелось 6 дворов) были схвачены и отправлены для

допросов в Казань. В грамоте царя Михаила Федоровича от 15 ноября 1621 года говорилось: «И как прислан был с Москвы от царя Бориса боярин Михайло Никитич Романов и в том Ныробском погосте сидел в тюрьме, и того де погоста крестьяне к боярину к Михаилу Никитичу тайно, в украд, подносили всякой съестной припас», за что и «пытаны» затем «разными пытками, и с пытки один в Казани умер». Оставшиеся в живых содержались в тюрьме и возвратились домой только в царствование Василия Шуйского.

К тому времени Михаила Никитича Романова уже не было в живых — он умер в ныробском заточении в августе 1601 года. В деревне долго «носился слух», что «буйная стража», желавшая побыстрее выбраться из захолустной деревеньки, поспешила уморить узника голодом. Судя по всему, Годунов был доволен таким финалом: никакого расследования обстоятельств смерти окольничего не производилось, а Р. А. Тюшин (Тушин) успешно продолжал свою карьеру, оказавшись впоследствии на воеводстве в Туринске.

В феврале 1602 года уральская земля приняла и второго Романова, Василия Никитича, который умер в Пелыме. Сюда он прибыл из Яренска под надзором стрелецкого сотника И. Некрасова и в сопровождении верного слуги Сеньки, будучи уже тяжело болен. Хотя в наказе, данном сотнику Некрасову, повелевалось ссыльного «не ковать» и в день давать ему «с человеком» по калачу «да по два хлеба денежных; в мясные дни — по две части говядины да по части баранины; в рыбные дни — по два блюда рыбы, какая где случится, да квас житный», тот действовал посвоему: и кормил скудно, и «железа на Василья положил».

В Пелыме Василия Никитича от Некрасова принял Смирной Маматов, охранявший до того одного Ивана Никитича. «И ты деи у него взял Василья, — выговаривал Годунов в грамоте Смирному Маматову от 15 января 1602 года, — посадил с братом с его, с Иваном, в одной избе на чепях по углом. А по нашему указу Ивана и Василья Романовых ковати вам не велено, и вы то делали мимо нашего указу. И как к тебе ся наша грамота придет, и ты б Ивана и Василья расковал; а того б еси берег, по прежнему нашему наказу, накрепко, чтоб оии не утекли и с двора не сходили, и лиха никоторого над собою не учинили, и к двору б к ним никто не приходил и не розговаривал ни о чем... А корм бы еси давал, по нашему указу, доволен»[7].

Казалось бы, жизнь пелымских узников была намного легче, чем их брата Михаила Никитича: и корм получше, и могли они поддерживать друг друга, и верный слуга находился при них, и обитали они в избе, а не в земляной яме. Однако надо учитывать, что в Пелыме Романовы оказались в голодное время; хлеб был страшно дорог, «и тово де купить не добыть». Так что не всегда они, видимо, имели хотя бы хлеб. К тому же цепи с них так и не были сняты. О смерти Василия Никитича Маматов, например, доносил следующее: «Взял я твоего государева изменника Василья Романова больного, чуть живого, на цепи, ноги у него опухли; я для болезни его цепь с него снял, сидел у него брат его Иван да человек их Сенька; и я ходил к нему и попа пускал... А... Иван Романов болен старою болезнию, рукою не владеет, на ногу немного прихрамывает»[8]. Так что Василия Никитича расковали только перед самой смертью. Столь смелое поведение стражника заставляет присоединиться к предположению историка А. Нечволодова о том, что «приставам при узниках» «могло быть дано словесно и тайное поручение держать заключенных в возможно большей тесноте и лишениях, причем, в случае их смерти, большой беды себе не ждать»[9].

И все-таки Ивану Никитичу удалось выжить: после смерти брата Василйя его, по ходатайству И. И. Годунова, женатого на сестре Романовых Ирине Никитичне, «уже без имени злодея», переводят на службу в Уфу, оттуда в Нижний Новгород и, наконец, в Москву. Лжедмитрий I вернул из ссылки и приблизил к себе всех родственников царя Федора Ивановича. Иван Никитич Романов получил чин боярина. Последовал указ Лжедмитрия о перевозе в Москву праха Василия Никитича и Михаила Никитича, где их «и схоронили с честию там, где лежали их предки и ближние».

В одном из письменных сказаний сообщается, что при вскрытии могилы Михаила тело его «из земли взято ничем невредимо, только от руки от перста некоторый член земля взяла». В. Н. Берху во время его пребывания в Ныробе поведали местное предание, что лет через семь после этого события «явилась в версте от деревни... икона Николая Чудотворца». Жители Чердыни, узнав о том, поспешили забрать ее «себе в город; но на другое утро очутилась икона на прежнем месте». Ныробцев, продемонстрировавших доброе отношение к ссыльному и пострадавших за это, царь Михаил Федорович «пожаловал обельною грамотою, в силу которой избавлялись они от всех повинностей».

Еще в 1602 году над темницей, в которой провел свои последние месяцы дядя первого царя из династии Романовых, была построена деревянная часовня. В 1793 году «тщанием и коштом» крестьян Ныробской волости вместо бывшей деревянной возвели каменную часовню во имя архангела Михаила. Ежегодно 6 сентября в этой часовне отправлялась панихида «по Михаиле Никитиче», а на Троицу к часовне совершался крестный ход, и на площадке рядом с ней служился молебен. «Многие богомольцы, — сообщал в 1881 году священник Богоявленской церкви В. Попов, — посещающие темницу Михаила Никитича, берут оттуда песок и утверждают, что он имеет целебную силу»[10].

В 1736 году жители Ныроба возвели каменный храм во имя Богоявления Господня. В интерьер Богоявленской церкви было включено место захоронения Михаила Никитича Романова. Над ним возле северной стены храма находились гробница и кандалы, которые сняли с мертвого узника. Сейчас эти кандалы хранятся в Чердынском краеведческом музее. В. Попов рассказывал А. А. Дмитриеву, что «усердные богомольцы, посещающие Ныроб, надевают на себя оковы Михаила Никитича и простаивают в них обедни и панихиды, отправляемые над гробницей страдальца».

Надо отметить, что Ныроб с его святынями приобрел широкую известность. Не только жители разных уездов Пермской губернии шли сюда на богомолье «многочисленными толпами». Приходили также из Вятской, Вологодской, Архангельской, Казанской, Оренбургской губерний и других мест России. В Великий пост в Ныроб являлось до 6000 человек. Помимо того, стечения богомольцев наблюдались в дни святителя Николая, в неделю Всех святых и в первое воскресенье после Петрова дня (в так называемый здесь «собор»).

Сегодня в Ныробе вам скорее всего станут рассказывать не о «святом» Михаиле, а о «пламенном революционере» Климе Ворошилове, отбывавшем здесь ссылку в 1913 году...

Опыт Бориса Годунова, смело «осваивавшего» затерявшиеся в российской глухомани деревни, монастыри и острожки, ссылая туда своих политических противников и соперников, нашел широкое применение и гораздо позже. В частности, уральский Пелым стал местом ссылки двух известнейших «государственных преступников»: Эрнста Иоганна Бирона и Бурхарда Кристофа Миниха... Но об этом в следующей статье.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Полн. собр. рус. летописей. Т. XIV. Ч. 1. С. 42.
2. Миллер Г. Ф. История Сибири. М.; Л., 1937. Т. 1. С. 282.
3. Нечволодов А. Сказания о русской земле. СПб., 1913. Кн. IV. С. 344—345.
4. РГАДА. Ф. Сибирский приказ. Кн. 2. Л. 131 об. — 132.
5. Вагнер Н. От Чердыни до Ныроба//Пермский сборник. М., 1860. Кн. 2. С. 1.
6. Берх В. Путешествие в Чердынь и Соликамск для изыскания исторических древностей. СПб., 1821. С. 99—100.
7. Акты исторические. Т. II. С. 42.
8. Соловьев С. М. Соч. М., 1989. Кн. IV. С. 384.
9. Нечволодов А. Указ. соч. С. 347.
10. Дмитриев А. А. Ссылка окольничего Михаила Никитича Романова в Чердынский край и ныробские древности//Сб. материалов для ознакомления с Пермскою губерниею. Пермь, 1891. Вып. 3. С. 70.

НИКОЛАЙ УЛЬЯНОВ

РОКОВЫЕ ВОЙНЫ

Очередная статья русского историка Николая Ивановича Ульянова (1904—1985) продолжает цикл публикаций из наследия ученого (см. «Родина», № 3, 1990; № 2, 1991; № 6—7, 1992). Надеемся, что полемическая работа «Роковые войны России» станет и своеобразным анонсом очередного специального номера «Родины» (№ 8, 1993) о событиях первой мировой войны.

В знаменитом сочинении «О праве войны и мира» Гуго Гроций делит войны на справедливые и несправедливые.

Это едва ли не первая попытка разобраться в природе страшного явления. Сейчас она забыта и оставлена.

Война признана «уделом человечества», его вечной спутницей, и в ней усмотрено нечто мистическое. В древности эту мистику чувствовали острее, чем в наши дни. Китайский трактат Сунь-Цзы, написанный две с половиной тысячи лет тому назад, начинается словами: «Война — это великое дело для государства, это путь жизни и смерти, это путь существования и гибели».

Девятнадцатый и двадцатый века с их неслыханными катастрофами обострили внимание к роковому явлению, и «путь существования и гибели» приходится ныне усматривать не в справедливости и несправедливости войн, а в их разумности и неразумности.

В истории новой Европы наблюдается две великих страны, противоположные друг другу по характеру их войн: Англия, редко начинавшая войны без соображения их целесообразности и надобности для государства, и Россия, вступавшая в войны без особых размышлений.

Ни в киевские, ни в московские времена Русь не страдала таким легкомыслием. Не видим его и в войнах Петра Великого. Были у него просчеты и неудачи чисто военного характера. На Пруте он в 1711 году чуть не попал в плен к туркам, но в замыслах своих походов руководствовался целями, продиктованными нуждами государства.

Совсем другой стиль начался после его смерти.

В царствование его племянницы Анны Иоанновны, в Крыму и под турецкими крепостями уложено до 100 тысяч русских солдат, истрачены миллионы рублей, а мирный договор был таков, что согласно ему России запрещалось иметь военные и торговые суда на Черном море. Азов хоть и уступлен был России, но без укреплений. Они должны были быть срыты. Даже императорский титул русской царицы не был признан Турцией.

«Россия ие раз заключала тяжелые мирные договоры, — говорит В. О. Ключевский, — но такого постыдно-смешного договора, как белградский 1739 года, ей заключать еще не доводилось». Оно и неудивительно. Мир заключали не русские дипломаты, даже не состоявшие на русской службе, а поручено это было Вильневу — французскому послу в Константинополе — явному врагу России. За оказанные им услуги он получил вексель в 15 тысяч талеров и Андреевский орден, а его сожительница — бриллиантовый перстень.

Не лучше была внешняя политика императрицы Елизаветы Петровны — дочери Петра Великого. Стараниями французской и австрийской дипломатии ее втянули в Семилетнюю войну, совершенно нам не нужную и не касавшуюся России. Русские войска под Кунерсдорфом нанесли Фридриху Второму сокрушительное поражение, но, кроме потери нескольких тысяч солдат и огромных расходов, никакой выгоды для России не было. Да никаких выгод и не искали. То был как бы русский подарок Австрии.

По словам графа Кауница, тогдашнего канцлера австрийской империи, «политика России истекает не из действительных ее интересов, а зависит от индивидуального расположения отдельных лиц». В этом и заключался новый стиль русской внешней политики и войн в послепетровские времена. Сегодня приходило на ум послать армию в Пруссию против Фридриха Второго, завтра в Италию для изгнания оттуда французов, а послезавтра приказ: «Донскому и Уральскому казачьим войскам собираться в полки, идти в Индию и завоевать оную». На что нам Индия, никто не знал. Знал только Первый консул Франции Наполеон Бонапарт — вдохновитель Павла Первого. Чем-то покорил он сердце русского царя и нашел в нем поклонника своего плана сокрушения Англии, с которой боролся и которую никак не мог уязвить по причине ее островного положения. Уязвимое место усмотрел в английских колониях — в Индии. На нее и убедил Павла направить своих казаков. Сам Павел чуть не на другой же день задушен был собственными приближенными. Индия не пострадала. Но приказ его навсегда останется свидетельством одной из роковых болезней старой русской государственности.

Огромная страна шла на поводу у чужой дипломатии, становилась жертвой родственных и дружеских связей царской фамилии с иностранными дворами и навеянных извне политических фантасмагорий.

В своем положении неофита, Россия не имела никаких специальных интересов на Западе, и до наступления культурной и экономической зрелости ей надлежало не вмешиваться в ненужные европейские распри. Но вопреки всему, она как раз усердствовала в этом направлении.

Похоже, что весь одиум безумного приказа о завоевании Индии Павел Первый передал своим старшим сыновьям, царствовавшим после него — Александру и Николаю. Оба вошли в историю кровопролитными, но ненужными для страны войнами.

Вместо накапливания хозяйственных и культурных сил, совершенствования армии, ослабления внутренних противоречий, проведения давно назревших реформ — они безрассудно расходовали энергию империи на разорительные, ничем не оправданные войны.

Безусловно спросят: «Как?.. И Александр Первый, с именем которого связана эпопея борьбы с Наполеоном?». Да, и он. Эпитет «благословенный» и столетняя патриотическая легенда, окружавшая его имя, затруднили исторической науке работу по реставрации подлинного облика этого царя.

Самая ненужная, самая кровопролитная, самая разорительная для России из войн XIX века была именно война его с Наполеоном. Ее называли отечественной, «народной». Это верно лишь в том смысле, что народ вынес ее на своих плечах и освятил своей кровью в боях и походах. Но по замыслу, по ненужности, по пренебрежению к национальным интересам, эта война — одна из самых неоправданных.

Говорю «война», хотя это были две, если не три войны, но до того тесно связанных между собой и разделенных такими короткими интервалами, что их можно считать за одну.

Все мыслящие русские люди были охвачены тревогой, когда в 1805 году она началась. «Никогда не забуду своих горестных предчувствий, — писал впоследствии Н. М. Карамзин, — когда я, страдая в тяжелой болезни, услышал о походе нашего войска...

Россия привела в движение все свои силы, чтобы помогать Англии и Вене, то есть служить им орудием в их злобе на Францию, без всякой особенной для себя выгоды».

Россия в начале XIX века стояла в стороне от потрясавших Европу страстей и событий. Они ее не касались. При наличии ясной политической линии ей нетрудно было бы уклониться от всякого вмешательства в тогдашние распри. Конечно, антинаполеоновская коалиция, особенно англичане, всячески обхаживали ее в своих целях, но никто не в силах был бы принудить ее вступить в эту коалицию, не будь у нее самой такого желания. Оставшись зрительницей всего происходящего, она сэкономила бы силы для внутреннего своего развития. Это тем более, что волнения тогдашней Европы не имели к ней никакого касательства. Тем не менее оказалось, что император Александр I не только жаждал такого вмешательства, но горел желанием сыграть роль в Европе.

Ужасные войны, наполняющие его царствование, коренились в личности этого самодержца, в завладевшей им страсти. В жертву ей принесены были сотни тысяч жизней, восемь разоренных губерний и сожженная столица государства.

* * *

Наполеон в это время был императором, готовился ко вторжению в Англию через Ла-Манш и ни о каком походе в Россию не думал. Россия сама по себе не нужна была ему. Сиди она смирно — никто бы ее пальцем не тронул. Но русскому императору не сиделось смирно. Он ищет предлога к открытому разрыву мирных отношений с Францией.

В 1804 году происходит расстрел во рву Венсеиского замка одного из членов низложенной династии Бурбонов — герцога Энгиенского, схваченного на территории Бадена. Монархическая Европа возмущена. Но больше всех возмущался и громче всех протестовал Александр. Он выслал из Петербурга французского посла Эдувиля и отправил ноту Наполеону, обвиняя его в нарушении неприкосновенности баденской территории. Какое ему было дело до баденской территории и почему именно он счел себя вправе выступить защитником ее чести?

Искал предлога для ссоры?

Сейчас, больше чем через полтораста лет, не всякому понятно это желание. Не ничтожный же герцог Энгиенский был тому причиной и не русские помещики, заинтересованные, будто бы, в сбыте на английском рынке продуктов сельского хозяйства, как об этом ныне думают марксисты.

Вражда его к Наполеону — явление исключительное, почти единственное в истории. Она встречается, разве что, в шекспировских драмах. Это нечто вроде соперничества Тулла Ауфидия с Кориоланом или принца Генриха с сэром Перси Хотспер.

Двум звездам не блистать в одной орбите,
И принц Уэльский вместе с Гарри Перси
Не могут властвовать в одной стране.

Александр Павлович был человеком непомерного тщеславия. Смолоду завидовал славе Наполеона и втайне мечтал затмить ее своей собственной славой.

«Наполеон или я, я или он, но вместе мы не можем царствовать».

Сестре своей Марии Павловне говорил: «Рано или поздно один из нас должен уйти».

Всем известно, чем кончилась война 1804 года. Русско-австрийские войска потерпели полный разгром под Аустерлицем. Русские разбиты были также под Фридландом. Австрия и Пруссия капитулировали. Александр остался один и должен был мириться с соперником на условиях достаточно унизительных. Наполеон стал владыкой Европы. Проучив Александра, он превратил его союзников Пруссию и Австрию в своих покорных вассалов, дрожавших перед грозным победителем, как куры перед ястребом.

Александру пришлось смирить свой воинский пыл. Но и после этого он дал столько доказательств вражды к Наполеону и зародил в нем столько сомнений в своей лояльности, что французский император решил

предупредить опасность с этой стороны путем сокрушения, раз навсегда, северного колосса. Началось знаменитое нашествие его на Москву.

Могло ли оно быть предотвращено? Все ли было сделано для этого императором Александром? Вторжения, конечно, могло не быть, не восстанавливай Александр корсиканца своим поведением и не вызывай у него подозрений.

Здесь нет необходимости описывать эту войну, столь хорошо всем известную. Гораздо больший интерес для нашей темы представляет ее финал.

В старых учебниках истории гибель Великой Армии рассматривалась, обычно, как сигнал для восстания всей покоренной Наполеоном Европы. Пруссия, Австрия, все многочисленные княжества и земли, будто бы, поднялись против своего поработителя. Это сплошная легенда.

Ни Пруссия, ни Австрия пальцем не пошевелили. Гипноз имени Наполеона был таков, что никто не дерзнул поднять оружие на корсиканского льва, даже смертельно раненного. Три месяца понадобилось императору Александру, чтобы уговорить прусского короля подняться ради собственного освобождения. Хитрую же Австрию удалось привлечь к союзу только через семь с половиной месяцев. Уламывая тех и других, Александр вынужден был приносить им всевозможные жертвы. Европа не решалась на освободительную войну. Даже Англия — заклятый враг Наполеона — настаивала на мире. Но царь, изгнав врага из российских пределов, призывал всех к свержению ига и к походу на Париж. Против этого решительно высказывался сам фельдмаршал Кутузов — главнокомандующий русской армии. «Наша территория освобождена, а другие пусть сами себя освобождают». Вместе со многими видными соотечественниками он убежден был в том, что окончательное уничтожение Наполеона невыгодно для России.

Поход на Париж 1813—1814 годов был ей так же не нужен, как не нужен был поход 1805 года. Но он нужен был Александру. С исключительным талантом и энергией сколачивал он новую коалицию против Наполеона. На этот раз он был ее душой и руководителем и, буквально, за волосы тянул союзников в Париж.

* * *

Император Николай I — второй сын Павла Петровича, был человеком такого же темперамента. Все его войны, как и войны брата его Александра, имели единственным источником своего возникновения — волю самодержца. Вместо великой задачи внутреннего устроения своей, еще не окрепшей империи, он всей душой пристрастился к внешней политике. «Упоенный силой и величьем», как о нем выразился В. Брюсов, он усвоил агрессивный тон, бряцал оружием, ввязывался в ненужные конфликты и сложные дипломатические положения, приведшие в середине 50-х годов к знаменитой Крымской войне, кончившейся позорным поражением. Существует версия, будто император не вынес этого позора и отравился. При нем вмешательство в чужие войны (кому-то помогать, кого-то освобождать) вошло в систему. Зачем-то послали в 1827 году русский флот к Наварину в помощь английскому и французскому, поддерживавшим греков в их борьбе с Махмудом II. Англичане и французы делали это в своих торговых целях, тогда как у России таких целей не было.

Столь же мало объяснимой была операция 1833 года, когда опять послан был на Босфор русский флот и десять тысяч русских войск в помощь турецкому султану против восставшего на него египетского паши — его вассала. Сам по себе этот демарш не сопровождался военным столкновением и пролитием крови, закончился удачным Ункиар-Искелесским миром, но с какой стати было затевать рискованное предприятие, ничего не обещавшее России, но грозившее ей серьезным конфликтом с Англией и Францией?

Подлинным шедевром николаевской политики было знаменитое подавление венгерского восстания в 1849 году. Венгерцы населяли чуть не половину Австрийской империи. Отделение их от Австрии наносило ей непоправимый удар и превращало во второстепенное государство. Имперская роль Австрии была бы кончена навсегда, и Россия избавилась бы от этого коварного союзника, бывшего всегда ее тайным врагом. И не стоило бы ей это ни одного рубля, ни одного солдата. Надо было только спокойно сидеть и ждать. У венгерцев нашлось достаточно собственных сил, чтобы свергнуть австрийское иго. В их лице Россия обрела бы хороших друзей.

Но в Фельдмаршальском зале Зимнего дворца в Петербурге давно повешена и до сих пор, может быть, висит громадная картина в золоченой раме, изображающая капитуляцию венгерской национальной армии и сдачу ее русскому фельдмаршалу Паскевичу при Виллагоше. Разбив австрийцев и уже почувствовав себя свободными, венгерцы сокрушены были стотысячной армией Паскевича и вынуждены вернуться в прежнюю зависимость от Австрии.

Никогда столь откровенно и столь недостойно русские национальные интересы не приносились в жертву отвлеченному монархическому принципу, понятому самым нелепым образом. Враги России не преминули объявить ее «европейским жандармом», и смыть это клеймо было уже невозможно.

Николай Павлович позднее понял ошибку своей услужливости. Лет через пять, в разговоре с графом Ржевусским, сказал: «Самым глупым польским королем был Ян Собесский, потому что освободил Вену от турок, а самый глупый из русских государей — я, потому что помог австрийцам подавить венгерский мятеж».

Признанная здесь «глупость» была не единственной и не последней. Ее превзошла своими масштабами Крымская война, затеянная с предельным легкомыслием.

У Николая Павловича была навязчивая идея: раздел Турции. При этом он никогда не задавался вопросом: зачем это и по силам ли это ему? Ни для кого этот вопрос не был более обязательным, чем для русского императора.

Его военный флот был несравненно слабее флотов Англии и Франции, а армия могла производить впечатление только своей численностью, превосходной муштрой и природной храбростью русского солдата. Вооружение же ее было скудное и отсталое. Еще более отсталым было военное искусство и образованность генералов, в чем убедились французы в битве при Альме.

Всякому прозорливому дипломату того времени ясно было, что «разделить» Турцию без участия, по крайней мере без согласия, великих держав — невозможно.

Николай знал, что Англия, Франция будут противиться разделу, им незачем расчленять Турцию. Но на протяжении всего своего царствования он старался навязать им эту идею.

В 1833 году в Мюнхенгреце спросил князя Меттерниха: «Что вы думаете о турке? Это больной человек, не так ли?» В 1844 году, при посещении Англии, высказался в беседе с лордом Эбердином прямее: «Турция умирающий человек. Мы можем стремиться сохранить ей жизнь, но это нам не удастся. Она должна умереть и она умрет».

Наконец, вечером 9 января в 1853 году, незадолго до войны, появившись на рауте во дворце великой княгини Елены Павловны, император, подойдя к английскому послу лорду Сеймуру, завел в присутствии всего дипломатического корпуса разговор на любимую тему: «Турция больной человек... Надо заблаговременно сговориться...» И тут же предложил план раздела.

Беседа эта сразу стала известной в Лондоне и в Париже.

А в Париже к тому времени сложился климат неблагоприятный для русского императора. К раздражению, вызванному «турецкой» темой, прибавилась обида, нанесенная Луи Бонапарту. Он совершил 2 декабря 1851 года государственный переворот и учредился у власти под именем императора Наполеона III.

При монархических дворах Европы возникли дебаты: именовать ли его отныне «дорогим братом», как это повелось среди государей, или только «добрым другом», как называли еще недавно, когда он был президентом?

Все монархи сошлись на «дорогом брате». Один русский царь отказал в «братстве», чем и нажил себе врага.

Пруссия и Австрия, сыгравшие провокационную роль в обострении этого конфликта, тайно подогревали его. Особенную остроту приобрел он с возникновением нового мотива: с «ключей от гроба Господня». Кому быть их хранителем?

Несмотря на то, что иерархи христианских церквей (папа Пий XI, московский митрополит Филарет) не видели тут никакой причины для соперничества и проявили полное спокойствие, Наполеон III сделал из этого способ ущемления международного престижа Николая. По его представлению, султан отобрал ключи от Вифлеемского храма у православных греков и передал латинянам. То был явный вызов русскому царю, покровителю православия. Николай Павлович потребовал от султана восстановления прав православных, но получил отказ. Тогда он ввел войска в Молдавию и Валахию, находившиеся под властью султана.

Турция объявила ему войну, в которую вступили вскоре Франция, Англия и Австрия. Так началась знаменитая «Крымская» война — такая же нелепая, такая же роковая для русского народа, для русского будущего, как все войны конца XVIII и начала XIX века.

Со смертью Николая I утихла на некоторое время страсть затевать войны необдуманно, наобум. Новый царь, Александр II, занялся наконец внутренними, давно назревшими реформами. Но даже в его царствование не могли обойтись вовсе без войн, хотя и не таких грандиозных, как Крымская.

Совершенное затишье наступило при Александре III, убежденном противнике войны. В его царствование Россия ни с кем не воевала. И тут оказалось, что достаточно ей не хотеть войны и не провоцировать ее, чтобы войны и не было.

Пагубные страсти вновь открылись в царствование последнего царя — Николая II, его сына. Если войны Николая I, как и его покойного брата Александра, имели единственным источником своего возникновения — волю самодержца, то при слабовольном недалеком Николае II видную роль стало играть сановное окружение, высшее военное начальство и даже «вневедомственные влияния».

Министр Гирс жаловался графу Витте: «Беда с военными, которые непременно хотят создавать события, вызывающие войну!»

Не прошло и пяти лет со дня коронации нового царя, как начались разговоры о захвате Босфора. Обручев — глава генерального штаба — хотел захватить Босфор, двигаясь туда на плотах.

Александр III не давал хода столь неуместным темам и разговорам. При Николае они расцвели. Сам император увлечен был босфорской затеей и дал санкцию на ее осуществление. Дело дошло до того, что Нелидов уже поехал в Константинополь, чтобы сделать нужные приготовления и дать оттуда сигнал. Расстроил все Витте, доказавший абсурдность и вредность замысла. «Спаси нас Бог!» — воскликнул Победоносцев, услышав о безумном проекте. А «вневедомственные влияния», несмотря ни на что, росли. Появился Безобразов, сделанный статс-секретарем, начал подбор в государственный аппарат таких же безответственных дельцов, как он сам, и повел свою «дальневосточную» политику. Учреждение наместничества на Дальнем Востоке во главе с адмиралом Алексеевым придало этой политике откровенно авантюрный колониальный характер.

Когда немцы захватили Киао-Чао, русская военная клика решила захватить Порт-Артур и Даляньван, не

по каким-либо веским соображениям, а единственно по логике: раз немцы грабят, то и нам надо.

Дальневосточная авантюра потребовала создания русского военного флота, на постройку которого пришлось отпустить 90 миллионов рублей «вне государственной росписи».

Раздраженные русской агрессией японцы потребовали отозвания наших воинских сил с Дальнего Востока. Но в Петербурге долгое время не замечали этого требования. Тогда последовало нападение на Порт-Артур и потопление царского флота.

Спровоцированная безответственными авантюристами, при сочувствии и благоволении царя, стоившая России нескольких сотен тысяч бойцов, стоившая всего дальневосточного флота, нескольких миллиардов рублей — русско-японская война началась. Преступность властей, доведших до нее государство, сознавалась всей страной. С большим трудом, с потерями и с позором удалось из нее выпутаться.

Но рок, довлевший над всем царствованием Николая II, не осенил прозрением — ни царя, ни его окружение. Мышление их оказалось безнадежно отравленным военным дурманом. Вместо того, чтобы, получив жестокий урок, решительно взять курс на уклонение от всяких войн, царь и правительство не мыслили внешней политики иначе, как в виде присоединения к той или иной коалиции великих держав. Какой-то рок тянул их к этим очагам европейской распри.

Пока Россия покрывала себя позором на Дальнем Востоке, в Европе складывались стороны будущей мировой войны: откровенно обнаружила себя коалиция Германия — Австрия, к которой тяготела Турция. В противовес им образовался Англо-Французский блок (Антанта). Та и другая стороны были кровно заинтересованы в привлечении на свою сторону России.

В самый разгар русских неудач на Дальнем Востоке император Николай II, чтобы рассеяться, отправился в Финский залив на своей яхте «Полярная Звезда». Когда он остановился в Бьоркской бухте, туда неожиданно пришла яхта «Гогенцоллерн». Император Вильгельм знал слабую податливую натуру Николая и, выбрав удачный момент для свидания, уговорил его подписать договор, означавший отступление от давно заключенного франко-русского союза и сближение с Германией.

Узнав об этом, граф Ламздорф — министр иностранных дел — и некоторые другие министры пришли в ужас. То был настоящий дипломатический скандал. Обанкротившаяся вследствие японской войны и нуждавшаяся в деньгах Россия могла получить их только во Франции. Приложены были все усилия, чтобы аннулировать Бьоркский договор. Но зато это означало порчу отношений с Германией. Эпизод этот лучшее свидетельство того, сколь твердыми принципами руководствовалась русская внешняя политика.

Встает самый важный вопрос: могла ли Россия не вступать в Мировую войну, принесшую ей гибель?

В какой-то мере — это область гаданий. И все же несмотря на феноменальное легкомыслие вершителей русской внешней политики, у нее имелась возможность остаться в стороне от армагедонской битвы народов. Надо было только сбросить со своего корабля балласт, могущий его потопить. Надо было отказаться от давнишней роли покровительницы славян.

Южные славяне веками жили вдали от России — в неметчине, в туретчине, никакой особой близости с Россией у них не было. Объединить их с нею территориально и государственно даже мысли не возникало. Когда их насильно исламизировали или католицизировали — православная церковь и царское правительство ничего поделать не могли. История и география сделали южно-славянский вопрос неразрешимым для России. Попытки разрешить его сулили ей всегда тяжелую войну с западными державами, а то и конфуз, вроде того, что испытали русские в результате заступничества за болгар.

В 1877 году турки учинили невиданную резню в этой части своей империи, не щадя ни женщин, ни детей. Гладстон написал свою знаменитую книгу об этих зверствах, в надежде пробудить совесть цивилизованной Европы, спокойно взиравшей на бесчеловечное истребление болгар. Ни книги, ни речи не помогли. Помогло оружие, поднятое против турок императором Александром II.

Но спасенные русскими войсками от гибели болгары чуть не на другой же день превратились во врагов России.

Факт этот, хорошо известный деятелям эпохи Николая II, не послужил предостережением и не предотвратил в 1914 году русского заступничества за Сербию, которую Австрия намеревалась аннексировать. Это из-за нее Россия объявила мобилизацию, послужившую предлогом для выступления Германии и начала Мировой войны.

Это был тот «путь смерти», о котором гласил трактат Сунь-Цзы. Не прошло года, как в Ставке русского верховного главнокомандующего стало известно, что Сербия, из-за которой успели погибнуть сотни тысяч русских солдат, готова заключить мир и перейти на сторону врагов.

Этого не случилось, но духом балканских измен повеяло ясно.

В СССР и за границей много написано на тему гибели России. Чаще всего это поиски «виновников»: бездарный царь, тупые министры, недалекая либеральная общественность, техническая и культурная отсталость...

Лишь об одном органическом пороке никогда не упоминается — о нелепых безрассудных войнах, истощавших нашу родину на протяжении двух столетий. Их роль в российской катастрофе до сих пор не принимается во внимание.

Публикация
ВЯЧЕСЛАВА КОШЕЛЕВА,
АЛЕКСАНДРА ЧЕРНОВА

ВИКТОР МАНУЙЛОВ

ДЕЛЕЖКА ПИРОГА

РАБОЧИЙ ЧЕЛОВЕК О ПРОЦЕССАХ В ЭКОНОМИКЕ

Фотографии Анатолия Черея

Наш абразивный завод в иерархии социалистических производств стоит где-то в самом низу: четвертая категория тарифных ставок, абразивная пыль, которая проникает всюду, жар печей и холод сквозняков, почти полное отсутствие механизации. Народ сюда не шел по собственной воле, а трудоустраивался райсоветовскими комиссиями. Совсем недавно на территории завода располагался женский ЛТП, с помощью которого восполнялся недостаток рабочей силы. Завод-тюрьма, отхожее место для опустившихся на дно, и было бы странно, если бы здесь не процветали порядки, далекие от социалистической законности и морали. Я не ставлю законность и мораль в кавычки, потому что они существовали на самом деле. Другой вопрос — на кого они распространялись, каким образом поддерживались. Но это тема отдельного разговора...

Здесь, на абразивном, я встречал людей, которые, вспоминая свое прошлое, говорили: а ведь когда-то и я... Но снова подняться они уже не могли. Выходом для одаренного рабочего было изменение социального статуса, переход в другую среду. Осуществлялось это, как правило, через вечернее или заочное обучение, точнее, через диплом, потому что редкий рабочий стремился именно к знаниям: роль производственного мастера, технолога, в лучшем случае — начальника цеха его вполне устраивала, а на этих должностях нужны не столько знания, сколько опыт. Если же не порывать со своей средой, тогда оставалось одно — уход в себя. Я знал одного расточника-изобретателя, к которому с пренебрежением и полупрезрением относились его товарищи по классу, и в цехе он был тише воды, ниже травы, зато вне цеха, в среде изобретателей, преображался чрезвычайно, ни в чем не уступая докторам наук и не пасуя перед ними. Да, правы были классики, сделав ставку на пролетариат: на хорошее ли, на плохое дело, но если эту инертную массу сдвинуть с места, то уж она покатится, так покатится, и сам Господь ее не остановит. При этом она способна давить не только чужих, но и своих, стоит кому-то из них засветиться собственным светом. Однако «социалистические производственные отношения» так придавили этот некогда социально активный класс, так унизили его и сузили его интересы, что понадобится не одно поколение, чтобы этот класс возродился и начал оказывать благотворное влияние на жизнь общества и государства.

За 70 лет диктатуры компартии мы получили тип рабочего человека, который абсолютно безграмотен в

вопросах экономики, хотя и протирал годами штаны во всяких школах комтруда и политпросвещения. Он не умеет разрозненные факты соединить в целое, с презрением относится ко всяким бумагам и документам, привык во всем полагаться на начальство, хотя и уверен, что начальство по природе своей не может не врать и не обманывать. Наконец, несмотря на инстинктивную тягу к общестадной безликости, совершенно утратил способность к объединению на разумных началах и с отвращением смотрит на всякую партийность. Знаменитые шахтерские забастовки были не чем иным, как спонтанным бунтом, вспышкой, родившейся на волне вдруг обретенной свободы и вседозволенности. Эти бунты вселили несбыточные надежды одним, напугали на какое-то время других, создали спекулятивную основу для возникновения профсоюзной мафии, но так и не привели ни к чему серьезному и долговременному. Каюсь, и мне в конце восьмидесятых казалось, что стоит объединить рабочую массу, как она — и только она! — выступила бы сдерживающим началом всякому авантюризму, в том числе и демократическому, тогда дела в стране пойдут на лад и перестройка осуществится на деле. Увы, действительность довольно быстро развеяла эти иллюзии. Да оно и к лучшему, ибо объединение серости способно породить лишь мрак. Однако нарождающаяся российская буржуазия пусть не тешит себя иллюзиями: подбить рабочих на бунт не так уж трудно. Ленин когда-то писал, что Октябрьская революция кое-чему научила мировую буржуазию. Так что если период первичного накопления капитала будет столь же варварским, каким он был во всем мире, то нового Октября России не миновать, а новый Ленин всегда найдется, был бы на него спрос.

Но если нынче нельзя объединиться на идейных началах, в масштабах не менее чем всея Руси, то, быть может, пойти на объединение на началах экономических, на объединение узкое, буквально цеховое? Может, такие объединения помогут сделать из вчерашнего раба если не свободного человека, то хотя бы вполне сознательно отвечающего за свои поступки? И где-то в конце восьмидесятых стал я носиться с идеей создания на базе нашего цеха что-то вроде малого предприятия с известной степенью свободы и личной заинтересованности. Мне удалось убедить моих мужиков, что дело это вполне реальное. Оставалось найти человека, который возглавил бы наше предприятие. Но найти такого человека оказалось не так просто...

Среди заводских спецов желающих возглавить наш цех и повести его к сияющим вершинам свободного труда не нашлось. Все, на что они оказались способными, это жаловаться на обстоятельства и тянуть, что плохо лежит. Появлялись люди и со стороны. Походят, посмотрят: станки уже давно выработали свой ресурс, зависимость от завода остается, да еще рабочие желают, видите ли, контролировать каждый их шаг... и отказывались. Но если долго искать, то что-нибудь да найдется. И нашлось: невысокого росточка, тщедушный, но самоуверенный и разговорчивый. Выяснилось: бывший лекальщик, вечерний институт, мастер, начальник участка; из партии ушел сам, порядочность ценит превыше всего и всей душой за рыночные отношения, но интересы рабочего класса ставит на первое место. У меня даже вырванный в прошлом году зуб заныл от такой положительности. Он так хотел понравиться, что понравиться никак не мог. Я сделал скидку на его относительную молодость и пролетарское происхождение и рекомендовал его собранию цеха, которое дало ему право вести переговоры с дирекцией и оформлять документы. Представлялось, что само дело и наш контроль направят его поступки и помыслы в нужную сторону. Получив от нас карт-бланш, будущий глава фирмы пропал из поля зрения. А потом наступили трудные времена, завод залихорадило, финансы стабилизировались на их почти полном отсутствии, людей стали отправлять в длительные отпуска, я тоже подался на вольные хлеба... И вот минуло пять месяцев, я снова в цехе.

И что же? Посреди цеха стоит сооружение, напоминающее пилораму, но какой-то чудной конструкции. Станки крутятся вовсю, в ящиках груды готовых деталей, незнакомые люди с озабоченными лицами шелестят чертежами, в каптерке на столе серебряный поднос, немытые чашки, остатки трапезы, шумит электрический чайник... и некогда пропавший кандидат в директора предполагаемого малого предприятия... выглянул и не узнал того, кому почти год назад клялся в любви к рабочему классу и порядочности. Ну, не хочет узнавать и не надо: меня от этого не убудет. Тем более что я твердо решил уйти, а главной причиной такого решения была ликвидация моей второй смены, как не соответствующей правилам техники безопасности. Несколько лет соответствовала, а тут вдруг... Хотя, конечно, правила есть правила, но они и существуют для того, чтобы их нарушать. О Господи!

...Они сидят передо мной — мои коллеги, товарищи по классу и по несчастью, — и в глазах их тоска смертная: новое начальство грозится уволить всех к чертовой матери и набрать новых, дисциплинированных и покладистых. Я никогда не замечал за собой какой-то особой любви к ближнему или чего-то такого, о чем так горазды рассуждать моралисты, для которых эта любовь разговорами же и ограничивается.

Но вот они сидят передо мной, и я чувствую — что-то такое щемит у меня в груди. Да, пьяницы, да, такие-сякие, но жалко мне их, черт бы их совсем побрал! И потом, разве не я заварил когда-то эту кашу? Что с того, что я хотел как лучше, если на карту поставлено их существование! Разве они в этом виноваты? Они лишь способны жаловаться на свою судьбу, но совершенно не способны себя защитить, потому что их подмоченная репутация практически лишает их права голоса. На шее каждого из них висят десятки выговоров, приказов по заводу, слушаний на профкоме и товарищеском суде, не говоря уже о вытрезвителях, скандалах в семьях, разбитых носах и «фонарях» под глазами. Такими их сделала так называемая социалистическая система с ее ханжеской заботой о простом советском человеке. Конечно, и каждый из них виноват тоже, но что толку об этом говорить. Тяжелый груз прошлого и горький опыт их ничему не научили. Они проработали на этом заводе десятки лет, сжились, сроднились с этими стенами и своими выработавшими все сроки станками. Они просто не представляют, что могут работать где-то еще,

как не представляют, что могут бросить пить. Завод и пьянство — их крестная ноша.

Вот фрезеровщик Михалыч. Ему 67 лет, он несколько лет назад похоронил свою жену, сноха пилит его, и цех — это то место, где он еще существует и даже живет. Его невозможно выгнать отсюда даже тогда, когда он напивается до полного бесчувствия. Он топчется возле своих фрезерных станков, размахивает руками, ворчит, что-то там трет, подкручивает, они для него почти живые существа, и когда время от времени в цехе появляется второй фрезеровщик, Михалыч ревнует к нему свои станки, ходит хмурый, пьет чаще, и будто расцветает, когда напарник, недовольный низкой зарплатой и грязной работой, увольняется. После запоев Михалыч работает с ожесточением, без перекуров, специалист он классный, а за станками ухаживает так, как иная мать не ухаживает за своим ребенком. Михалыч уже несколько раз порывался уйти, однажды не работал все лето, но всякий раз он возвращается, как старый пес к своей конуре. Что он без этих станков и без этих стен? Пустое место.

Или вот шлифовщик Мотора. Он тоже на пенсии, всю жизнь проработал на обдирке абразивных кругов, новое начальство ему недоплатило, и у него на глазах слезы, и голос дрожит, как у ребенка.

Или токарь Толик. Он моложе всех в цехе, у него трое детей, жена его, спившись, сбежала куда-то в прошлом году, он сошелся с другой женщиной, с заводской, и все вроде у них наладилось, старшая дочь вышла замуж, сын в армии, но пить Толик не бросает.

Другим — давно за сорок или недавно за пятьдесят, и о каждом можно что-то рассказать, но различий мало, и все они представляются мне «михалычами», только в разную пору жизни.

Да, мне их жалко. Я знаю, что время неумолимо идет к тому, что эти люди станут лишними. Безжалостный молох грубого расчета сомнет их и выплюнет, и кто-то, считающий себя интеллигентом, пожмет плечами и скажет: туда им и дорога. Вот если бы Михалыч был не виртуозом-фрезеровщиком, а виртуозом-скрипачом, писателем или художником, тогда бы ему простились многие грехи, тогда бы его пьянство отнесли к слабости, на которую неприлично показывать пальцем. Но Михалыч всего-навсего серый работяга, и высокие мерки к нему не приложимы.

Пытаясь создать на базе нашего цеха малое предприятие, я хотел хоть как-то изменить жизнь своих товарищей, дать им почувствовать себя людьми, чтобы их благополучие не зависело исключительно от воли плохого или хорошего начальника, а от них самих. Я понимаю, что пьянство как атрибут неблагополучия они выбрали себе сами, но логика не всегда наше главное оружие. И потом, они так смотрят на меня, в глазах их такая надежда: я среди них единственный человек, не запятнанный всякими нарушениями, в которые можно ткнуть меня мордой. Наконец, я еще не подыскал себе новое место работы. А, по слухам, завод вот-вот должен приватизироваться, и мне очень интересно посмотреть, как все получится и куда повернется. Ну, а коли я остаюсь, то надо разбираться в сложившейся ситуации и попытаться взять ее под контроль. Я заявляю своим товарищам, что завтра же займусь этим делом, но если они, как и раньше, будут лишь выполнять роль сторонних наблюдателей и не поддержат меня, то я плюну и уйду. Поддержка мне была обещана, и с таким энтузиазмом, что, пожелай я, они бы выдвинули меня президентом.

Когда-то мы планировали, что сперва дадим кандидату в директора малого предприятия право оформить это предприятие, а уж потом выберем его директором. Хотя нынче уже похихикивают над модой выбирать начальство, модой, которая быстро возникла и так же быстро канула в Лету, но похихикивающие забывают, что с материальной точки зрения все мы в собственном сознании равны, а если у человека водятся деньги, то это деньги не заработанные, а ворованные, и деньги эти не могут иметь того веса, который они имеют на Западе. Но и на Западе директоров компаний выбирают, и, видимо, это практикуется тогда, когда решающим оказывается не материальная сторона дела, а интеллектуальная и деловая.

Наконец, в нашем конкретном случае выборы директора были бы актом доверия, с одной стороны, и удовлетворения чувства формального равенства — с другой. Есть и еще одна весьма деликатная проблема, а именно — контроль за деятельностью выбранного директора: если директор выбран, то этот контроль разумеется сам собою и остается оформить лишь его механизм.

Три дня я присматривался, а потом попытался потолковать с бывшим кандидатом в директора, напомнить о прошлых договоренностях. Куда там! И слушать не хочет. Какие-такие договоренности, о чем, простите, речь? Он не директор малого предприятия, а директор товарищества с ограниченной ответственностью, а это две большие разницы. Как директор товарищества он никакого вмешательства в свою деятельность не потерпит, советчики ему не нужны, а сама его деятельность является коммерческой тайной и защищена юридически оформленными документами. Если кому-то это не нравится, может катиться на все четыре стороны.

Признаться, я опешил. Вот тебе, бабушка, и Юрьев день! Пригласили, что называется, на свою голову. Ну ладно бы пришел в пустые стены, набрал людей со стороны на своих условиях. Так нет, пришел в чужой дом и хозяевам же диктует свою волю. Разве такой жизни мы хотели? И чем отличается государственная кабала от «товарищеской»?

Пошел я в контору. Сперва юрист показала мне «совершенно секретные» бумаги, потом главный экономист, потом главный инженер. И выходило по тем бумагам, что нас, рабочих, будто и в природе не существует, а заключила дирекция договор с «товариществом» на аренду стен и станков, а уж они что хотят в этих стенах, то и делают, лишь бы платили заводу-дирекции соответствующую плату. И тут выясняется, что договор-то еще и не подписан, что в нем куча всяких неясностей, а главная неясность — статус самого завода, который, являясь в настоящее время арендным предприятием, должен претерпеть изменения в сторону акционерного общества и в конце концов перейти в собственность коллектива. Получается, что еще ничего окончательно не решено, а наш предприниматель ведет себя так, будто мы у него в кармане. Что же он запоет, когда мы действительно в его кармане окажемся?

Пришел я в цех, собрал своих мужиков, объяснил им ситуацию. Тут же сочинили бумагу-ультиматум «товарищам», что если они не включат в договор и устав «товарищества» понятие о трудовом коллективе и его правах, если не снимут покрова таинственности со своей деятельности, то пусть сами катятся к чертовой матери, а если воспротивятся нашему ультиматуму, то мы закроем цех и никого в него не пустим. Бумагу я размножил, под каждым экземпляром все подписались — и люди ожили на глазах. Одну бумагу я отдал дирекции, другую — «товарищам», третий экземпляр оставил у себя. На все про все мы положили неделю срока. И стали ждать.

Директора своего завода я знаю года с 83-го. Обычный, типичный, можно сказать, советский директор небольшого советского завода. До сих пор еще при случае любит вспомнить, что тоже начинал рабочим. Понятно: в каждом замкнутом объеме ты должен выглядеть своим человеком и петь те песни, которые приняты. Стало быть, начинал рабочим. Потом — институт, потом карабкался со ступеньки на ступеньку. Когда я пришел на абразивный, он тянул лямку начальника ОТЗ, в партии не состоял и понемногу поддавал, а иногда, видимо, и помногу, так что даже однажды попал в вытрезвитель. Директором завода был в ту пору армянин, человек властный и крутой, никому ни в чем не доверявший и не терпевший никакой самостоятельности своих подчиненных. И подчиненные ходили по струнке и сами ничего не решали. Даже пустячных вопросов. И, естественно, привыкали к такому положению дел, а кто не хотел привыкать, тот уходил. Короче, сидел будущий директор в своем крошечном кабинетике и «балдел»: скукота, спать хочется, все вакансии заняты. Подвижки если и случались, то исключительно по указке министерства. Но тут шандарахнула перестройка, все зашевелилось, что-то надвинулось, что-то задвинулось и что-то замаячило. «Ушли» на пенсию главного инженера и начальника ОТЗ пересадили на его место. А с этого места до директорского кресла рукой подать. Но ведь беспартийный же! Вступил в партию. И точно: не прошло и года, «ушли» на пенсию и директора. Тут как раз мода выбирать директоров. Выбрали нынешнего. Вроде при нем хуже не стало. Что-то строили, что-то ломали. Обычное дело. И себя директор, естественно, не забывал: дача, гараж, зарплата. Что там еще? Ах, да! Поиграл он малость и в демократию: аренда, совет арендаторов, общие собрания, контроль... Однако быстро смекнул, что это ему ни к чему — и все заглохло.

Но вот настало время великого дележа всего и вся. Я пытаюсь встать на место своего директора и посмотреть на окружающий мир его глазами, из его кресла, хотя, разумеется, я не могу видеть и знать того, что видит и знает он.

Так вот, смотрит он, по-моему, из своего кресла на свой завод (а директора — они же всегда так и говорят: мой завод, я план делаю и т. д.), смотрит он и думает: лез я в это кресло лез, жали меня и давили, палки в колеса вставляли, иногда корысти ради, а то и из чисто спортивного интереса вынуждали подличать и лицемерить, сколько нервов мне это стоило, бессонных ночей и всяких страхов... и что же — отдать все это дяде? Почему какому-то дяде? Почему не мне? Чем я хуже?..

Поездил мой директор по ближним и дальним зарубежьям, посмотрел, как другие под себя гребут, и решил, что ничем он не хуже, что не обязан он со всеми делиться и обо всех заботиться... По советским меркам свое благополучие он справил, теперь настал черед переходить к меркам рыночным. И будьте уверены, он из кожи вылезет вон, а завод к рукам приберет. Конечно, один он этого не сделает, да и не дадут ему, одному-то, поэтому компашка там уже составлена, и когда грянет решительная и бесповоротная приватизация, мы окажемся перед свершившимся фактом: завод принадлежит не трудовому коллективу, а трем-пяти высшим заводским чиновникам. И это, надо признать, справедливо. Потому что если завод будет принадлежать всем, то останется ничьим.

Однако что-то во мне противится такому исходу, хотя, если у тебя в руках ничего не было, то ты как бы ничего и не терял. Ну, дадут тебе сколько-то там акций — и будь доволен. А дали все, что положено, или надули, как всегда,— так ты об этом все равно не узнаешь: никто из директорской компании полной информацией с тобой не поделится, ибо не враги они самим себе. Наконец, ты выбрал свой путь, они свой, а это что-то, что вяло копошится в тебе и протестует, есть элементарная зависть. И коллегам моим по цеховой галере собственность никакого прибытку не даст, а разве что лишнюю головную боль. Так что нечего искать справедливость, размахивать руками и рвать на груди рубаху. Рубахи, кстати, нынче дорого стоят.

Есть у меня приятель, работает на соседнем заводе шлифовщиком. Завод, если сравнивать с нашим, вполне благополучный: производство не сокращается, рабочих не увольняют, зарплата приличная. Но процессы там те же, что и на моем, то есть идет приватизация — одна официальная, явная, так сказать, а другая скрытая, подпольная. Приятель мой не просто рабочий, он еще и депутат районного Совета, член заводской комиссии по приватизации. На руках у него все документы и, как ему казалось, вся информация. Дирекции, например, очень хотелось, чтобы завод приватизировался по первому варианту: когда все дирекции перепадает, а он взбаламутил народ, и народ проголосовал за второй: это когда большая часть коллективу. Вроде одержал победу над дирекцией, вроде всем теперь хорошо будет. Но чем дальше, тем больше убеждается мой приятель, что ни рабочие ничего не выиграли, ни дирекция ничего не проиграла.

Вроде бы и данных никаких, и бумаги — вот они, налицо, но что-то все не так, все как-то между пальцами уходит. И сами рабочие уже смотрят на него и поговаривают: ты, мол, продался, ты, мол, как все. Обвинение такое кинуть легко, а попробуй-ка его опровергнуть. И оказался мой приятель как бы между двух огней: ни тебе туда, ни тебе сюда, а марку держать надо. Но как ее держать, если ты сам по себе, а события сами по себе? И приходит мой приятель к тому выводу, что события более правы, чем его собственная правота. Он уже даже рад тому, что его фрондерство не помешало дирекции украсть завод из-под носа трудового коллектива, потому что трудовой кол-

лектив — это чистейшей воды фикция, рабочие и мелкие служащие никогда этот завод своим не считали, как бы они к нему ни привыкли. Для рабочего завод — каторга, и гори он синим пламенем, если бы можно было прокормиться без него.

Признаться, я никогда не понимал толстовского учения непротивления злу насилием. Тут и воспитание сыграло свою роль, и жизненный опыт доказывал, что иногда со злом можно бороться, добиваясь кое-каких успехов. Но теперь, кажется, понимаю, откуда у Льва Николаевича пошло это непротивление: насилие порождает насилие же, убивая в противоборствующих сторонах нравственность, так что причина, вызвавшая противодействие, бледнеет перед следствием, особенно тогда, когда насилие, противодействие растягиваются во времени. Ну да Бог с ними, с этими теориями! Тем более что то, что вчера считалось злом, сегодня таковым не считается, а то, что справедливо в масштабах истории, вовсе не является таковым в масштабах человеческой жизни.

Или взять хотя бы наше «товарищество с ограниченной ответственностью»... За ним, как ни крути, будущее. Вот оно окрепнет, наберется опыта, спoется с директором, и ничего уже ты с ним не сделаешь. И так по всей стране. И только когда все будет поделено и переделено, когда перераспределение, кажущееся нам сегодня несправедливым, войдет в норму и будет зависеть исключительно от чьей-то разворотливости или, наоборот, инерции и глупости, только тогда игра со взлетами и падениями станет частью нашей жизни и выработаются правила и механизмы поведения в новой игре. Никак не раньше. Заранее создавать такую систему регулирования безусловно можно и нужно, но это не значит, что она приживется, что ее примут все. Нужны поколения и поколения, чтобы что-то изменить в самосознании нации, чтобы она перестала считать Чичикова чем-то противоестественным. А если что и нужно нашему обществу сегодня, так это какие-то путы на ноги нарождающемуся классу предпринимателей, ибо класс этот всходит на дрожжах зависти и злобы, алчности и жестокости, и если их не сдерживать, они приведут к поножовщине.

Миновал срок нашего ультиматума. За эти дни никто из рабочих ничего для «товарищества» не делал, и «товарищество» пошло на попятную. Директор «товарищества» снизошел до переговоров с нами, божился, что его не так поняли, но ему уже никто не верил. Мои мужики ходили с видом победителей и посматривали на «товарищей» свысока. А меня не покидало ощущение какой-то незавершенности и чувство тревоги. Сбить спесь со вчерашних маленьких начальничков, малюсеньких диктаторов, привыкших к безответственности и покорности рабочего человека, не такое уж большое достижение. А что дальше? Все начинать сначала?

А между тем вокруг сплошная возня и суета: на месте производства абразивного инструмента создаются швейные, мебельные и еще Бог знает какие кооперативы, товарищества и малые предприятия. Процесс всеобщий и явно необратимый. Кто-то на этом греет руки, наживается, накапливает капитал. Справедливо — несправедливо — эти понятия к этому процессу не приложимы. Вот и наши «товарищи» решили отступиться от нас и взяли в аренду другое помещение. А мы остались с тем, с чего и начинали: у разбитого корыта. Остается ждать, как решит нашу судьбу дирекция завода.

...Через два дня после истечения срока ультиматума выдали получку, и мои мужики — все как один! — напились вдрызг и два дня не подходили к станкам.

Этой ли победы я добивался?

Послушаем Рязань...

Почему-то менее всего ожидаешь в Рязани разговоров о классической музыке: народная песня — другое дело. Но стоит попасть в дом к Тамаре Николаевне Цукановой, уютно расположиться за столом под лампой Мусоргских и начать перелистывать альбомы, книги, рукописи — сразу же окунаешься именно в эту стихию — музыкальную.

Тамара Николаевна спасла для Рязани сотни экспонатов будущего музея музыкальной истории города: редчайшие фотографии, дневники, сценические костюмы всемирно известного певца Пирогова, например. Или упомянутую уже лампу из дома великого композитора. А сколько в ее архиве бесценных рукописей, еще ждущих своей публикации. Они заставляют нас не только по-новому вглядываться в дома и улицы, в лица людей, но и слушать затаившиеся до поры где-то здесь звуки умолкшей музыки: ведь нынче в Рязани нет ни одного оркестра. А что было — вспоминают знаменитые и вовсе безвестные рязанские жители прошлых лет, чьи записки бережно хранятся в доме у Тамары Николаевны.

ЧТО БЫЛО В РЯЗАНИ МУЗЫКАЛЬНОГО?

Этим вопросом начинает свои воспоминания «Музыка в Рязани в 1908—1914 гг.» известный вокалист и педагог Владимир Иванович Мордвинов, внук Екатерины Ивановны Бибиковой-Раевской — адресата многих стихотворений А. И. Полежаева, в последние годы жизни переводившей по просьбе Л. Н. Толстого английские статьи. А сын Екатерины Ивановны Иван Николаевич зимой 1891/92 года вместе с Львом Толстым играл Крейцерову сонату Бетховена...

После окончания Тульской гимназии Владимир Иванович учился в Московском филармоническом училище, а завершил свое музыкальное образование в Милане. Вернувшись в Россию, Мордвинов знакомится с Ф. И. Шаляпиным, Л. И. Собиновым, А. В. Неждановой, высоко оценившими его талант. Это, однако, не мешает ему оставаться жить и работать в Рязани, где он организует музыкальное общество, о котором пишет в конце жизни воспоминания (экземпляр которых хранится в фонде музея Т. Н. Цукановой). Итак, что же было в Рязани музыкального в 1908 году?

Было — мало. Никаких общественных музыкальных организаций. На весь город, насчитывавший в 1908 году свыше 50 000 жителей, только три преподавателя музыки.

Далеко не молодая, болезненная Александра Бертовна Левшина, прекрасная учительница игры на рояле, жившая замкнуто, не покидавшая своей квартиры.

Владимир Игнатьевич Родзевич, мрачный и нелюдимый, первоклассный виолончелист и педагог. Оба они занимались с учениками дома. Наконец, третий — скрипач Леонид Минаевич Кессельман, основная работа которого была в качестве помощника брата, владельца музыкального магазина, где продавались ноты, музыкальные инструменты и велосипеды. Леонид Кессельман играл и на рояле.

Были в Рязани церковные хоры. Одним из них руководил Иван Николаевич Гусев, брат секретаря Льва Николаевича Толстого. В «архиерейском» хоре, в соборе, пели учащиеся духовной семинарии.

Был при винном складе кружок балалаечников, нигде себя не проявлявший.

Наконец, духовой оркестр, скромный по составу, игравший под руководством капельмейстера Давида Абрамовича Райхмана зимой на катке в городском саду и в драматическом театре в антрактах на спектаклях.

Редко при клубе в здании Благородного собрания старшины клуба устраивали концерты, приглашая из Москвы студентов консерватории.

Очень редко Рязань посещали гастролеры — крупные музыканты, выступавшие в хорошем колонном зале Благородного собрания. Эти концерты носили характер «случайности» и ничего планомерного собой не представляли. В зале Благородного собрания была хорошая эстрада, но не было помещения для артистов; для них в углу зала ставилась ширма, за которой они и укрывались.

Другой зал, менее удобный, с невысоким потолком и менее вместительный, был во Всесословном собрании. Там была небольшая сцена, где местные любители драматического искусства, под руководством зубного врача Д. П. Балашова, иногда ставили спектакли.

Вот и все, что было более или менее «на виду».

Жил в то время в Рязани Николай Семенович Китлов, один из многочисленных рязанских служащих-чиновников, предприимчивый, подвижный, бескорыстный любитель искусств, сам же, насколько известно, ни одним видом искусства не владевший.

Когда в конце лета 1908 года в Рязань приехал В. И. Мордвинов — певец и музыкант, Китлов тотчас взял его «на учет» и привлек в только что нарождавшийся Литературно-художественный кружок.

Перед этим В. И. Мордвинов успел установить музыкальные связи с пианистом М. М. Свенцицким, членом окружного суда, прекрасным аккомпаниатором, серьезным, образованным музыкантом, с хорошей певицей Марией Владимировной Поповой, женой товарища прокурора, и с хорошим баритоном Радеевым — воспитанником духовной семинарии.

Немногим позже появилась жена товарища прокурора Александра Николаевна Орлова, учившаяся перед этим в Московской консерватории.

Первый концерт Литературно-художественного кружка состоялся 15 ноября в зале Благородного собрания.

Программа включала в себе два отделения: семь номеров музыкальных и пять литературных.

А 25 января 1909 года в том же зале Литературно-художественный кружок дал большой концерт в пользу пострадавших от сильного землетрясения в Сицилии.

Успех концерта превзошел все ожидания: зал был переполнен, почти все номера, по требованию публики, повторялись.

Несмотря на то что все члены музыкального отдела были люди занятые, служили в различных учреждениях, занимались домашним хозяйством, воспитанием детей, все же у всех находилось время для музыки. Охотно посещались хоровые спевки, постепенно обнаруживались и прибывали до того времени неизвестные музыканты, составившие в конце концов хорошую основу для оркестра.

17 марта состоялся литературно-музыкальный вечер в зале Благородного собрания, на котором силами музыкального отдела было исполнено несколько необычных и новых для рязанцев произведений: Andante из струнного квартета Гайдна, «Ave Maria» Форе, арии из оперы «Страделла» Флотова.

Была мысль устроить вечер религиозной музыки: православной, ка-

толической и лютеранской. Была уже достигнута договоренность с полковником Поройковым, руководителем певчих и оркестра Болховского пехотного полка. Пришлось побеседовать с рязанским епископом о его согласии на такой концерт. Епископ согласие дал, но от приглашения посетить концерт отказался, так как «не желает слушать шансонеток» (!).

Концерт не состоялся потому, что певчие Болховского полка выразили категорическое желание дать концерт только своими силами, назначив сбор с концерта в пользу семей воинов, погибших на русско-японской войне.

26 сентября в зале Благородного собрания состоялся концерт в пользу Рязанской Екатерининской общины Красного Креста. (На программе был помещен красный крест и напечатано «День Красного Креста».)

Вот его программа:

I отделение

1. Русский народный гимн — исп. хор музыкального общества под управлением И. И. Дементьева.
2. М. Глинка. Квартет из оп. «Жизнь за царя» — исп. г-жа М. В. Попова, Н. И. Петерсон, г. г. Покровский и Б. К. Перов.
3. А. Рубинштейн: а) баркарола, б) полька — исп. г-жа Яницкая (рояль).
4. С. Рахманинов. «Солдатка» — исп. г-жа Петерсон.
5. Ц. Кюи. «Война» — исп. В. М-ов.
6. Гимны: а) Сербский; б) Черногорский — исп. хор.*

II отделение

1. Гимны: а) Японский, б) Бельгийский. — исп. хор.
2. Гречанинов. «Epicedemia»** — исп. г-жа Попова.
3. Мусоргский. Ария из оп. «Хованщина» — исп. г. Холопов.
4. Чайковский. Мазурка — исп. г-жа Яницкая (рояль).

* Тексты гимнов были приложены к программе на особом листе.

** Напутственная погребальная песня.

5. Чайковский. Заключительный дуэт из оп. «Мазепа» — исп. г-жа Попова и В. М-ов.
6. Гимны: а) Английский, б) Французский и Русский.— исп. хор.

Уже было известно, что В. И. Мордвинов уезжает на войну в качестве начальника санитарного поезда.

На концерте в зале Всесословного собрания участники музыкального общества трогательно простились с Мордвиновым, поднесли ему адрес с подписями и небольшую икону-складень.

Прозвучала лебединая песня Рязанского музыкального общества.

Музыкальная же жизнь в Рязанском крае не останавливается и после отъезда В. И. Мордвинова. Свидетельство тому — воспоминания педагога-музыканта Ксении Косухиной об Александре Алексеевиче Оленине, потомке знаменитого русского дворянского рода.

Мое знакомство с Александром Алексеевичем Олениным было для меня неожиданным, необычным. В городе я никого не знала. Александр Алексеевич пришел с друзьями просить принять участие в концерте в пользу военного лазарета.

Быстрый в движениях, не давая мне опомниться от неожиданного «нашествия» незнакомцев, подошел к высокой этажерке с нотами:

— А ну-ка, посмотрим, что у вас тут есть?

Внизу лежали тяжелые клавиры опер, далее романсы Чайковского, Мусоргского, Грига, Глинки, Рубинштейна, Балакирева, Бородина, Римского-Корсакова и многих других.

Верхняя полка, самая любимая,— это были тетради с ариями из опер, для концертных постановок.

Тут уж Александр Алексеевич начал с азартом отбирать ноты: вот, вот и вот — концерт есть! Не давая мне вымолвить слова — ну-с, пожалуйста, репетировать без оговорок...

Итак, мы с первого дня знакомства стали друзьями.

Наступил 17-й год — год великих событий, ломки старого, искания новых форм. Мы хорошо уже познакомились с А. А. Он просил приехать в Истомино* на лодке посмотреть на Красные горы, на причуды природы и его старинный дом.

Александр Алексеевич показал мне свой рабочий кабинет на «антресолях», забираться туда было опасно, шаткая лестница едва держалась. Кабинет — это небольшая комната, с прекрасным видом на Оку, на пойму, на отлогий песчаный берег с низкими кустарниками вереска...

На стенах — портреты дорогих лиц, давно ушедших из жизни.

Все скомпоновано с большим мастерством, любовью и изысканным вкусом художника. Окружение располагало к творческой мысли.

Рояль был весь раскрыт — казалось, только что замолкли струны...

Говорить не хотелось, мы молча ушли на балкон, где мой муж пил чай и говорил с приветливой, прекрасной Верой Михайловной — женой Александра Алексеевича.

В 18-м году при отделе народного образования Совета Советов открылась студия художественная и народный театр. А. А. собрал вокруг себя коллектив певцов-любителей, среди которых были с вокальным средним образованием и педагоги-вокалисты.

Главная наша опора был Федор Дмитриевич Архангельский — прекрасный бас, педагоги-вокалисты Ф. Семешкин и Н. Каропин — тенора. Галя Гольдштейн — сопрано. Е. Ависсоломова — сопрано и Косухина — меццо... Все мы стали сотрудниками художественной студии и народного театра.

Церковный хор с регентом Резвяковым полностью перешел в студию.

* Истомино — родовое имение, полученное А. А. Олениным от отца.

Наш оркестр
рояль А. Оленин
виолончель Кипарисов
скрипка И. И. Шапиро.

Александр Алексеевич Оленин — композитор, режиссер, концертмейстер.

Жил жизнью живущих, близость к народу давала возможность глубоко познать богатство русского мужика. А. А. исходил пешком со своей неизменной желтой клюшкой не только свой родной Рязанский край, но далеко за пределы его, собирая фольклор, самобытный по форме и содержанию, отражающий в песне то горечь «бабьей доли», то веселые частушки «сапожищи-то на нем» и многие песни, отображающие эпоху времени то безнадежно печально, то ухарски задорно.

В А. А. всегда жил вечный дух творческого беспокойства. Концертные постановки уже не удовлетворяли. Ставили концерты: в пользу военного лазарета. Две постановки — на покупку инструментов в больницу, один концерт в пользу дня ромашки — туберкулезникам.

Попав в руки А. А. и под его очарование, увлеклись и мы новыми мечтами. Все задумались над постановкой оперы «Борис Годунов».

А. А. всецело был озабочен постановкой оперы. День проводил в декоративной мастерской, давая указания и предъявляя требования к художнику-декоратору и столяру. С нами — артистами — думы о реквизите: кого и во что одеть. А. А. выложил всю свою коллекцию, красоту затканных золотом тряпочек — замечательные образцы народного творчества. Отдел народного образования достал белую и желтую парчу, затканную серебром и золотом.

В монастыре достали черные рясы, подрясники и пояса.

«Борис Годунов» состоялся.

Смерть Бориса прошла с большим подъемом всего коллектива. Трагедия неминуемой смерти, сознание нечистой совести, ответственность перед народом — с

ленькие лепешечки из липовых листьев и почек, подсушенных в ржаных сухарях — отрубях с солью.

Морковный чай золотился в чашечках (тогда ни у кого настоящего чая не было), да и вряд ли у кого был накрыт стол так любовно-хорошо и были такие сердечные приветливые хозяева.

...«Хованщина». Зал полон до предела.

Из дальних дверей по ковровой дорожке медленно, бесшумно, с поднятой головой идет Оленин. Он точно вырос, выше стал, взгляд устремлен вдаль. Правая пола длинного сюртука откинута. Рука в кармане, белоснежную рубашку обнимает широкий испанский пояс. На лацкане сюртука висит пенсне. Его ждут. У рояля сидит виолончелист Ростислав Кипарисов, рядом стоит Шапиро — скрипка. Рояль раскрыт. Александр Алексеевич раскрывает клавиры. Полная тишина. Надев пенсне, искоса поглядев на зал,— кивком головы дал условный знак.

Рассвет на Москве-реке...

Кто хоть раз слышал эту обаятельную музыку — тот запомнит навечно.

Много было среди постановок трагикомических происшествий. Неожиданно у Архангельского — Мельника в самый сильный драматический момент вдруг отклеивается борода; одной рукой потрясает лохмотьями, другой старается незаметно прилепить бороду — две страницы перемахнул вперед. Оленин догнал, совершенно незаметно для публики. Разъяренный Мельник сбегает по лесенке в костюмировочную — ругает «на чем свет стоит» парикмахера, отдавил мне ногу, даже не заметил, но когда услышал шумные аплодисменты, борода подклеена, публика зовет — и когда он вышел, потрясая лохмотьями, опять сердечные овации — Федор наш «отошел». Оленин поздравил, похвалил: «Ну и здорово Вы перемахнули через два листа», ну ничего, все хорошо.

Другой случай — и опять с Федором — Мефистофелем: лопнуло красное трико, но еще до выхода на сцену, тут уже так «попало» костюмерше — бедная поплакала.

В 1923 году семья Олениных переехала в Москву.

большой эмоцией провел Федор Дмитриевич Архангельский в роли Бориса. Оленин доволен, благодарит всех, весь коллектив, хор, и столяра Попова, и художника-декоратора. Народный отдел образования просит еще повторить. После двух постановок А. А. объявил «передышку» на два месяца.

Каждый день А. А. забегал к нам, прямо через двор, завидя его, дети кричали: «Сан-Сеич», «Сан-Сеич» идет. Посидев с «большими», незаметно ускользал к ребятам — тут уже начинались игры, катали бутылки по полу. А. А. снял с пианино зажженные свечи, их надо было потушить, от смеха никто ни у кого не мог потушить. Тогда А. А. садился за пианино, пел невероятным голосом частушки рязанские «сапожищи-то на нем», притопывал ногой, неожиданно переходя левой рукой на могучие звуки «Боже, царя храни», а правой дисканты выводили: «Чижик-пыжик, где ты был?»

Номер для взрослых: Слушайте! Внимание! И представляйте: тускло горит одинокая свеча в захудалой церквушке, дьячок с косичкой, завязанной красной тряпицей, читает гнусавым голосом. Свеча капает на страницы, стирая буквы, но прерывать пения нараспев нельзя, надо тянуть все равно, лишь бы тянуть, девяносто ангелов, вот сейчас покажут... покажут, покажут, все закапано, ничего не видно, можно отдохнуть немножко. Слава Тебе, Боже.

«Зашел проститься — сам себе отпуск устроил, надо сбегать в Муром — там, говорят, интересное кладбище есть: крестики хорошие Одигитрии медной чеканки, а надписи надгробные — хоть сам ложись — больно хороши!». Пришел А. А. в походном костюме — серая блуза, прожженная в нескольких местах махоркой, старые брезентовые туфли, маленький узелочек с кисетом махорки и желтая клюшка. Мы закидали вопросами: куда, как, так? а еда где? как, пешком 100 верст? — а он только смеется: «В том-то и соль, и прелесть вся — пешком, да с клюшкой, по селам все знают и накормят, и песни запишу, и душу отведу, меня собаки и те, пожалуй, все знают!» Да, поистине чистейшей детской доверчивой души! Дети звали его «Источник Чудес».

Через две недели А. А. пришел довольный, не усталый: вытаскивает из блузки записочку, читает: «Спи, спи и никогда не просыпайся, дорогая супруга. От убитого горем мужа».

Объявление: «С успехом снимаю тараканов, крестики и складень медной чеканки — пожалуйста, смотреть ко мне».

Мы уже соскучились и не замедлили с мужем пойти к нему.

Мы в гостях у Олениных.

Уютная столовая, старинная мебель, овальный стол с белоснежной скатертью. На столе раскрытая поварская книга «Подарок молодым хозяйкам» Молоховец, которую пристально читает сам хозяин А. А.

Увидя нас, поверх пенсне, он медленно закрывает книгу, похлопав по ней рукой и причмокивая губами: «Эх, и здорово закусил — ну и Молоховец, много нагородила вкусных вещей, а подать нечего... Вера Михайловна, налей-ка нам чайку, да покрепче!»

На столе стояли стаканы и старинные синие чашечки с позолотой внутри; на тарелочке разложены ма-

Публикацию подготовили
ИРИНА МАЗИЛКИНА и ЮРИЙ ОРЛИЦКИЙ

ЧЕГО ЖДАЛА РОССИЯ ОТ ВОЙНЫ?

М. И. ТУГАН-БАРАНОВСКИЙ,
историк, экономист

ВОЙНА И НАРОДНОЕ ХОЗЯЙСТВО

Наше народное хозяйство, несмотря на колоссальные размеры войны, переносит войну со сравнительной легкостью. Несмотря на войну, цены хлебов в России в общем не только не упали, но даже поднялись, для некоторых хлебов весьма значительно. Правда, цена пшеницы немного упала, но зато очень повысилась цена ржи. Еще более поднялись цены овса и гречихи. Вздорожание этих хлебов было, очевидно, вызвано закупками их для нужд армии. Более чувствительны для нашего сельского хозяйства затруднения, связанные с недостатком рабочих рук. Но и эти затруднения у нас не были настолько велики, чтобы помешать своевременно убрать и обмолотить урожай.

Потеря внешнего европейского рынка мало почувствовалась большинством отраслей нашей промышленности. Только немногие из них существенно пострадали от сокращения нашего вывоза, главным образом, лесная промышленность. Огромное же большинство наших промышленных предприятий почти не почувствовало закрытия для нашего вывоза наших важнейших границ. Гораздо больше значения получила для нашей промышленности приостановка иностранного вывоза. На первом плане здесь следует поставить прекращение ввоза к нам иностранного каменного угля.

Тенденция к повышению цен показывает, что пока в России не может быть и речи о промышленном кризисе, который неизменно характеризуется падением товарных цен. Как ни тяжелы для промышленности последствия войны, мы пока не наблюдаем самого опасного — превышения спроса на товары предложением их. Война имела значение для нашей промышленности не как прекращение ввоза наших промышленных изделий заграницу, а как прекращение подвоза на русский рынок иностранных промышленных произведений. Русская промышленность утратила не покупателя, а конкурентов. Отсюда и сравнительная легкость, с которой наша промышленность перенесла расстройство экономического оборота, созданное войной.

Промышленный кризис и застой является только переходом к промышленному подъему. Победоносное окончание войны, которое более чем вероятно, должно дать России чрезвычайно много в экономическом отношении. Россия представляет собой исключительную страну по тем необъятным возможностям, которые в ней таятся. Огромная территория, плодородная почва, ископаемые богатства, многочисленное население — все это должно открывать перед Россией перспективу необычно быстрого промышленного роста.

Не нужно думать, что с окончанием войны наша промышленность пойдет по совершенно новому пути своего развития и Россия превратится в государство, не нуждающееся в продуктах иностранного производства. Когда восстановится мир, то восстановятся и торговые отношения между воюющими теперь государствами, но восстановятся на условиях, более выгодных для России, чем теперь.

Присоединение к России и германских и австрийских территорий не может обещать нам особенно значительных экономических выгод. Гораздо важнее в экономическом отношении разрешение русских исторических задач на Ближнем Востоке. Историческое стремление России к открытию свободного выхода из Черного моря обещает на этот раз увенчаться полным успехом и это откроет блестящие перспективы для экономического развития всего нашего Юга. Именно в этом направлении Россия и может получить достойную награду за все понесенные ею в эту невероятно тяжелую войну великие жертвы.

Печатается по материалам сборника «Чего ждет Россия от войны». Изд-во «Прометей», 1915.

П. Н. МИЛЮКОВ,
историк, член ЦК Конституционно-демократической партии, депутат Государственной думы

ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ ПРИОБРЕТЕНИЯ РОССИИ

Настоящая война начата не Россией и уже поэтому в своем источнике не могла заключать определенных намерений относительно расширения территории российского государства. Русская мобилизация имела целью, в первой своей стадии, поддержку славянского государства, от которой Россия не могла отказаться без умаления своего авторитета среди славянства вообще и на Балканах в частности. Во второй стадии, вызвавшей решительный шаг Германии, наша мобилизация имела целью поддержание значения России как великой державы.

Но когда Россия вынуждена была объявлением ей войны начать военные действия, ее стратегический план совпал с задачей объединения русских народностей, к одной из которых принадлежит большинство населения Галиции. К воссоединению Восточной Галиции давно уже стремилась одна из русских политических партий, находившая себе поддержку в одной из политических партий Галиции, так называемых «москвофилах». Вместе с королевством Галицией, принадлежащим к числу австрийских имперских земель, предполагается присоединить и так называемую Угорскую Русь, т. е. часть того же малорусского населения, сохранившуюся за Карпатами в пределах Венгрии. Таково единственное непосредственное территориальное присоединение, которое могло иметься в виду при самом начале войны и которое прямо вытекало из общего начала освобождения и объединения народностей, представлялось «завершением дела великого князя Ивана Калиты», т. е. объединения русских народностей в их этнографических границах. Дальнейшим применением того же общего начала, положенного в основу настоящей войны нами и нашими союзниками, а у нас осложнившегося идеей освобождения славянства, была мысль об объединении и освобождении Польши.

При автономном устройстве Польши, территориальные приобретения в ее пользу не должны, конечно, считаться непосредственными приобретениями России. Таким образом, до объявления войны Турцией нашим единственным территориальным приобретением должна была остаться Галиция с Угорской Русью и, в случае присоединения к Польше польских частей Западной и Восточной Пруссии, северная часть последней. Но вступление Турции в число наших врагов

ЧЕГО ЖДАЛА ГЕРМАНИЯ ОТ ВОЙНЫ?

ВИТТИНГ,
директор Германского национального банка

Нашей политической жизни предстоят глубокие изменения. Министры наши — бюрократы, чиновники. Они не выходят из парламентской среды и не ответственны перед парламентом. Может быть, скоро мы увидим, как все это переменится. Я питаю надежду, что доживу до наступления таких реформ, которые откроют путь к власти людям всяких положений... Нам надо свести немало счетов по окончании этой войны.

Те затруднения, которые мы встретили в течение этой войны, послужат германской нации на пользу, так как умерят пыл пангерманских кругов и позволят нам осуществить некоторые либеральные реформы политического характера. Революция у нас невозможна. Я противник заключения преждевременного мира, который принудит нас через десять лет начать все сначала. Я не люблю пророчествовать, но я думаю, что все может кончиться не иначе как почетным для Германии миром. Нам, может быть, придется очистить занятые теперь территории, но на нашей собственной мы окажем сильное сопротивление, и я считаю невероятным, чтобы союзникам удалось проникнуть здесь далеко вглубь.

Печатается по материалам сборника «Чего ждет Германия от войны». Изд-во «Прометей», 1915 (интервью с германскими политиками и учеными) и книги «Две культуры (К философии нынешней войны)». Издатель Б. С. Бычковский. Пг., 1916 (статьи и высказывания интеллектуалов Запада).

ЭДУАРД БЕРНШТЕЙН,
один из лидеров СДПГ, депутат рейхстага

Международная связь, которой мы достигли ценою столь терпеливых усилий, отныне порвана. Результаты этого дадут себя почувствовать рабочим всего мира.

Самое изумительное — это тот факт, что война популярна, даже в России. Но в смысле финансовом, так же как по отношению к количеству войск, война требует таких огромных усилий и жертв, что она не может длиться долее нескольких месяцев. Вот почему финансовое и экономическое положение Германии не тревожит меня выше меры. Мы можем продержаться еще довольно долго. Но мы живем за счет нашего запаса. Наше финансовое благополучие только показное. В этом смысле Германия уподобляется больному, которому дают дышать кислородом и который в течение нескольких часов кажется выздоровевшим.

ЗЮДЕКУМ,
социалист

Красный Либкнехт, так он зовет себя сам, ошибается, веря в возможность революции в Германии. В мирное время рабочие возвышали голос на митингах. Они позволяли себе временно увлекаться красноречием какого-нибудь популярного оратора, но когда следовало переходить от слов к делу, то вокруг агитаторов образовывалась пустота. Революция в Германии невозможна технически. Против нее имеются материальные доводы: всмотритесь в нашу военную организацию, окиньте взглядом эти широкие берлинские улицы, — всякую попытку к бунту смогут остановить несколько городовых под командой простого сержанта. И затем, что даст нам революция? По существу, нет более свободной страны, чем Германия. Если соединить вместе Францию и Англию, то у них обеих не найдется столько свобод, сколько их имеется в Германской империи.

Мы справимся со всеми экономическими трудностями. Война ведь будет непродолжительной.

КАРЛ ЛИБКНЕХТ,
социалист, адвокат, депутат рейхстага

Мы, социалисты-интернационалисты, не можем желать разгрома Франции и Англии. Последствия его были бы гибельны для пролетариата обеих стран и распространились бы и на германских рабочих. Эта война прежде всего — война империалистическая. Она вызвана германской и австрийской империалистскими партиями с целью добиться капиталистического господства на мировом рынке и политического порабощения обширных стран, где может основаться промышленный капитал. Равным образом это предприятие направлено к разрушению растущего рабочего движения. Что необходимо — это скорый и ни для кого не унизительный мир.

ВИЛЬГЕЛЬМ ОСТВАЛЬД,
профессор Лейпцигского университета, химик

Желание победить царит во всем германском народе, и он не сомневается в результатах этой борьбы. В качестве же результатов войны прежде всего желательно добиться более обеспеченной безопасности и продолжительного всеобщего мира. Я ожидаю, что после заключения мира во всей германской умственной жизни произойдет крупный сдвиг в пользу позитивного и активного понимания науки. Типичное германское трудолюбие вследствие текущих событий разовьется

существенно изменило дело, дав нам возможность поставить на очередь окончательное разрешение вековых задач нашей ближневосточной политики. Целью ее в настоящее время должно быть сделано приобретение Босфора и Дарданелл в полное обладание России вместе с Константинополем и достаточной частью прилегающих берегов, чтобы обеспечить защиту проливов.

Автор исходил из предположения, что решительная победа над внешним врагом необходима не для одних только территориальных приобретений, а также и для достижения идеальных целей войны, поставленных нами и нашими союзниками для устранения тех стремлений Германии ко всемирной гегемонии, которые угрожали европейскому миру в течение десятилетий и заставляли народы нести тяжесть непомерных расходов на вооружения, и для обеспечения спокойного существования малых народностей, которые притом должны закончить процесс своего национального объединения.

Н. И. КАРЕЕВ,
историк, член-корреспондент Российской Академии наук

МЫСЛИ О РУССКОЙ НАУКЕ ПО ПОВОДУ ТЕПЕРЕШНЕЙ ВОЙНЫ

Наша наука и количественно, и качественно отстала от германской, но у нас есть одно преимущество: мы, за исключением всего умственно отсталого, общечеловеческое ставим выше национального, принципиально признавая, что общечеловеческое и не может быть целиком включено во что-либо национальное, тогда как у немцев стало развиваться противоположное настроение и не у каких-либо невежественных самобытников, а у корифеев философии и науки. За последние годы выучка русских у немцев не расширяла, а суживала умственный горизонт, и с этой стороны мне всегда было жаль тех, которые нигде не искали увидеть свет, как только в немецком окошке.

Нужно будет, чтобы русская наука не отставала от западной, чтобы в наших высших школах молодежь находила все то, что дают заграничные учебные заведения. «На поприще ума нельзя нам отставать», сказал еще Пушкин, и мы должны это помнить. В особенности следует стремиться к тому, чтобы ничто важное из делающегося на Западе не игнорировалось у нас, а делалось известным и входило после надлежащего критического испытания в наш национальный синтез общечеловеческих истин.

Что приемлемо и что неприемлемо в научных методах, построениях и направлениях, господствующих у чужих народов, это должно решаться исключительно на основании научных же соображений. Политике здесь нет места. Конечно, теперешняя война во многих отношениях ослабит у нас немецкое влияние, но такое ослабление будет благотворно лишь в тех случаях, когда указанное влияние было нам скорее во вред, а не в пользу. Было бы, однако, очень печально, если бы политическая ненависть сделалась основанием для полного осуждения всего, что идет от немцев. Я готов согласиться с тем, что старая Германия Канта, Гете и Шиллера выше новой Германии Бисмарка, Мольтке и Гинденбурга, но со многим, что отсюда выводится, решительно нельзя согласиться. Не является ли, например, со стороны некоторых наших публицистов тоже высокомерием утверждение, по которому мы, русские, ведем войну с немцами для того, чтобы их же самих освободить от овладевших ими грехов и вернуть их к их прежней, более человечной культуре? Нет, нам о себе только нужно заботиться, дабы не впасть во искушение и избавиться от зла, от искушения считать себя лучше других и на этом основании признавать себя вправе их исправлять от того самого зла, в которое мы рискуем впасть сами.

М. А. СЛАВИНСКИЙ,
публицист, переводчик

ВОЙНА И НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС

Для России национальный вопрос — не академический, не предмет для теоретических дискуссий, а практическое задание государственного дня, — того близкого и желанного дня, когда народы России, на полях великих битв освятившие кровью свое государственное братство, возвратятся домой как победители.

Даны уже и идеологические предпосылки этого задания, возвещены и лозунги его. Слова — о «началах права и справедливости» в отношениях между народами, о Польше, «свободной в своей вере, в языке, в самоуправлении», о сохранении для всех других народов «драгоценного достояния отцов — языка и веры», — прозвучали громко и ясно[1]. И шум битв не заглушил их, а орудийные выстрелы и ружейные залпы казались торжественными салютами.

Что бы ни говорилось о важности этих лозунгов, переоценить их значение невозможно. Значение их определяется аналогией, близкой нашему поколению. Подобно тому, как Манифест 17 октября навсегда останется в народной памяти исходным моментом политического возрождения нашей родины, так и июльские воззвания лягут в основу национальных отношений русского государства. Это — высокий государственный перевал, с которого ясно видна долина национального мира и согласия.

Второй раз уже на протяжении последнего десятилетия народы России демонстрируют свое лояльное, более того, — сверхлояльное отношение к общей родине их. И действуют они при этом без всякого понуждения извне, свободно утверждая свое бережно любовное отношение к русскому государству.

В первый раз это было в 1905 году, в так называемый освободительный период, когда «начальство ушло» и каждому гражданину предоставлена была ничем не ограниченная свобода самоопределения, проявленная и широко использованная тогда всеми в речах, в программных заявлениях, в выступлениях отдельных лиц, партийных и национальных организаций. И во всем этом красочном разнообразии национальных слов и действий бесполезно было бы искать сколько-нибудь заметного движения в направлении отделения от русского государства. Все национальности России включили тогда в программу своей деятельности пункт об охране государственного единства.

1914 год в этом отношении явился прямым продолжением 1905 года. Разница лишь в том, что то, что тогда было лишь словесным изъявлением, перешло в наши дни в тяжелое, ответственное дело. И ни один из народов России не уклонился от выпавшей на его долю ответственности; все, как один, стали на защиту единого отечества.

К перекрестку подошли все народы России. Впереди — единый путь для всех, освещаемый, как огненными столбами, видениями права и справедливости. Горе тому, кто уклонится от этого пути.

еще больше. Я надеюсь, кроме того, что если это позволит настроение других народов, то Германия после войны сможет продолжать предпринятую ею международную организацию науки. Европейскому индивидуализму необходимо положить конец, а из Европы надо создать одно организованное целое. Для этого должен быть создан особый центральный орган. Таким мозгом Европы может быть только Германия, ибо она одна лишь обладает секретом организаторской культуры.

ВИЛЬГЕЛЬМ ФЁРСТЕР,
профессор Берлинского университета, астроном

Я не сторонник национальной политики, но существование Германской империи необходимо для всего мира. Германия должна существовать и с каждым днем теснее сближаться с Австрией. Германская империя должна создать (силой убеждения, а не насилием) для человечества совершенную организацию. Соединенные Штаты Европы дадут мир всему цивилизованному миру. Нынешняя война подготовлена была Россией, Англией и Францией. Нам до последнего дыхания необходимо защищать Германию. Германия надеется, что нейтральные страны сойдутся с воюющими сторонами и между собою на том, чтобы создать федеральную организацию, которая могла бы обеспечить в будущем преуспеяние социального строя на Земле.

Ф. В. ФЁРСТЕР-сын,
профессор педагогики Мюнхенского университета

Пангерманисты и агрессивная политика империи до войны навлекли на Германию известную степень ответственности за разразившийся конфликт. Германия победит. Развитию своей военной мощи она посвятила свою моральную и интеллектуальную культуру, и результаты этой войны будут лишь наградой за добровольную жертву. Ответственность за эту войну падает до известной степени на все нации. Все так называемые цивилизованные нации до невозможных пределов развили у себя принцип национального эгоизма. Я надеюсь, что эта ужасная война докажет всю абсурдность самоистребления культурных наций и приведет их к убеждению, что не только экономические, но и высшие умственные интересы нуждаются в солидарности и в мирной общей работе всех цивилизованных народов. Каждая нация и каждая раса получила свыше такие качества, которые могут и должны пополнить качества, дарованные небом другим расам, дабы образовать единый народ Божий, предсказанный пророками.

ВИЛЬГЕЛЬМ ВУНД,
немецкий философ, психолог, физиолог, языковед

СУЩНОСТЬ ИСТИННОЙ ВОЙНЫ

История отметит государственных людей Англии как главных виновников этой войны. Германцы хотели мира. Германское правительство, германский кайзер это доказывали столь явными данными, что даже враги наши не могли этого отрицать. Англия хочет уничтожить германскую мощь, и это значит вычеркнуть германскую нацию из списка великих народов. Это наполняет наши сердца глубокой скорбью и справедливым гневом и негодованием против родственной нам страны. Самое тяжелое и больное для нас в этой войне — это то, что нам главным образом приходится воевать с родственной нам по крови Англией. Франция, Россия — они соучастницы преступления. Но их вина почти простительна, если принять во внимание условия жизни этих стран и их отношения и считаться с тем великим обманом, в который их ввел английский план. Англия есть и остается главным виновником, ибо она создала дьявольский план уничтожения Германии. Это она создала ужасный тройственный союз двух старейших по культуре стран с варварской Россией. Ложь — заступничество России за Сербию! За этим заступничеством скрыто желание совершить вооруженное нападение на Австрию и Германию! Мы победим, ибо мы должны победить. Нам придется заботиться о том, чтобы завоевать для нашего народа руководящую роль в общей работе над созданием великих благ культуры и закрепить эту роль за ним.

КАРЛ ЛАМПРЕХТ,
немецкий историк

К СОВРЕМЕННОМУ ПОЛОЖЕНИЮ

Самые благородные народы — англичане, французы, немцы — стремятся к господству над остальными, доводят это стремление до желания взаимного уничтожения. В этом — содержание ужасной войны. Новые факторы возвещают живую будущность тевтоно-германской расы. Для нашего народа пробили часы великих испытаний.

АНРИ БЕРГСОН,
французский философ

МЫСЛИ О ВОЙНЕ

В могучей схватке сцепились Жизнь и Смерть. Смерть призвала на помощь все, чем она располагала, но победы это ей не обеспечило. Смерть побеждена! По-

В. Я. КУРБАТОВ,
историк архитектуры

ОПАСНОСТИ ГЕРМАНСКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

Стремление к возможно полной предусмотрительности и согласованности доходит в Германии до умерщвления всякой свежей мысли и тем более гениальности. С другой стороны, после 1870 года Германия охвачена желанием казаться выше всех. Отсюда, с одной стороны, — создание кажущегося великим (здание Рейхстага, Берлинский собор, памятник битвы народов), а, с другой — неумение видеть у других великое. Конкурируя с другими странами, Германия редко считается с чужими достоинствами, но обыкновенно старается заменить недостаток какими-нибудь техническими преимуществами. Третья особенность в том, что трата массы сил на вооружения, постоянное самовосхваление и неизбежное убивание всего свежего должно привести и приводит к своего рода одичанию. Примитивизм архитектуры, золотая мозаика, обилие лампочек, зеркал, блеска и светящихся реклам, разгром Лувена, Лилля и Реймса — явления глубоко родственные.

В данный момент не время, конечно, отыскивать недостатки противника, тем более что за счет недостатков он обладает весьма важными военными достоинствами. Для России многие обстоятельства нынешней войны могут открыть глаза на недостатки германской культуры, с которою преимущественно знакомились и которой старались подражать. Между тем то, что дало одному государству блеск, хотя бы временный, может для него, и особенно для другого, оказаться бесполезным и даже вредным. История знает примеры, что отдельные государства овладевали почти всем миром, но и для культуры не давали ничего значительного и сами рассеивались.

Будем надеяться, что ужасы, совершенные Германией в этой войне, рассеют кошмар милитаризма и что в то же время для России рассеется мираж германской сверхучености и сверхкультуры. Не менее важно, чтобы и сама Германия сознала опасность принятого ею направления и вместо поспешного стремления к владычеству над миром, старалась восполнить потерянное в предыдущие века, когда тевтонские рыцари грабили и своих и чужих. Но важнее всего, чтобы германские идеалы ни прямо, ни косвенно, ни отраженно не повлияли на европейскую культуру. Страшно то, что М. Метерлинк уже заявил о необходимости разрушить за Брюссель — Нюрнберг, за Лувен — Мюнхен и т. д. Если человечество потеряло часть сокровищ, то не следует терять новые.

А. И. ШИНГАРЕВ,
публицист, член ЦК Конституционно-демократической партии, депутат Государственной думы

ЗЕМСКАЯ И ГОРОДСКАЯ РОССИЯ

Широкая реформа самоуправления неизбежно должна стать одною из первых в ближайшем будущем. Среди грома военной невзгоды по-прежнему приходится думать о лучшей организации сил населения, о новом развитии деятельности земских и городских учреждений. Прошлое и настоящее наших общественных учреждений является надежнейшим залогом их будущего. Современная война, несомненно, облегчит наступление этого будущего.

Первое и главнейшее обстоятельство, подлежащее изменению в будущем, это ограниченность, неравномерность и несправедлнвость земского и городского представительства. Существующее положение сводится к тому, что в городах почти исключительное преобладание имеют более крупные домовладельцы, торговцы и промышленники. То же положение существует и в земствах. Крупноцензовый принцип поставлен и здесь в основу земского представительства, осложнен **сословными** привилегиями.

Война должна вызвать новое земское и городское избирательное право, которое должно стать естественным достоянием всех граждан Империи. Только **всеобщее избирательное право** в местном самоуправлении достойно завершить и дополнить в предстоящей реформе внешнюю победу русского оружия. Новые и грандиозные задачи будущего требуют полного появления новых сил и в государственной, и в местной жизни Империи.

Широкая самостоятельность органов самоуправления, пересмотр целого ряда устаревших уставов и всей системы местного управления, контроль и надзор независимой судебной власти лишь за законностью действий земств и городов, — таковы основы будущей реформы, которая только в этом направлении может обеспечить необходимое доверие к власти и нормальное сотрудничество Правительства и местных самоуправлений.

Война, как молнией, осветила истинное положение вещей и показала всю ошибочность и вздорность ночных страхов «сепаратизма» окраин, и будет последовательным теперь немедленно ввести там органы самоуправления. Земские и городские учреждения должны распространиться во всю ширь, из конца в конец Русской земли — так же, как и дойти до самых глубин ее населения.

Р. Е. СТРЕЛЬЦОВ,
историк, экономист

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА

Во всех направлениях у нас могут быть только мирные задачи. Россия не нуждается в захватах. Земельных богатств у нее и без того достаточно. В области внешней политики ей нужно спокойствие и только спокойствие. Вся энергия необходима для внутреннего строительства. Наилучшей внешней политикой для России является хорошая политика внутренняя[2].

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Имеется в виду воззвание императора Николая II к народам России в июле 1914 года в связи с началом войны с Германией и Австро-Венгрией.
2. Непосредственно против аннексионистской точки зрения П. Н. Милюкова, достаточно четко выраженной в опубликованной в настоящем сборнике статье, Р. Е. Стрельцов выступил несколько позже в предисловии к составленному им сборнику статей и материалов «Россия, Царьград и проливы», вышедшему в 1916 году в издательстве «Прометей».

бедила Жизнь, победило человечество. Через физические страдания мы спаслись от морального падения, которое граничило бы с нашим концом. Общее горе соединило, объединило народы, и из юдоли печали уже доносится радостный гимн освобождения.

ЭРНЕСТ ЛЕРУ,
французский историк

ФРАНЦИЯ И ГЕРМАНИЯ: ДВЕ КУЛЬТУРЫ

Германский империализм лелеет безумную мечту уничтожить Францию, аннексировать Голландию, Бельгию, уничтожить английскую мощь, отторгнуть от России Ливонию, Польшу, Финляндию... Для порабощения мира, для торжества пангерманизма все средства были признаны пригодными.

Германская культура родилась недавно. Французская старше ее на многие столетия. Германцы, претендуя на духовное владычество над миром, никого не обманут. Германская наука имела и имеет в наши дни людей большого значения. Никто и не думает оспаривать это. Но она создала мало людей, которых можно было бы признать творцами.

Милитаризм и спесь, эти боги современной Германии, тревожат весь мир. Святая, освободительная война будет последней войной. Она создаст союз народов и подготовит договор Соединенных Штатов Европы. И это будет делом французской культуры.

Сборники очерков, статей, интервью и других материалов — «Чего ждет Россия от войны», «Чего ждет Германия от войны», «Две культуры», — представленные здесь в небольших отрывках, достаточно полно отражают спектр мнений либеральной интеллектуальной элиты воюющих держав, как он, этот спектр, сложился на начальных фазисах войны (1914—1915 годы), когда германские войска вели в целом успешные наступательные боевые действия в Бельгии (нейтралитет которой был ими нарушен) и во Франции. Авторы сборников затрагивают, по существу, все коренные вопросы первой мировой войны — о ее истоках, причинах, содержании, возможных последствиях, связанных с ней ожиданиях... Высказываемые при этом точки зрения, естественно, не только различны, но нередко и прямо противоположны.

Бросается, однако, в глаза общая, коренная черта: за редчайшими исключениями, интеллектуалы противоборствующих сторон безоговорочно становятся на сторону своих держав и правительств, отстаивают «свою правду», опровергая «ложь» своих противников. Особенно «наступательной» в этом отношении является позиция германской интеллектуальной элиты.

Первый и вполне понятный вопрос, который возникает у читателя: на чьей же стороне правда, кто оказался прав, а кто виноват перед судом истории?

Если исходить из реальности частичной или односторонней правды истории, то ответ очевиден: виноваты были начавшие войну Германия и поддержавшие ее безоговорочно немецкие интеллектуалы; правда была на стороне стран, подвергшихся германской агрессии и вынужденных защищаться.

На мой взгляд, этот ответ если и может быть принят в качестве истинного, то с одним очень важным ограничительным условием: он верен лишь в контексте ***того*** *времени, условий* ***той*** *эпохи, но никак не может быть признан таковым в контексте исторического времени. Ибо действительная правда истории не может быть ни односторонней, ни частичной — она может быть только целостной и всесторонней. Современникам такая правда недоступна уже, так сказать, по определению. Но и потомки, в свою очередь, до такого понимания должны дорасти, что также требует времени, и чем крупнее историческое событие, тем продолжительнее необходимая историческая дистанция: большое действительно видится издалека.*

Это не значит, что вопрос о виновности или невиновности, правоте или неправоте той или иной стороны снимается вообще с повестки дня. Но, выходя за пределы «злободневной» современности в потенциально бесконечный контекст исторического времени, он сам существенно и многократно переосмысливается: оппозиция «виновность — невиновность» теряет свою жесткую фиксированность, антиномичность; она расплывается, становится аморфной, распределяясь ***одновременно*** *по противоположным полюсам того трагического социального конфликта, каким является мировая война.*

И здесь, при всей очевидной антагонистичности спора между авторами сборников, есть у них и нечто существенно общее. В высшей степени знаменательно, что это общее обнаруживается именно тогда, когда они обращаются к будущему, то есть как бы становятся «историками наоборот», — обращаются к нам, а значит, и к современным историкам. В этом — самом главном — смысле некоторые наиболее дальновидные представители интеллектуальной элиты сошедшихся в смертельной схватке великих, и не очень великих, держав оказались едиными. Идея мира и мирного строительства для «своих» стран и стран «врагов», идея всеобщего мира для стран Европы («Соединенные Штаты Европы») и в конечном итоге для всего человечества — в более или менее явном виде пронизывает размышления этих интеллектуалов.

Излишне говорить, насколько все это созвучно нашему времени. Но есть здесь, думается, и нечто большее — интуитивное предвосхищение XX века в целом, переломного в становлении человечества как подлинного субъекта истории.

Публикация и комментарий
ИНАРА МОЧАЛОВА

Настоящей подборкой мы предваряем следующий номер журнала «Родина», специально посвященный первой мировой войне. — *Ред.*

ИСТОЧНИК

документы русской истории

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
ПРЕДСЕДАТЕЛЯ КОМИТЕТА
ПО ДЕЛАМ АРХИВОВ ПРИ
ПРАВИТЕЛЬСТВЕ РОССИИ
РУДОЛЬФА ПИХОИ

Неизвестный КРОНШТАДТ

Секретный доклад чекиста Я. С. Агранова о событиях в Кронштадте (март 1921 года) около 70 лет пролежал в спецхране Российского государственного архива экономики (бывший ЦГАНХ). И это неудивительно, так как общие выводы Агранова во многом противоречили утвердившейся еще при Сталине официальной версии: «антисоветский мятеж», «заговор белогвардейцев», «происки буржуазных разведок» — с подобными оценками отечественный читатель знаком чуть ли не с детских лет. В действительности все значительно сложнее. В публикуемом документе не только подробно излагается ход восстания, но и достаточно убедительно показано, что никакие «белогвардейские» или «империалистические центры» не влияли на закономерный протест изголодавшихся и уставших людей. В связи с этим красноречива обеспокоенность Агранова неспособностью РКП контролировать многочисленные беспартийные конференции, которые могут стать «опасным оружием» в руках опытных противников.

Доклад особоуполномоченного ВЧК Я. С. Агранова в Президиум Всероссийской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией и саботажем по делу расследования мятежа в Кронштадте[1]

5 апреля 1921 г.

При падении восставшего Кронштадта большая часть членов мятежного ревкома, весь штаб крепости и большинство активных участников восстания бежали в Финляндию. Важнейшие деятели движения ускользнули таким образом из рук следствия. Из данных следствия и личного опроса задержанных немногих активных участников мятежа выясняется следующая картина возникновения и хода развития Кронштадтского вооруженного восстания и обусловивших его причин.

Контрреволюционное восстание гарнизона и рабочих Кронштадта (1.III — 17.III с. г. включ.) явилось непосредственным логическим развитием волнений и забастовок на некоторых заводах и фабриках Петрограда, вспыхнувших в 20 числах февраля с. г. Сосредоточение в петербургских промышленных предприятиях значительного количества рабочих, мобилизованных в порядке трудовой дисциплины-повинности, и последовавшее затем в начале февраля с. г. из-за топливного кризиса внезапное закрытие большинства только что введенных в ход предприятий вызвали недовольство и раздражение в кругах наиболее отсталых петербургских рабочих. Трудмобилизованные привели с собой из деревни в рабочую среду разлагающие настроения мелких собственников, взбешенных системой разверстки, запрещением свободной торговли и действиями заградительных отрядов.

Последовавшее в середине февраля сокращение продовольственного пайка дало непосредственный толчок к проявлению наружу нараставшего недовольства части питерских рабочих и вызвало забастовки ряда главных заводов: Балтийского, Трубного, фабрики Лафора и др. Одной из основных причин этого явилась, несомненно, страстная предсъездовская полемика в рядах РКП, ослабление внутрипартийной спайки и падение партийной дисциплины в широких кругах членов партии. Бастовавшие рабочие не ограничивались требованием увеличения хлебного пайка и снятием заградительных отрядов. В наиболее отсталых кругах рабочих раздавались даже требования созыва Учредительного собрания. Но и общее движение шло под лозунгом отмены диктатуры коммунистической партии и установления власти свободно избранных Советов. Если движение в Петербурге не приняло организованного характера и не стало всеобщим, то произошло это в значительной степени благодаря своевременной и быстрой ликвидации петроградских организаций с. р. меньшевиков, левых с. р. и анархистов, что сразу лишило движение организованного руководства.

Аналогичные условия и настроения имелись налицо и в Кронштадте накануне мятежа. Нервное настроение в наголодавшейся рабочей массе поддерживалось непрерывным ухудшением условий существования. Опрос целого ряда участников восстания доказал, что атмосфера недовольства в рабоче-крестьянской массе, почти сплошь крестьянской, сгущалась и раздражение неудержимо нарастало главным образом благодаря тому, что вести из родной деревни, с которой эта масса не порвала связей, постоянно приносили им сведения о кризисе сельского хозяйства, о злоупотреблениях местных властей, о тяжести разверстки и пр. Скопленная в значительных размерах на небольшой территории Кронштадта эта в общем бездеятельная масса, в условиях коллективной казарменной жизни быстро заражалась одним настроением глухой вражды к режиму пролетарской диктатуры. Разложение же кронштадтской коммунистической организации, благодаря преобладанию в ней необузданных матросских элементов и низкого политического уровня ее членов, еще до восстания шло гигантскими шагами вперед и чрезмерно ускорялось ожесточенными спорами в рядах партии по основным вопросам момента.

Разделение организации на разные группировки и оттенки мнений при данных условиях неизбежно должно было привести к распаду организации. Рядовые члены партии, политическое сознание которых ничем не возвышалось над уровнем сознания беспартийной массы матросов и рабочих, вносили в эту массу весь тот идейный разброд, который разъедал коммунистическую организацию, и тем еще более способствовали отмежеванию пролетарской и полупролетарской массы от коммунистической массы, в которой она начала видеть якобы виновника общей разрухи.

Но пассивное в общем настроение этой массы получило запалы от вспыхнувших в Петербурге волнений и вышло из состояния неустойчивого равновесия. Матросская масса заволновалась. В разразившейся потом неожиданно быстро катастрофе колоссальную роль сыграла невиданная растерянность руководителя Кронштадтской организации РКП и комиссарского состава Балтфлота и Кронштkрепости. Если значительное большинство членов Кронштадтской организации РКП быстро отхлынуло от партии и с оружием в руках сражалось на стороне мятежников, то ответственные коммунисты своим непониманием смысла и направления движения не только не приняли никаких мер к тому, чтобы рассеять насыщенную огнем атмосферу, но и прямо, хотя бессознательно, способствовали возникновению восстания, допуская или лично созывая общие собрания матросских команд при наличии коллективного возбуждения в их среде и содействуя посылке делегаций из Кронштадта в Петербург на бастующие заводы.

Если бы комиссары мятежных кораблей «Петропавловска» и «Севастополя», при наличии в экипажах большого числа [членов] РКП, приняли быстрые и решительные меры, не допустив собраний, взяв в свои руки службу связи, и попытались бы противопоставить взбудораженной, но не организованной массе сплоченную силу коммунистколлективов, движение удалось бы локализовать и задушить в самом начале. Но ровно никаких попыток в этом направлении не было сделано. Расслабленная партийная организация развалилась и растворилась в бушующей и озлобленной массе.

Общий ход восстания рисуется в следующем виде: когда вести о вспыхнувших в Петрограде забастовках дошли до Кронштадта, матросская масса пришла в брожение. Это проявилось в быстром падении дисциплины и в открытых разговорах в среде матросов, в которых делались резкие нападки на коммунистический режим и выражалось сочувствие бастующим рабочим. 25/II с. г. общим собранием команды линейного корабля «Севастополь», допущенным комиссаром бригады большим линкором[2] т. Зосимовым (по предложению комиссара Чистякова), было решено послать в гор. Петроград делегацию в составе 5 человек матросов для выяснения причин волнения на петербургских фабриках и заводах и требований, предъявлявшихся рабочими. Линкором «Петропавловск» была избрана делегация из 7 матросов, фамилии делегатов в точности установить не удалось за исключением одной — Савченко, беспартийного, безграмотного матроса из крестьян Кустанайского уезда. Но здесь, как и в последующих собраниях матросов, были избраны первые названные кандидаты. По приезде в Петербург делегаты разделились на несколько групп и посетили бастующие заводы, где вступали в беседы как с отдельными рабочими, так и с целыми группами рабочих.

Таким образом, делегаты были односторонне осведомлены о положении в Петербурге и несомненно заразились настроением стачечников, хотя их до некоторой степени [смутили] реакционные лозунги, имевшие успех на некоторых заводах, как-то: созыв Учред. собрания, свобода слова, союзов и собраний для всех партий, что шло гораздо дальше требований, намечавшихся в матросской среде. 27/II с. г. делегаты вернулись на свои корабли и доложили общим собраниям команд о причинах волнений на заводах Балтийском, Трубном, линкорах «Гангут» и «Полтава», стоявших на Неве, проведении массовых арестов бастующих рабочих; была прочитана контрреволюционная резолюция рабочих Балтийского завода. В результате этих докладов командой «Петропавловска» была 28/II принята известная резолюция из 13 пунктов, выработанная группой матросов в 7—8 человек. В эту группу входили — Петриченко, старший писарь «Петропавловска», Вейс-Гинтер Ян Янович — гальванер с «Петропавловска», впоследствии член судового комитета этого же судна. Фамилии остальных пока не выяснены. Эта резолюция вначале была принята лишь в принципе: окончательная редакция была поручена той же комиссии. В тот же день 28/II резолюция была окончательно принята командой «Петропавловска», а затем и «Севастополя», причем выяснилось, что за эту резолюцию голосовало и большинство коммунистов из судовых команд. Только незначитель-

ная часть коммунистов воздержалась от голосования: 1/III резолюция была принята общим собранием команд бригады больших линейных кораблей. На этом собрании к тексту резолюции были добавлены 14 и 15 пункты; на бригадном собрании присутствовал комиссар Балтфлота т. Кузьмин. Почти на всех этих собраниях председательствовали коммунисты. Председателем бригадного собрания был Петриченко. 1/III резолюция была вынесена на общее гарнизонное собрание Кронштадта, состоявшееся на Ярковой площади в присутствии Председателя ВЦИК тов. Калинина и комиссара Балтфлота т. Кузьмина. Председателем собрания был председатель Кронштадтского Совета тов. Васильев. На собрании выступал анархист Пустов — кочегар с «Петропавловска», состоявший во время мятежа комендантом следственной тюрьмы, и Петриченко.

Предложенная последним вышеупомянутая резолюция была принята подавляющим большинством гарнизона. В тот же день на «Петропавловске» и «Севастополе» были избраны судовые комитеты из матросов для ведения корабельной жизни. Этим самым упразднялась власть комиссаров. В судовой комитет «Севастополя» было избрано 9 человек, среди которых были: Коровкин, бывш. член РКП, вышедший из партии после перерегистрации осенью 1920 года, Перепелкин и Ососов, впоследствии члены мятежного Ревкома. Председателем судового комитета «Севастополя» был избран Коровкин. Служба связи и караула на этих кораблях перешла в руки судовых комитетов. Вечером 1/III на «Петропавловске» состоялось заседание судового комитета, на котором присутствовали представители команд «Трувора» и «Огня», стоящих на Неве в Петербурге. Вопрос о посылке делегатов на беспартийную конференцию судовых команд в Кронштадте был решен собранием команд «Трувора» и «Огня», по предложению комиссаров этих судов, председательствовавших на этих собраниях. В число делегатов попал гр. Тан-Фабиан Георгий Францевич, назвавший себя при аресте сочувствующим партии левых соц.-рев.

После упомянутого вечернего заседания на «Петропавловске» часть питерских делегатов решила остаться в Кронштадте с тем, чтобы потом поехать вместе с кронштадтской делегацией в Петербург, другая же часть направилась 2/III в Петербург, где на «Труворе» и «Огне» по докладу Тан-Фабиана кронштадтская резолюция была принята, причем против резолюции голосовало всего несколько человек. На том же собрании вечером 3/III на «Петропавловске» было внесено предложение о задержании тов. Калинина и объявлении его заложником, но большинство собрания высказалось против этого предложения, после чего тов. Калинин был выпущен из Кронштадта. [...] На большинстве предвыборных собраний председательствовали коммунисты. Ввиду тесноты помещения на «Петропавловске» делегатское собрание было перенесено в «Дом просвещения». Председательствовал на собрании Проценко. Присутствовавшие на собрании т. т. Кузьмин и Васильев были решением собрания арестованы. Затем на собрании вдруг распространился слух, что отряд курсантов с пулеметами наступает на помещение, где происходит делегатское собрание, с намерением арестовать всех участников. Собранием овладела паника. По предложению Петриченко собранием был избран временный революционный комитет из 5 человек: Петренко, Яковенко, Ососова, Ту[кина] и Орешина. Ревкому была поручена вся полнота власти в Кронштадте и поручено проведение в жизнь резолюции, принятой гарнизонным собранием, и, если понадобится, вооруженная защита этой резолюции. Следующее делегатское собрание было назначено на 4/III. Затем собрание быстро разошлось. Местом пребывания ревкома был избран «Петропавловск». Весь день 2/III контрреволюционные матросы «Севастополя» и «Петропавловска» [Перепелкин, Вершинин] и ряд других разъезжали по фортам и красноармейским частям, где призывали к признанию власти Ревкома и устранению власти комиссаров. К вечеру 2/III к Врем. револ. ком. присоединилось большинство фортов и все красноармейские части крепости. Все учреждения службы связи были заняты караулами ревкома. Ревком опубликовал несколько воззваний к населению Кронштадта, в которых разъяснял смысл происходящих событий. Из опроса арестованных участников мятежа выясняется, что вначале как ревком, так и выдвинувшая его масса были уверены в неприступности Кронштадта и считали, что рабоче-крестьянское правительство не пойдет на жертвы и вынуждено будет пойти на уступки.

Вечером 2/III в Ораниенбауме состоялось общее собрание 1-го гидродивизиона, на котором председательствовал начальник дивизиона Колесов (арестован). Собранием при нескольких воздержавшихся голосах была принята Кронштадтская резолюция и послана делегация на «Петропавловск» для информации и связи. Ночью с «Петропавловска» предложили Колесову занять вокзал и продовольственный склад. На просьбу Колесова о присылке из Кронштадта сил ему с «Петропавловска» была обещана присылка морского отряда. Командование гидродивизиона усилило свои караулы и, по-видимому, готовилось оказать действительную поддержку восстанию, но в ту же ночь он был окружен курсантами и в полном составе подвергнут аресту.

3/III в Ревком начали поступать массовые заявления членов и кандидатов РКП о выходе из партии. Видную роль в столь быстром разложении коммунистической организации сыграло опубликование в «Известиях Кронштадтского Ревкома» заявления так назыв. «Временного Бюро Кронш(тадтской) организации РКП», подписанное членами РКП [Ильиным] (комиссаром продовольствия), [Первушиным] (комиссаром труда) и [фамилия неразборчива] (председателем совета профсоюзов). В воззвании было указано, что над коммунистами не творится никаких насилий, и все коммунисты призывались оставаться на своих местах в целях организованного проведения в жизнь известной резолюции. За время мятежа в Ревком поступило от 800 до 900 заявлений о выходе из РКП. Огромное большинство этих заявлений исходит от членов и кандидатов РКП 1919—1920 гг. Встречаются и заявления членов партии, сопровождаемые резкими и циничными оскорблениями и угрозами по адресу РКП и ее вождей, что еще более укрепило в стихийной массе уверенность в неминуемом крушении коммунистического режима.

На делегатском собрании гарнизона и рабочих Кронштадта 4/III, на котором присутствовало 202 человека, по предложению Петриченко были проведены довыборы 10 новых членов Ревкома. Таким образом, Ревком определился в составе следующих 15 членов: Архипов, Бойков, Вальк, [Вершинин], Кильгаст, Куполов, [Орешин], Ососов, Павлов, Патрушев, [Перепелкин], Петриченко, Романенко, Туркин и Яковенко. Председателем Ревкома был избран Петриченко; товарищами председателя — Яковенко и Архипов; секретарем — Кильгаст (ему же была поручена информация); заведование гражданскими делами было поручено [Вальку], следственной частью — Павлову, отделом продовольствия — Туркину. В состав редакционной коллегии входили: Орешин, Кильгаст и Петриченко.

Партийную принадлежность членов Ревкома не удалось выяснить ввиду того, что члены Ревкома, как и все участники мятежа тщательно скрывали свою партийную физиономию под флагом беспартийности. Вожди восстания хорошо учли стихийную реакцию мелкобуржуазной по существу массы против всяких партий вообще и подчеркивали на каждом шагу свою беспартийность, выдвигали на названные посты беспартийных и проч. Следствием установлена, однако, партийная принадлежность некоторых руководителей движения. Так, Вальк Владислав Антонович, по его собственному признанию состоит членом РСДРП (меньшевиков) с 1907 г., был нелегальным работником, в 1917 г. состоял членом Кронштадтского Исполкома; Романенко тоже член РСДРП (см. показание [Лапикова]). Орешин — учитель трудовой школы — член партии народных социалистов, Петриченко, повидимому, был членом партии левых соц.-рев. Техническим руководителем «Известий Кронштадтского Ревкома» был активный член партии с.-р. максималистов Ламанов Анатолий Николаевич, бывший в 1917 г. председателем Кронштадтского Совета. Виднейшим сотрудником этой газеты, заполнявшим почти все статьи, был Пут[илин], член партии народных социалистов. Заведовавший Кронштадтским Совнархозом Захаров, состоявший в этой должности и до восстания, принадлежит к партии меньшевиков. За исключением Петриченко, Кильгаста (штурман дальнего плавания) и Орешина, Ревком состоял из матросов и рабочих.

На упомянутом делегатском собрании Петриченко в своем докладе о военном положении подчеркнул полную боевую готовность всего гарнизона крепости и кораблей. Собрание постановило поголовно вооружить всех рабочих Кронштадта и поручить им внутреннюю охрану города. Было решено в 3-дневный срок переизбрать правление профсоюзов и состав союзов. 4/III Ревком выделил из своего состава оперативную тройку, в лице Петриченко, Яковенко и Ососова, которой было поручено вступить в переговоры со штабом крепости относительно общего плана действий. 5/III оперативная тройка доложила Ревкому о том, что со штабом крепости установлены прочные отношения, что военспецы со своей стороны предложили Ревкому свои услуги и знания, что штаб согласился работать в тесном контакте и под контролем оперативной тройки. 6/III приказом штаба крепости и Ревкома было предписано всем начальникам частей, командирам отрядов, всему комсоставу крепости и флота явиться в штаб крепости.

Старый комендант крепости Ков[алев] не принял участия в последующих действиях. В штабе крепости собрались: начальник штаба крепости б. подп. Соловьянов, начальник оперативной части штаба крепости [Арканников], начальник артиллерии б. генерал Козловский, начальник воздухообороны, начальник связи, командиры артдивизионов, начальники бригады больших линкоров, контр-адмирал Дмитриев, командир «Севастополя» Карпинский, командир «Петропавловска» Христофоров, командир берегового отряда капитан Зеленой, командир Ермаков, делегаты от морских и сухопутных частей, оперативная тройка — Петриченко, Ососов и Яковенко — и ряд других представителей комсостава.

Соловьянов и Арканников потребовали от приглашенных сведения о числе команд у каждого из них и начали распределять их по боевым участкам и фронтам. Штаб предполагал держаться наступательной тактики и в этом смысле собирался открыть действия против советских войск, но представители Ревкома, ввиду принятого Ревкомом решения ограничиться только обороной крепости, высказались против агрессивных планов штаба, и предложение последнего было отвергнуто. Принятый затем штабом план обороны заключался в том, чтобы по всей береговой линии... расположить пехотные и морские части за исключением команд «Севастополя» и «Петропавловска», которые должны были оставаться на кораблях.

На участке у Петроградских ворот в районе гаваней должен был расположиться 560-й пехотный полк; остальная линия берега разделялась на 3 участка и была занята морскими командами, по южному берегу — рабоче-конвойный отряд (командир Перстнев), по северному берегу — отряд главного минера порта Егорова и сводный отряд судовых команд (командир Вознесенский). Остальные береговые команды, учебно-минный отряд, команды машинной школы, школы гальванеров, отряд переходящих команд и роты военморов-специалистов небольшими группами были распределены по разным фортам для усиления гарнизона последних. Общая численность морских команд и 560 полка, назначенных на участки береговых линий, достигала 3000 человек, а на форты было послано из морских команд около 2000 человек. Затем комсостав крепости под руководством Соловьянова обсуждал вопросы об организации стрельбы с батарей и судов и проект о наступлении на северный берег с целью занять Лисий Нос и Сестрорецк. Этот проект предполагалось осуществить отрядом в 200 человек из 560 полка и раб. конвойного отряда, однако впоследствии проект был отвергнут, так как при осуществлении его крепость осталась бы со слишком малым числом бойцов для обороны берегов острова. В общем весь комсостав оставался на прежних местах службы. Быв. генерал Козловский, замначальника артиллерии, играл подчиненную роль по отношению к начальнику штаба. Ввиду ограниченных запасов продовольствия Ревкомом, а затем и штабом было решено установить ежедневную выдачу защитникам 1/2 ф. суррогатного хлеба и 1/2 банки консервов, взрослое гражданское население получало до 1 фун. овса в день, а дети по 1/2 ф. ячменя или пшеницы в день. 7/III начальник обороны Соловьянов доложил собравшимся представителям комсостава, что при такой норми-

ровке распределения гарнизон и город будут обеспечены продовольствием до 21/III с. г.

С топливом для линейных кораблей дело обстояло так: к 1/III на «Петропавловске» и «Севастополе» был запас жидкого и твердого топлива до 10—12 марта. 7—8 марта нач. бригады линкоров Дмитриеву удалось с помощью портовых ледоколов доставить к указанным кораблям баржу с жидким топливом, так как «Севастополь» принял запас топлива еще дней на 18, а «Петропавловск» — дней на 14. Следствием установлено, что в общем подавляющее большинство комсостава согласилось участвовать в мятеже добровольно, без какого бы то ни было давления со стороны Ревкома. Колебания же и некоторая угнетенность отдельных военспецов объясняются их неуверенностью в исходе борьбы и нахождением в глубине страны их семей, за судьбу которых они имели основание опасаться. Штаб проявлял лихорадочную деятельность, что немало поражало всех привыкших раньше видеть штаб крепости вялым и сонным. В помещении штаба ежедневно собирались представители комсостава крепости в описанном выше составе, но делегаты от частей уже не приглашались. Соловьянов сообщал собранию все оперативные сведения за истекшие сутки. Петриченко информировал о политическом положении и настроении гарнизона. Затем сухопутные военспецы обсуждали вопросы оперативного характера, сводящиеся главным образом к организации стрельбы, о связи артиллерийского огня с действиями пехоты, способы отражения атак и другие вопросы специально военного характера, в общем сводившиеся к обороне.

На одном из таких собраний комсостава Петриченко заявил, что команды, особенно судовые, оказывают на Ревком давление в смысле побуждения его к предпринятию наступления, как и к другим активным мероприятиям. На это Соловьянов сообщил ему, что с теми силами, которыми располагает крепость, активных действий предпринимать нельзя, и потому необходимо внушить командам, что они должны [...] терпеливо выжидать и переносить лишения осады. Петриченко обещал провести в командах агитацию в соответствующем духе. Общая картина управления крепостью в дни мятежа представляется в следующем виде: высшая власть была сосредоточена в Ревкоме, всецело ведавшем политической частью, оперативная же часть сосредоточивалась в штабе обороны в составе: начальника обороны Соловьянова и начальника его штаба Арканникова. Из этого штаба выходили все распоряжения о действиях пехотной части и об открытии и прекращении огня. Управление же огнем и корректирование стрельбы производилось в Управлении артиллерии — начальником артиллерии Козловским и его помощником Бурксером. Они же управляли и огнем судовой артиллерии. Начальником инженерной обороны крепости был назначен инженер Н. А. Никитин. В тех случаях, когда вопросы оперативные зависели от вопросов политических или имели с ними связь, начальник обороны совещался с представителем Ревкома или его заместителем, причем председатель Ревкома обыкновенно подчинялся решению начальника обороны и не возражал против его оперативных мероприятий (показание П. А. Зеленого). Соловьянов и Арканников вообще действовали самостоятельно, так что однажды у них даже вышло столкновение с б. ген. Козловским, которого они приказом по обороне устранили от управления огнем. Сделали они это по донесениям начальников дивизионов, которые находили, что Козловский слишком вяло и нерешительно действует. На следующий день, однако, приказ этот был отменен по настоянию Петриченко. При начальниках судовых и пехотных команд состояли ревтройки, на обязанности которых был контроль над действиями комсостава и работа по поддержанию боевого духа в командах.

Если движение вначале возникло стихийным путем и представляло собой неорганизованное восстание матросской и рабочей массы, то с организацией Ревкома и главным образом благодаря сосредоточению оперативной работы в штабе крепости восстание приняло планомерный характер и руководилось опытной рукой старого генералитета. Следствием, однако, не установлено, что возникновению мятежа предшествовала работа какой-либо контрреволюционной организации среди комсостава крепости или работа шпионов Антанты. Весь ход движения говорит против такой возможности. Если бы мятеж был делом какой-либо тайной организации, существовавшей до его возникновения, то эта организация приурочила бы его во всяком случае не к тому времени, когда запасы топлива и продовольствия оставались всего едва ли на 2 недели, а до вскрытия льда оставался слишком большой срок. Но единодушие высшего комсостава крепости указывает на то, что они прекрасно знали и понимали друг друга, благодаря чему в ходе восстания быстро наладился их боевой аппарат. Политическую позицию штаба крепости установить не удалось, так как он тщательно скрывал это, а также потому, что все представители штаба бежали в Финляндию. Однако некоторый свет на такие настроения и надежды комсостава проливает изданный 4/III по линкору «Севастополь» приказ командира б. лейтенанта Карпинского, подписанный также председателем трудового комитета. Этот приказ, хотя и упоминает о власти революционного комитета, составлен, однако, в духе обычных белогвардейских прокламаций. В нем говорится о свободах февральской революции, о борьбе за многострадальную, измученную и истерзанную Россию, о долге перед родиной и русским народом и пр. Комсостав отчасти верил сообщениям Ревкома о том, что Петербург поспешит на помощь Кронштадту, но главной опорой военспецов была их надежда в случае неудачного исхода восстания отступить в Финляндию. Неопределенность партийного состава Ревкома сказалась на отсутствии у него устойчивой и ясной политики. Вопросы решались от случая к случаю. Репрессии, проявленные Ревкомом по отношению к коммунистам, оставшимся верными коммунистической революции, явно отвергают якобы мирное настроение восставших. Почти все протоколы заседаний Ревкома указывают на то, что борьба с оставшимися на свободе, а также заключенными коммунистами служила предметом их неусыпного внимания. В последнее время они даже прибегают к угрозам полевым судом, вопреки провозглашенной ими отмене смертной казни.

16 марта в Ревкоме обсуждался вопрос о расстреле виднейших коммунистов. Предложение об этом было внесено в Ревком комендантом следственной тюрьмы

анархистом Шустовым. Ревком отклонил его предложение, предоставив ему, однако, право расстрела коммунистов при попытке к побегу или покушению на него — Шустова. За расстрел коммунистов высказались только Петриченко и Тукин. Это означало фактическое предоставление судьбы арестованных коммунистов в руки Шустова. Быстрое падение Кронштадта помешало последнему осуществить свои черные замыслы. Агитационным отделом Ревкома ведал член Ревкома Перепелкин (арестован). К нему судовым комитетом направлялись матросы для дальнейшей отправки за пределы Кронштадта. Перепелкин снабжал их литературой, воззваниями и газетами Ревкома, с которыми матросы должны были проникнуть сквозь кольцо осады в Петербург, Ораниенбаум, Петергоф, Гатчину и др. районы. Но значительное большинство этих делегатов задержано красными войсками. Ревкомом на заседании 13/III обсуждался вопрос о нетрезвом поведении его членов Валька, Архипова и др. Ревком по отношению к ним ограничился выговором и решил эти неприятные факты [оставить] в тайне. Ревком поручил всем своим членам, заведующим разными отделами, выработать положения и инструкции об управлении этими отделами и содержании и направлении их работы. Однако никто не представил ни одного положения, и отделы Ревкома быстро приходили в упадок. Ревкомом была упразднена Раб.-Кр. Инспекция, и ее функции были переданы Совету профсоюзов. В последние дни мятежа Вальк и Романенко (меньшевики) подняли вопрос об образовании городского управления, но этот проект не успел получить осуществления.

В редакции «Известий Кроншт. Ревкома», помимо указанных выше лиц, видную роль играли: выпускавший газету и ее технический руководитель Владимиров, быв. завед. информац. отделом «Биржевых ведомостей» (арестован) и гр. Белов. В редакцию поступали статьи из Ревкома, штаба и проч. Поступали и статьи черносотенного характера, но весь материал перерабатывался с.-р. максималистом Ламановым, направлявшим газету в духе своей партии. Петриченко уделял газете много внимания. Ни один номер не выпускался без его предварительного просмотра. Петриченко, Орешиным и Беловым было запрещено Ламанову помещать статьи против Учред. собрания; они мотивировали свой [запрет] желанием сохранить единство в своих рядах. Это указывает на то, что некоторые члены Ревкома в глубине души лелеяли мысль об Учред. собрании, но пока не решались об этом открыто говорить. Ревком не скупился на помещение заведомо лживых сведений с целью поднять настроение мятежной массы, в которой поддерживалась уверенность в повсеместных восстаниях, близкой помощи Питера и пр. Здесь следует отметить то обстоятельство, что кронштадтских матросов и рабочих раздражали воззвания Совтрудобороны и Комитета Обороны Петрограда «к населению Кронштадта», в которых виновниками восстания назывались агенты Антанты и генерал Козловский. Козловский почти не был известен рабочей массе. С другой стороны, масса сама сознавала стихийность своего движения и так была уверена в своей массовой силе, была охвачена таким воинственным энтузиазмом, что не допускала и мысли о возможности работы в ее среде белых шпионов. Почти все воззвания Советского правительства опубликовывались без сокращений на страницах Кронштадтской газеты.

9—10 марта в Кронштадт приехала комиссия американского Красного Креста во главе с бывшим командиром «Севастополя» бароном Вилькеном. Комиссия предложила Ревкому и штабу крепости помощь продовольствием и медикаментами, указав, однако, на то, что ввиду отсутствия на это разрешения финляндского правительства эти предметы придется перебросить контрабандным путем. Ревком согласился на предложенную помощь, не беря на себя никаких политических обязательств; но показания арестованных членов Ревкома Валька и Перепелкина признают, что Ревком отлично сознавал, что эта подачка буржуазии связывает его с ней и в будущем [это] должно было привести к окончательному соглашению с этой буржуазией. На делегатском собрании 11/III Петриченко доложил о предложении Красного Креста, причем собранию было подчеркнуто, что предложение было принято Ревкомом без всяких политических обязательств. Собрание санкционировало решение Ревкома. Предложение Красного Креста было также перенесено на обсуждение команд «Севастополя» и «Петропавловска», в свою очередь одобривших принятое Ревкомом решение. Вилькен остался после этого жить в Кронштадте, остальные же члены комиссии вернулись в Финляндию. Вилькен посетил «Севастополь», редакцию «Известий» и часто бывал в штабе. 13/III Ревком послал в Финляндию двух своих членов — Орешина и Архипова, якобы с целью ведения переговоров с финляндским правительством о пропуске продовольствия в Кронштадт.

Но Ревком почему-то решил сохранить факт посылки этой делегации в строгом секрете. Ревкомом было получено из Финляндии до 400 пудов продовольствия. На одном из заседаний Петриченко доложил о полученном им обращении Виктора Чернова, которое привез курьер из Ревеля. Предложение Чернова сводилось к тому, чтобы ему, как представителю Учр. собрания, был разрешен приезд в Кронштадт с тем, чтобы вооруженная борьба против Советской власти происходила под флагом борьбы за Учр. собр. и что руководство делом борьбы с Советской властью было предоставлено Уч. собр. Чернов предложил также помощь вооруженной силой. Петриченко доложил, что он уже дал Чернову ответ, в котором поблагодарил его за приветствие, но отклонил его предложение. На заседании Ревкома Вальк высказался за принятие предложения Чернова. Петриченко и Кильгаст высказались неопределенно, большинством собрания предложение Чернова было отвергнуто. Ревком постановил сохранить в секрете предложение Чернова и свое решение по этому вопросу.

На заседании Ревкома 13/III по предложению Петриченко обсуждался вопрос о дальнейшей тактике восставших в связи с трудным положением осажденного Кронштадта. Было констатировано, что петроградские рабочие не откликаются на призывы кронштадтцев о помощи, что запасы продовольствия совершенно истощаются к 21/III, что длинное кольцо осады сжимается все сильнее вокруг мятежной крепости и что для спасения нужно решиться на какие-нибудь активные и энергичные действия.

Петриченко наметил собранию три выхода из создавшегося положения: 1) сдаться полностью на милость большевиков и Красной Армии; 2) выселить все гражданское население Кронштадта на финляндский берег,— минировать затем Кронштадт, выделить боевую часть для наступления на Ораниенбаум, остальным командам остаться на своих местах, со всех фортов и кораблей открыть огонь по Красной Армии и драться, пока хватит орудий и снарядов, а затем взорвать Кронштадт; 3) обратиться ко всему миру с воззванием о помощи и в целях обороны не брезговать никакими средствами и помощью, с чьей бы стороны они ни исходили. После обсуждения большинство Ревкома остановилось на последнем решении, которое и было принято с тем, чтобы обсудить его в командах и рабочих районах. Подобные обсуждения действительно имели место, и масса одобрила решение Ревкома. Таким образом, логика борьбы в процессе своего развития толкнула кронштадтских повстанцев, независимо от тех целей, ради которых была начата борьба, прямо в объятия реакции. Быстрая ликвидация мятежа не дала возможности окончательно проявиться открытым белогвардейским элементам и лозунгам.

По показанию нач. берегового отдела Зеленого, за 1—2 дня до падения Кронштадта в штабе крепости произошло совещание Петриченко, Соловьянова, начальника штаба и одного крепостного инженера по вопросу о восстановлении телеграфной связи по имевшемуся на форте «Ино» кабелю с тем, чтобы протянуть кабель далее на Тер... . Но этот план, по-видимому, не успел осуществиться. Ревком послал целый ряд радио за границу. Но настроение мятежников, приподнявшееся несколько с приездом барона Вилькена, быстро падало.

17/III днем Петриченко известил членов Ревкома, что штабом решено отступить на форты «Красноармейский» и «Тотлебен» с тем, чтобы под прикрытием последних отступить на финляндский берег. Вечером того же дня соответствующее приказание штаба было получено на «Севастополе» и «Петропавловске». Штаб с ведома Ревкома приказал обезвредить орудия на кораблях при помощи взрыва замков, но команды не дали исполнить это приказание. Часть коммунистов на «Севастополе» и «Петропавловске» (на «Севастополе» ни один коммунист не был арестован матросами) быстро использовали замешательство и нерешительность команд и взяли инициативу в свои руки. Лишь небольшая часть команды «Петропавловска» во главе с командиром успела скрыться. Почти вся команда обоих кораблей осталась на местах. Из Кронштадта отступило около...[3] тысяч человек. Удалось задержать только 3 членов Ревкома — Перепелкина, Вершинина и Валька, видных военспецов — Дмитриева, Карпинского, Зеленого, сотрудников редакции — Ламанова и Владимирова и немногих других более или менее значительных участников движения. Я не касаюсь непосредственных перипетий боевых действий наступавшей Красной Армии против восставшего Кронштадта, имея задачей моего расследования выяснение роли отдельных партий и групп в возникновении и развитии восстания и связи организаторов и вдохновителей этого восстания с контрреволюционными партиями и организациями, действующими на территории Советской России и за рубежом. Но установить подобные связи не удалось. Как я уже указал выше, восстание возникло стихийным путем и вовлекло в свой водоворот почти все население и гарнизон крепости. Кронштадтское восстание вообще является последним аккордом данного этапа движения мелкобуржуазной стихии, представляющей собой реакцию против диктатуры пролетариата и коммунистического режима, недовольство крестьянства и отсталых слоев рабочего класса продовольственной политикой Советской власти и явное стремление к преодолению оков, наложенных последней на свободный оборот мелкого собственника. Топливный кризис, последовавшее за ним сокращение транспорта и приостановка части промышленных предприятий, обострение голода — все это ускорило проявление накипевшего недовольства наружу. Если дело в Кронштадте дошло до критики Советской власти оружием, то объясняется это, во-первых, тем, что огромное большинство матросов не порвало еще живых связей с деревней и по своему социальному составу принадлежит к крестьянству; во-вторых, тем, что в руках матросов, всегда склонных к эксцессам, оказалось налицо оружие; в-третьих, катастрофическим развалом коммунистической организации. В Кронштадте не было ни одной пролетарской [или] хотя бы полупролетарской воинской части. Лозунги, под которыми возникло и развивалось Кронштадтское восстание, были значительно левее лозунгов, выдвигавшихся питерскими и московскими рабочими. Повторяю, колоссальную роль здесь играло разложение коммунистической организации, единственной мощной организованной политической силы, способной сплотить массы.

По своим основным требованиям резолюция, принятая Кронштадтским гарнизоном и рабочими, совпадает с основными идеями левых с.-р. и с.-р. максималистов. Это признает и видный член партии с.-р. максималистов Ламанов — участник мятежа. Общее впечатление таково, что все восстание носит лево-эсеровский характер. Следует отметить, что широкая масса восставших не хотела и слышать об Учредиловке.

В заключение следует сказать, что при термидорианских настроениях отсталых рабочих и полупролетариев, вызванных усталостью от продолжительной разрухи, замедлением темпа развития всемирной коммунистической революции, беспартийные рабочие и красноармейские конференции могут стать опасным оружием в руках наших противников, пытавшихся использовать настроение масс, под флагом беспартийности.

К созыву подобных конференций следует относиться с чрезвычайной осторожностью, так как в иной момент любая партийная конференция может объявить себя стачечным или повстанческим комитетом.

Особоуполномоченный ВЧК *Я. Агранов*

г. Москва.

5/IV—21 года

Публикация **Ю. ХЕЛЕМСКОГО**

РГАЭ. Ф. 3429. Оп. 6. Д. 1. Л. 55—63. Зав. копия.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. сверху документа в правом углу надпечатка — «секретно», ниже от руки помета — «т. Рыкову».
2. — так в тексте документа.
3. — в тексте неразборчиво (возможно, 5 тысяч человек).

Здоровье беречь — «Боинг» не сбивать!

Совершенно секретно

Экз. единственный
(Рабочая запись)

Заседание Политбюро ЦК КПСС
24 ноября 1983 года

Председательствовал тов. ЧЕРНЕНКО К. У.
Присутствовали т. т. Алиев Г. А., Горбачев М. С., Гришин В. В., Громыко А. А., Романов Г. В., Тихонов Н. А., Устинов Д. Ф., Воротников В. И., Демичев П. Н., Долгих В. И., Пономарев Б. Н., Соломенцев М. С., Зимянин М. В., Капитонов И. В., Русаков К. В., Рыжков Н. И.

ЧЕРНЕНКО. Прежде чем перейти к обсуждению вопросов повестки дня заседания Политбюро, мне хотелось бы сообщить вам о моей встрече с Юрием Владимировичем Андроповым. Прежде всего он просил передать всем вам большой привет и пожелания дружной, слаженной, целеустремленной работы.

ЧЛЕНЫ ПОЛИТБЮРО. Спасибо. Передайте Юрию Владимировичу пожелание скорейшего выздоровления.

<...>

ЧЕРНЕНКО. За пределами повестки я бы хотел затронуть еще вопрос, который мне поручил довести до вашего сведения Юрий Владимирович. Его беспокоит, что ряд наших товарищей членов Политбюро, секретарей ЦК иногда нарушают условия и график своей работы, плохо заботятся о состоянии своего здоровья. Об этом же говорится и в записке в Политбюро, которую представил начальник Четвертого главного управления Минздрава академик Чазов. Получается так, что мы друг друга агитируем за строгое соблюдение режима работы и сами же этот режим нарушаем. А ведь Чазов ставит вопрос правильно. У него есть данные о том, что покойный Шараф Рашидович Рашидов прошел в день своей смерти по хлопковым полям 12 км, а Кунаев говорит, что он проходит ежедневно по полям 20 км. Мы должны беречь членов Политбюро, беречь руководство партии.

ТИХОНОВ. Мне кажется, что надо принять это сообщение к руководству и строгому исполнению.

УСТИНОВ. Иногда исполнять это трудно. Есть такие документы, которые домой не возьмешь, ими надо заниматься на рабочем месте.

ЧЕРНЕНКО. Но в любом случае мы должны строго придерживаться договоренностей, которые у нас имеются.

ГРОМЫКО. Мне бы тоже за пределами повестки дня хотелось сообщить вам о том, что, по имеющимся у советского посольства в США данным, один психопат, по-моему, по фамилии Флинт, нанял «Боинг», на котором хочет пролететь по маршруту южнокорейского самолета над советской территорией, чтобы таким образом показать, что этот самолет был шпионским. Мы через посольство в Вашингтоне сообщили об этом правительству США и предупредили их о недопустимости такой провокации. Но если все же такая провокация будет иметь место, у меня есть предложение не сбивать этот самолет, поскольку мы знаем, что это не шпионская акция.

УСТИНОВ. Для меня это вопрос неожиданный. Откуда мы знаем, кто сидит в самолете — шпион или не шпион. Есть общий порядок обеспечения безопасности нашей границы. Сначала такой самолет предупреждают, а потом сбивают.

ТИХОНОВ. Но это заведомо гражданский самолет.

УСТИНОВ. Это вызов нам. Сегодня мы пропустим один самолет, завтра появится другой, поэтому однозначно говорить нельзя.

ГРОМЫКО. И все же надо дать инструкции военным, чтобы не идти на инцидент.

УСТИНОВ. Я понимаю так, что Политбюро решает не сбивать этот самолет. А что будет со следующим самолетом, который появится в нашем воздушном пространстве? Ведь решение должно приниматься в считанные секунды.

ПОНОМАРЕВ. За вылет такого самолета на маршрут ответственность несет американская администрация.

ТИХОНОВ. И все же, видимо, надо условиться сделать исключение для этого самолета.

ГОРБАЧЕВ. То есть этот самолет не сбивать, а для остальных нарушителей оставить действующий у нас порядок.

ЧЕРНЕНКО. Давайте так и условимся, если, конечно, такая провокация будет иметь место.

«Вызвать Кагановича и сделать предупреждение...»

Особая папка

Совершенно секретно

13 октября 1959 г.
№ 3047-Ш

ЦК КПСС

Докладываю, что, по имеющимся в Комитете госбезопасности при СМ СССР данным, Каганович Л. М., несмотря на ранее сделанные ему предупреждения, продолжает время от времени бывать в Москве. В настоящее время он также находится в столице, куда приехал 9 октября с. г.

Изменилось и поведение Кагановича, он стал предпринимать попытки к возобновлению связей со своими прежними сослуживцами и знакомыми. Об этом свидетельствует, в частности, заявление тов. ДУБРОВИНА Н. Ф. — заместителя начальника Управления Министерства геологии и охраны недр СССР, сделанное им в КГБ при СМ СССР 13 октября с. г.

ДУБРОВИН сообщил, что 12 октября, предварительно созвонившись по телефону, его посетил Каганович Л. М. (Ранее он был знаком с Дубровиным по совместной работе с 1937 года на транспорте, а затем в Совете Министров.)

Объясняя причину своего прихода, Каганович заявил, что он намерен писать воспоминания с тем, чтобы оставить о себе память, и попросил ДУБРОВИНА оказать ему в этом помощь. При этом он предупредил ДУБРОВИНА, чтобы тот не беспокоился по поводу телефонного звонка, так как он звонил ему из автомата. Получив отрицательный ответ, Каганович заявил, что было бы все-таки хорошо создать группу товарищей по написанию воспоминаний, и спросил ДУБРОВИНА, не знает ли он телефонов заместителя министра транспортного строительства СССР тов. Левина Б. И. и бывшего директора института комплексных транспортных проблем Академии наук СССР Хачатурова.

Далее Каганович высказал желание устроиться на работу инспектором по транспортному строительству или инспектором государственных резервов и просил ДУБРОВИНА поговорить по этому вопросу с упомянутым выше Левиным и заместителем начальника Главного управления материальных резервов при СМ СССР тов. ВОВЧЕНКО. Тов. ДУБРОВИН отказался это сделать и порекомендовал Кагановичу обратиться в ЦК КПСС. После этого Каганович попросил оказать ему содействие в приобретении легковой автомашины, заметив, что с удовольствием купил бы бывшую в употреблении, так как на новую у него не хватает денег. При встрече с ДУБРОВИНЫМ Каганович интересовался также местом работы бывшего начальника секретариата Министерства строительства ВИНОГРАДОВА и начальника секретариата, который у него работал в Совете Министров. Каганович жаловался ДУБРОВИНУ, что пенсию ему дали небольшую, всего 1158 рублей, и с иронией заявил: «Не могли даже дотянуть до 1200 рублей, не хватало стажа». Высказывал обиду, что ему в ЦК КПСС дали понять о том, что он должен проживать только в гор. Калинине.

Докладывая о вышеизложенном, прошу ЦК КПСС поручить вызвать Кагановича в ЦК и предупредить его о недопустимости приезда в Москву и предложить ему сдать свою московскую квартиру, которая числится за его женой.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ КОМИТЕТА
ГОСБЕЗОПАСНОСТИ *А. ШЕЛЕПИН*

На первом листе документа имеются подписи-автографы секретарей ЦК КПСС Аристова, Брежнева, Игнатова, Поспелова, Фурцевой, а также записи: «тов. Суслов М. А. ознакомился 20. X», «тов. Кириченко А. И. ознакомился 20. X».

Строго секретно

№ П244/XLIX

Выписка из протокола № 244 заседания президиума ЦК от 15 октября 1959 г.

Записка КГБ (т. Шелепина) от 13 октября 1959 г. № 3047-Ш:

передать вопрос на рассмотрение Секретариата ЦК.

Секретарь ЦК

Особая папка

Совершенно секретно

На голосование

ПОСТАНОВЛЕНИЕ
СЕКРЕТАРИАТА ЦК
Коммунистической Партии Советского Союза

Записка КГБ (т. Шелепина) от 13 октября 1959 г. № 3047-Ш.

(т. т. Шелепин, Суслов, Игнатов, Брежнев, Фурцева, Кириченко, Поспелов, Куусинен, Аристов)

* * *

Поручить т. т. Швернику* и Чураеву** вызвать Кагановича и сделать предупреждение по существу вопросов, поставленных в записке.

* Шверник Н. М. в 1959 г. председатель Комитета партийного контроля при ЦК КПСС.

** Чураев В. М. с 1955 по сентябрь 1959 г. заведующий отделом партийных органов ЦК КПСС по РСФСР, а с сентября 1959 г. по 1961 г. заведующий отделом партийных органов ЦК КПСС по союзным республикам.

Недавно фонд Л. М. Кагановича в Российском центре хранения и изучения документов новейшей истории (бывший Центральный партийный архив) пополнился новыми, во многом уникальными, документами из семейного архива. Их сдала на хранение дочь Кагановича — Майя Лазаревна. Для широкого читателя несомненный интерес представляют редчайшие фотографии семейного альбома. Некоторые из них предлагаются вашему вниманию. Фигура Кагановича неординарна. Со временем история расставит свои акценты. Мы же предлагаем вам взглянуть в лицо одному из творцов советской эпохи.

Фотографии из личного архива Кагановича

...Чтоб не достались врагу

Совершенно секретно

Государственный комитет обороны
тов. СТАЛИНУ.
15 ноября 1941 года

В республиканских, краевых и областных органах НКВД по несколько месяцев содержатся под стражей заключенные, приговоренные военными трибуналами округов и местными судебными органами к высшей мере наказания, в ожидании утверждения приговоров высшими судебными инстанциями.

По существующему ныне порядку приговоры военных трибуналов округов, а также верховных судов союзных, автономных республик и краевых, областных судов входят в законную силу только после утверждения их Военной коллегией и Уголовно-Судебной коллегией Верховного суда Союза ССР — соответственно.

Однако и решения Верховного суда Союза ССР по существу не являются окончательными, так как они рассматриваются комиссией Политбюро ЦК ВКП(б), которая свое заключение также представляет на утверждение ЦК ВКП(б), и только после этого по делу выносится окончательное решение, которое вновь спускается Верховному суду, а этим последним направляется для исполнения НКВД СССР.

Исключение составляют местности, объявленные на военном положении, и районы военных действий, где Указом Президиума Верховного Совета СССР от 27.VI-41 г. военным советам фронтов в особо исключительных случаях, вызываемых развертыванием военных действий, предоставлено право утверждения приговоров военных трибуналов с высшей мерой наказания, с немедленным приведением приговоров в исполнение.

В настоящее время в тюрьмах НКВД республик, краев и областей скопилось 10.645 человек заключенных, приговоренных к высшей мере наказания, в ожидании утверждения приговоров по их делам высшими судебными инстанциями.

Исходя из условий военного времени, НКВД СССР считает целесообразным:

1. Разрешить НКВД СССР в отношении всех заключенных, приговоренных к высшей мере наказания, ныне содержащихся в тюрьмах в ожидании утверждения приговоров высшими судебными инстанциями, привести в исполнение приговоры военных трибуналов округов и республиканских, краевых, областных судебных органов.

2. Предоставить Особому Совещанию НКВД СССР право с участием прокурора Союза ССР по возникающим в органах НКВД делам о контрреволюционных преступлениях и особо опасных преступлениях против порядка управления СССР, предусмотренных ст. ст. 58-1а, 58-1б, 58-1в, 58-1г, 58-2, 58-3, 58-4, 58-5, 58-6, 58-7, 58-8, 58-9, 58-10, 58-11, 58-12, 58-13, 58-14, 59-2, 59-3, 59-3а, 59-3б, 59-4, 59-7, 59-8, 59-9, 59-10, 59-12, 59-13 Уголовного Кодекса РСФСР выносить соответствующие меры наказания вплоть до расстрела. Решение Особого Совещания считать окончательным.

Прошу Вашего решения.

НАРОДНЫЙ КОМИССАР ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
Союза ССР *(Л. БЕРИЯ)*

Совершенно секретно

Народному комиссару Внутренних Дел СССР
товарищу БЕРИЯ.

СПРАВКА

о количестве арестованных, приговоренных к ВМН, содержащихся в тюрьмах НКВД-УНКВД в ожидании утверждения приговоров Военной коллегией Верховного суда СССР.

1. Северо-Осетинская АССР — 796 человек
2. Хабаровский край — 467 «
3. Молотовская область — 420 «
4. Свердловская область — 410 «
5. Татарская АССР — 400 «
6. Казахская ССР — 396 «
7. Грузинская ССР — 395 «
8. Челябинская область — 394 «
9. Узбекская ССР — 361 «
10. Сталинградская область — 356 «
11. Приморский край — 350 «
12. Саратовская область — 342 «
13. Кировская область — 320 «
14. Дагестанская АССР — 300 «
15. Горьковская область — 300 «
16. Красноярский край — 290 «
17. Коми АССР — 272 «
18. Новосибирская область — 269 «
19. Архангельская область — 268 «
20. Московская область — 265 «
21. Азербайджанская ССР — 243 «
22. Куйбышевская область — 235 «
23. Краснодарский край — 220 «
24. Тамбовская область — 214 «
25. Иркутская область — 200 «
26. Омская область — 182 человека
27. Чкаловская область — 160 «
28. Башкирская АССР — 156 «
29. Воронежская область — 150 «
30. Пензенская область — 150 «
31. Вологодская область — 144 «
32. Алтайский край — 143 «
33. Читинская область — 140 «
34. Удмуртская АССР — 120 «
35. Ярославская область — 118 «
36. Ивановская область — 113 «
37. Кабардино-Балкарская АССР — 99 «
38. Бурят-Монгольская АССР — 79 «
39. Марийская АССР — 70 «
40. Рязанская область — 63 «
41. Киргизская ССР — 60 «
42. Таджикская ССР — 55 «
43. Мордовская АССР — 50 «
44. Армянская ССР — 40 «
45. Туркменская ССР — 38 «
46. Ростовская область — 23 «

Всего: 10.645 человек

Заместитель народного комиссара
Внутренних Дел СССР *(КОБУЛОВ)*
[ноябрь] 1941 года

ЮРИЙ АЙХЕНВАЛЬД

КОММЕНТАРИИ К ДЕДОВСКИМ ТЕКСТАМ

Этот номер журнала был уже сверстан, когда скончался Юрий Александрович Айхенвальд, постоянный автор «Родины», человек многогранного таланта и неутомимого трудолюбия. Искусствовед, литературный критик, поэт, публицист, мемуарист, правозащитник, один из «Дон-Кихотов на русской почве», если вспомнить название его книги, — он нес свое звание интеллигента с неброским и высоким достоинством, испытанным в годы неволи и опалы. Нам долго будет не хватать его пера, его голоса, его живого участия в журнальном деле.

1. Отцы и деды

В 1953 году меня, заключенного Ленинградской тюремной психиатрической больницы МВД СССР, осматривала медицинская комиссия из Москвы. Возглавлял комиссию полковник МВД в белом халате и в сапогах, а сопутствовал ему профессор в штатском.

Этот профессор и спросил меня:

— Айхенвальд, литературный критик, в свое время высланный за границу, — не ваш родственник?

— Это мой дед.

Полковник МВД не пожелал отставать и подкинул вопрос, но уже по своей части:

— С Айхенвальдом, известным правым капитулянтом, вы состоите в родстве?

— Это мой отец.

Полковник удовлетворенно подытожил:

— А вы, значит, пошли антисоветской дорожкой своих отцов и дедов.

Над столом комиссии с большого портрета генералиссимус Сталин проницательно и прицельно глядел вдаль.

А за дверью ждал своей очереди Федосеенко, могучий кузнец из Одессы, обладатель грандиозного, более чем «шаляпинского» по силе, баса. Он тоже както поинтересовался:

— Ахенвальт — гад, прохфесор-сука, он тебе хто? Он меня сюда запихнул.

Я должен был бы и тут признаться, что профессор Лев Исаевич Айхенвальд, главный психиатр Одесской области, специалист в области судебной экспертизы, — брат моего деда. Психиатры из комиссии об этом родственнике меня не спросили, не желая, вероятно, бросать тень на своего коллегу.

Я не захотел оказаться в криминальной тени этого родства перед шизоидным самородком.

— Он мне однофамилец, — ответил я.

Между тем другой одессит, седой старик, в разговоре со мной благодарил Льва Исаевича, что своим диагнозом тот спас его от лагеря, подарил надежду увидеть семью.

Профессор Лев Исаевич Айхенвальд был прагматик, влюбленный в свою работу, и человек порядочный. Но порядочность прагматика слишком уж часто бывает ограничена обстоятельствами. Вот и Лев Исаевич в 1938 году вступил в коммунистическую партию. О моих злоключениях он ничего не знал, потому что сторонился опальной московской родни.

Однако законопослушная податливость властям сочеталась в нем с твердостью и даже смелостью: он был военным врачом во время трех войн: русско-японской, первой и второй мировых, и каждый раз — на прифронтовых линиях. И царское, и советское государства давали ему ордена, а он разным властям был равно послушен.

Для деда же моего Юлия Исаевича Айхенвальда такая жизненная позиция была неприемлема: для него большевизм был нестерпим и ненавистен, потому что неизбежно должен был «оставить Россию у разбитого корыта» просто по максималистской — и максимальной! — бездарности замысла.

В области исторической практики дед был осторожным человеком, типичным прогрессистом-постепеновцем.

Зато в сфере чистых идей он отнюдь не был миротворцем.

В дореволюционных энциклопедиях обычно отмечали, что он пытался «развенчать Белинского» и отрицал театр как искусство.

В энциклопедиях послеоктябрьских это не просто отмечали, — деда гневно обличали и за это, и за отрицание таланта у Валерия Брюсова, а также — о святотатство! — у самого Максима Горького.

Впрочем, за «отрицание Белинского» Юлия Айхенвальда брали на заметку еще жандармы. В 1916 году в картотеке Департамента полиции было получено сообщение агента № 42 по имени «Зоя» (дело о студенческом движении и участии в нем эсеров), что Айхенвальд в «Силуэтах русских писателей» «принизил личность Белинского». Жандармы зафиксировали Зоино донесение, поскольку они, как и их гимназические или корпусные учителя словесности, уважали Белинского. При царском режиме последствий это для деда не имело. Последствия в виде обязательного официального осуждения начались лишь после Октября.

Между тем Юлий Айхенвальд вовсе не «отрицал» Белинского. Просто в то время, когда все говорили о нем: «Великий», — Айхенвальд заявил: «Нет, просто выдающийся!»

В книге «Спор о Белинском» он настаивал, что при всех несомненных заслугах Белинского перед русской литературой, вообще русской книгой, к которой благодаря Белинскому стали относиться с уважительной серьезностью, — этому критику свойственны были и грубые просчеты вкуса (недооценка повестей Достоевского, например).

Точно так же не отрицал Юлий Айхенвальд и таланта у Брюсова. Наоборот: он писал, что стихи Брюсова — плод преодоленной бездарности, т. е. что сами по себе его стихи отнюдь не бездарны, просто источник брюсовского таланта не дар Божий, а труд.

Максима Горького Юлий Айхенвальд действительно не любил за претенциозную склонность к учительству и искусственность стиля.

В сущности, его «отрицания» были интеллектуальным эпатажем, своего рода «дразнилками» для широкой публики, которую тишайшему (в жизни) Юлию Исаевичу приятно было поморочить и позлить. Кто-то из американских философов назвал такой способ начинать дискуссии «интеллектуальной провокацией».

Наиболее яркий пример «интеллектуальной провокации» со стороны Юлия Айхенвальда — это его пресловутое «отрицание театра».

Побывав в молодости автором театральных рецензий, он позднее пришел к выводу, что театр человеческого воображения, когда при свете зеленой лампы человек оказывается наедине с книгой и собственной судьбой, несомненно богаче и тоньше того, что могут предложить актеры на сцене.

Кантовский принцип: человек не может быть средством, — дед применил и к театру: человек не может быть средством для передачи индивидуальности другого человека. От этого он, передающий, под влиянием множества чужих личностей, в которые перевоплощается, теряет себя. Ущербность собственной личности оказывается в результате профессиональной болезнью актера. Все эти утверждения сделали Юлия Айхенвальда фигурой, незаменимой для критики со стороны театральных деятелей, что, впрочем, не мешало его дружбе с Николаем Волковым, театроведом, исследователем творчества Мейерхольда, и Василием Сахновским, режиссером Московского Художественного театра.

В 1922 году Юлий Айхенвальд в одном из институтов Российской академии художественных наук прочел доклад «Самоупразднение критики», покусившись уже и на свое собственное эстетическое существование. Но завершить этого покушения он не успел: помешало оперативное вмешательство чекистов.

В годы революции и гражданской войны дед сделался еще и политическим писателем. Причем в своих литературно-критических текстах и философских эссе он стал прибегать к «эзопову языку», в чем прежде не нуждался. Прежде к языку крамольных намеков и иносказаний прибегали писатели революционного духа. Теперь революционеры победили — и «эзопов язык» пришлось унаследовать тем, кто боролся за свободу не «революционную», а просто свободу, без эпитетов.

В 1922 году вышла книга Юлия Айхенвальда «Поэты и поэтессы», где, в частности, содержалось эссе о Николае Гумилеве. В эссе говорилось о духовном аристократизме поэта и подчеркивалось неожиданное и роковое значение в его жизни стихотворения «Рабочий»; в нем Гумилев пророчил себе смерть от пули, которую отлил для него ничего о нем не знавший пролетарий, «в серой блузе невысокий старый человек». В стихотворении не имелся в виду именно русский рабочий, но сами исторические обстоятельства истолковали стихи: убила поэта Пролетарская диктатура, так что орудие убийства наверняка изготовил какой-нибудь содиктатор — пролетарий.

«Первый донос» на книгу принадлежал, по словам Владислава Ходасевича, Сергею Боброву, литератору из брюсовского окружения. В журнале «Печать и революция» Бобров написал, что Айхенвальда в Гумилеве привлекает аристократизм и монархизм. Дед считал, что и лично Брюсов приложил руку к его изгнанию: «Самая высылка моя — я это знаю из источника безукоризненного — произошла при его содействии». Ходасевич так откомментировал эти строки дедовского письма: «Осторожность и правдивость Айхенвальда всегда безусловны... Одно лишь могу сказать: действительно источник безукоризненный и стоивший бедному Айхенвальду многих страданий»[1].

Речь тут идет о моем отце. От него в нашей семье знали, что под псевдонимом «О», которым была подписана статья «Диктатура, где твой хлыст?», скрывался именно Троцкий.

Эта статья, напечатанная в «Правде» 2 июня 1922 года, была целиком посвящена критике политических и эстетических взглядов моего деда. Он был назван в статье «подколодным эстетом» за то, что восхищался духовным аристократизмом Гумилева, его верностью «белым лилиям», весьма скептически отзывался о революционной поэме Блока «Двенадцать» и порицал за безвкусие Валерия Брюсова, неудачно воплощавшего свой большевизм в стихах. Кончалась статья призывом к Диктатуре взять в руки хлыст и «заставить Айхенвальда убраться за черту, в тот лагерь содержанства, к которому они принадлежат по праву, — со всей своей эстетикой и со своей религией».

Занятно, что «О» говорил об Айхенвальде во множественном числе «они», словно это лакей говорит о своем барине. Но не то важно, что хамодержавный стиль сыграл с Троцким злую шутку; любопытна преемственность: Жданову с его докладом о Зощенко и Ахматовой было у кого поучиться этому стилю.

В том же номере «Правды» было опубликовано сообщение о предстоящем суде над партией социалистов-революционеров, которое с не меньшим интересом, чем статью о своем дядюшке Юлии Айхенвальде, прочел в Праге Марк Слоним, видный деятель этой партии, самый молодой по возрасту депутат разогнанного большевиками Учредительного собрания, а в 1922 году — один из редакторов эсеровского еженедельника «Воля России». Впоследствии Марк Львович Слоним стал крупным общественным и культурным деятелем русского зарубежья, автором статей и книг о русской литературе.

Статья Троцкого послужила сигналом для ареста, а затем высылки из страны большой группы оппозиционной большевикам интеллигенции. На одном пароходе с дедом осенью 1922 года плыли в Германию Бердяев, Франк, Осоргин...

Товарищи по партии просили всесильного Троцкого, чтобы он оставил деда в России.

Троцкий отвечал: «Кого угодно, только не Айхенвальда».

В то время мой будущий отец Александр Айхенвальд уже был членом коммунистической партии. Ему было 18 лет. Он оканчивал Университет имени Свердлова и был тогда поклонником Троцкого.

До большевистского переворота в здании Университета имени Свердлова помещался Народный университет имени Шанявского. В тех же аудиториях, где читал лекции дед, мой отец сперва лекции слушал, а потом читал их сам. Мы шли как бы след в след друг за другом. В разное время мы все трое побывали во внутренней тюрьме на Малой Лубянке. Были и другие совпадения. Например, в 1967 году я напечатал в «Новом мире» короткую заметку об очень понравившейся мне книге «Мальчик» — автобиографической повести о Москве начала века, о тогдашних литературных кружках, о Валерии Брюсове...

Ее автором был Сергей Бобров.

В годы изгнания Юлий Айхенвальд преподавал в берлинском Русском институте (он был одним из его основателей) и сотрудничал в либеральной газете «Руль». На страницах «Руля» ему пришлось давать справку, что никаких денег на выезд при высылке он от Советского правительства не получал — вопреки утверждениям редактора просоветской «сменовеховской» газеты «Накануне» Бориса Дюшена, во время гражданской войны служившего в чине капитана начальником службы связи в штабе Юденича. К тесному сотрудничеству с большевиками Дюшена склонил в двадцатые годы внимательный наблюдатель берлинской эмигрантской жизни чекист Михаил Горб, мой будущий тесть, работавший тогда вторым секретарем советского посольства под фамилией «Червяков». Впоследствии, в конце сороковых годов, Борис Дюшен, лауреат Сталинской премии и подполковник государственной безопасности, многое рассказал моей будущей жене, тогда девочке-десятикласснице, дочери уже расстрелянного к этому времени врага народа, о преступлениях Сталина и его подлой террористической диктатуре. Борис Вячеславович Дюшен, конструировавший подслушивающие устройства, мог, подобно Дмитрию Карамазову, сказать о себе: «Подлец, но не вор!». Ибо в коммунистическую партию он не хотел вступать и не вступил, о чем не знал, разумеется, коммунист по убеждениям, заключенный Лев Копелев, работавший, как и заключенный Александр Солженицын, с подполковником Дюшеном в одной шарашке.

Удивительны психологические операции, которые российская история производила и производит над людьми! Самое причудливое воображение не создаст психологических ситуаций, которые в изобилии преподносит нам наша историческая жизнь. Зато именно русская историческая жизнь создает само это причудливое, а часто и больное, воображение...

В начале 1928 года отец приехал в Берлин в партийную командировку. Он подарил деду свою книгу «Советская экономика» с надписью: «Неисправимому отцу со слабой надеждой ознакомить «Руль» с настоящей русской действительностью».

С 1928 по 1929 год книга отца выдержала пять (!) изданий. Николай Бухарин написал к ней одобрительное предисловие. Даже запрещенная, книга еще долго оставалась единственным капитальным трудом по советской экономике. Ее цитировали — разумеется, не приводя источника.

В декабре 1929 года, в годовщину смерти деда, газета «Руль» опубликовала надпись отца, добавив от себя: «Уже выяснилось, что с русской действительностью незнаком был сам А. Ю. Айхенвальд. Сейчас он с ней ознакомится. Против него ведется травля за двурушничество, книга его признана вредной и изъята из обращения, и сам он стоит перед арестом и практическим ознакомлением с марксистскими методами ОГПУ».

Эту заметку перепечатала «Правда» и снабдила своим примечанием: «Перед нами очень интересная и весьма характерная выдержка, которая должна помочь все еще колеблющимся членам партии понять классовую сущность правого уклона».

Отец реагировал на такого рода невнятные тексты чрезвычайно нервно. Всю партию облетела его фраза, сказанная на собрании вместо покаянной речи: «Лучше быть правым уклонистом, чем безнадежным идиотом».

Однако «безнадежным идиотом» ему, как и его друзьям-единомышленникам, пришлось-таки притвориться: все они покаялись. Но превратиться в сталинистов было выше их сил. Их дружеские встречи происходили и у нас дома. Когда моя мать, недовольная тем, как это отец, покаявшись, осуждает генеральную линию партии, упрекнула его в двурушничестве, он ответил: «Коллективизация — это авантюра. Прыжок через пропасть. Но так решила партия. Партия — единственная сейчас реальная историческая сила. Поэтому я вместе с партией. Но, Женя, не отнимай у меня и моих друзей права трезво оценивать положение».

Это ощущение партийной соборности — подобно соборности церковной — было в высшей степени свойственно тогдашним коммунистам, особенно молодым. В отличие от умудренных опытом руководителей многие из них не понимали еще всего значения макиавеллизма в партийном строительстве. Их простодушная, несокрушимая вера во всемогущество партии была сродни мироощущению героя романа Оруэлла «1984», который тоже был уверен, что, несмотря на сложные отношения в партийных верхах, сама партия — великое целое, своего рода мистическое тело, источник чудес.

Однако моя мать Евгения Ситникова, дочь рабочего, законопослушная коммунистка «ленинского призыва», была верна идеалам своей партии не до такой степени, чтобы сообщить куда следует о своем старшем брате, левом эсере, участнике V съезда Советов, арестованном прямо на съезде вместе с делегацией своей партии и бежавшем из-под стражи; с лета 1918 года он жил в Москве под чужим именем.

Недовольство политическим двурушничеством мужа не мешало моей матери (как и ее сестре Полине, тоже члену партии) встречаться с братом, который их большевизма отнюдь не жаловал и ничуть этого не скрывал. Этот мой дядюшка, во многих отношениях человек замечательный, умер в начале семидесятых годов. Он не старался жить ото всего в стороне, спрятаться на какой-нибудь незаметной должности. До войны он работал секретарем редакции газеты «Труд», несколько лет после войны — литературным сотрудником в редакции «Комсомольской правды».

Берлинская газета «Руль», пророчившая отцу в 1929 году скорое «ознакомление с марксистскими методами ОГПУ», немного поторопилась. Еще три с небольшим года отец и его друзья пробыли на свободе. Но в 1933 году его в числе других членов «бухаринской школки» все-таки арестовали. Следователем отца был старший майор Молчанов, начальник Секретно-политического отдела ОГПУ, а помощником Молчанова был старший майор Михаил Горб. Прежде, в Берлине, мой дед находился под его наблюдением. Теперь объектом его «забот» сделался и мой отец.

Я не сомневаюсь, что старший майор Горб не позволил бы себе столь бездарной игры воображения: предположить, что его единственная дочь встретится в карагандинской ссылке с другим ссыльным — сыном одного из его с Молчановым подследственных, что молодые люди полюбят друг друга и брак их — как я, во всяком случае, полагаю — окажется «заключенным на небесах». Что касается моей жены Валерии, то вот уже сорок с лишним лет, как она — может быть, из чистой вежливости — не возражает, когда я утверждаю это. Кстати, там же, в Карагандинской области на Балхаше, оказалась в ссылке внучка Троцкого Саша Моглина, ставшая нашей с женой близкой подругой.

История наших с женой «отцов» и «дедов» — это история российского лихолетья. Необычайные совпадения, загадочные психологические переломы, исторические сюжеты, ставшие семейными тайнами, — все это важные смысловые линии, волокна житейских событий и связей, которые, собственно, и составляют еще не превращенную в ученые абстракции плоть российской истории. «Семейность» (и даже «семейственность») — характерная особенность ее нервных клеток, особенно наглядная в «минуты роковые».

Подавляющего большинства наших с женой «отцов» и «дедов» я не видел: они умерли — чаще всего были убиты — или эмигрировали раньше, чем я успел познакомиться с ними. Но многие из этих людей оставили тексты — письма, статьи, книги; некоторые стали персонажами чужих воспоминаний. Я жил сразу же вслед за ними. Для меня их следы еще не остыли. Я слышал отголоски их споров, еще застал исчезающую атмосферу их быта. Мы с женой дружили с их друзьями, приходили в квартиры, где бывали те, кого мы едва успели застать или не застали вовсе.

Их отсутствие в моей жизни — особенно в детстве — было болезненной реальностью. Но зато я давно уже окружил себя их образами. Воспоминания — это тоже общение. И я часто ощущаю этот вид общения как диалог, потому что, хотя обратной связи нет, «мы» и «они», пусть в разное время, реагировали на одни и те же события, которые и стали как бы посредниками между нами...

* * *

В 1922 году дед увез в изгнание незаконченный черновик своей книги «Диктатура пролетариата», посвященной событиям первого года большевистского правления. Она должна была стать продолжением книги «Наша революция. Ее вожди и ведомые», которая успела выйти в 1918 году в издательстве «Революция и культура». Однако издательство это большевики закрыли. Ужесточившиеся цензурные условия сделали выход в свет новой книги совершенно невозможным. Тем не менее четыре года спустя Юлий Айхенвальд увез с собой в изгнание ее черновой текст, составленный в значительной мере из газетных статей, считая, видимо, что злободневные газетные строки отнюдь не потеряли актуальности.

Возвращение рукописи «Диктатуры пролетариата» на родину было долгим и драматическим. После смерти деда его архив хранился в Русском Пражском архиве, который в 1945 году советские освободители вывезли в Москву, где он, неразобранный, попал в ЦГАОР (Центральный государственный архив Октябрьской революции). Срок запрета и забвения кончился в шестидесятых. Из ЦГАОРа архив деда попал в ЦГАЛИ (Центральный государственный архив литературы и искусства), как из-под ареста в ссылку на сомнительную полусвободу: лишь половина дедовского архива стала доступна, другая же по-прежнему оставалась засекреченной.

Только в 1989 году, семьдесят один год спустя после того, как «Диктатура пролетариата» была вчерне написана, рукопись наконец рассекретили (РГАЛИ, фонд 1175, опись 2, единица хранения 15).

Русская история идет медленно, с повторами, словно по принципу «семь раз примерь — один отрежь», хотя режут после этих «примерок» все равно опрометчиво и, как правило, по живому. Поэтому «дедовские» тексты неожиданно, но при этом самым естественным образом, соприкоснулись с нашим временем: они оказались не только реакцией на события семидесятилетней давности, но и интерпретацией происходящего в наши дни. С чем-то я согласен, с чем-то не могу согласиться. Но возможен диалог: свидетельство связи времен.

Эта связь не могла бы выявиться только через монолог, через простую публикацию дедовского текста, даже если бы рукопись «Диктатуры пролетариата» и была закончена автором. Но у рукописи нет конца, множество газетных вырезок варьируют одни и те же мотивы. Поэтому я выделил несколько основных тем, а предисловию или послесловию предпочел реплики комментатора.

2. Остров или материк?

Так называлась глава жюль-верновского «Таинственного острова», одной из главных книг нашего — я имею в виду себя и своих ровесников — детства, прошедшего между двумя мировыми войнами в годы сталинского Большого террора.

— Остров или материк? — спрашивали себя герои Жюля Верна в надежде, что это — материк.

Оказалось — остров.

Но мы-то были уверены, что наша страна — материк от края и до края и от моря и до моря...

Между тем неподалеку от монастырского Новодевичьего кладбища, на две трети снесенного в тридцатые годы, и величавого монастыря, ставшего филиалом Исторического музея, в Государственном архивохранилище Октябрьской революции в пыльных картонных коробках покоился засекреченный дедовский текст о том, что Россия — остров:

«Недавно огромный материк, Россия превратилась в маленький остров. Да, моральный остров, потому что среди других народов пребывает она ныне если н не в блистательной, то в несомненной изолированности.

Она — сама по себе. Нет у нее союзников, нет у нее добрых соседей, нет у нее даже уважающих врагов. Поясом презрення, как некоей стихией, окружены ее останки. Пусть со временем и откроются физические границы, — все равно, некуда будет ехать, потому что нигде мы не встретнм внутреннего гостеприимства. Ни те, кому Россия изменила, ни те, с кем она помирилась, ни те, кто держал нейтралитет, — никто не будет приветлнв к ее сыновьям. С некоторой заминкой и запинкой, смущаясь, будем мы отныне в чужих краях отвечать на вопрос о нашей национальности... Это сознанне лишней тяжестью гнетет и без того обремененную душу русского островитянина».

— За кого себя выдать? — шестьдесят лет спустя после того, как были написаны эти строки, спросил меня один московский режиссер, отправлявшийся туристом в Париж. Сказаться русским он боялся: возможны провокации. Вопросы про Чехословакию. Про Солженицына. А тут еще Сахаров и Афганистан...

Решили, что будет он болгарином. К покоренному народу претензий нет, а язык похож.

«Больно думать о той мистико-геологической метаморфозе, которая превратила Россию в остров.

Но в морях человечества не затериваются и острова. Они тоже не сироты мироздания. И от нnх, и к ним тоже идут разнообразные связи. Никто и ннчто не может довлеть себе. Вот почему и для Россин немыслимо свой остальной государственный век влачить в том уединении, в той одиночной камере историн, которая досталась ей на ее горемычную долю сейчас.

Какнм образом это восстановление нарушенных общений и сочетаний совершится полнтически — не будем гадать. Однако какие бы комбинации государств ни явила будущая Европа, во всяком случае ясны те обязанности, которые вменяет новая Россия каждому нз русских. Необходимо оправдать Россию, необходимо Россню возродить, ее грехи искупить. Получилось неожиданное сходство с так называемым «еврейским вопросом»: всякнй еврей частно решает его для себя, т. е. он, сознательно или бессознательно, стремится с о б о ю опровергнуть ложь огульного юдофобства, на своем л и ч н о м прнмере обнаружить и доказать его необоснованность. Всякий семнт должен быть живым доводом против антисемитизма. Не то же ли предстоит в наше время всякому русскому, не тот же ли способ борьбы с возрастающим русофобством? Недаром Леонид Андреев по другому поводу назвал русских «евреями Европы», ее пасынками.

Очень тяжело, но и очень почетно, когда, кроме индивидуальной нравственной задачи, история возлагает на человека, на единичную особь, еще н задачу национальную. Не только за себя, но и за свой народ, за свое виноватое и наказанное государство, за Россию-калеку должен отныне больше, чем когда-либо, каждый русский высоко держать знамя чести. Он вдвойне обязан блюсти свое моральное достоинство. Собою пусть русский оправдает Россию. Этим он идейно обезоружит ее врагов.

Можно и должно отрицать политический максимализм; но как не признать величия в том духовном максималисте, ибсеновском Бранде, который не принял наследства матери, зато взял на себя ее грехи, её вину перед Богом?

Долг чести каждого из нас — наследство Россни, нашей матери, принять.

Ибо это наследство — долги; ибо это наследство — грехи. Как отдельные людн мы в известном смысле были бы спокойнее и богаче и без такого наследства; но именно поэтому нам нельзя от него отказываться. И если мы выплатнм долги матери, то этим мы воскресим ее. И тогда без краски в лнце можно будет русскому отважиться за границу России; и тогда Россня перестанет быть отрешенным островом человечества и воссоединится с ним в одну идеальную территорию».

До тех пор, пока русофобия и антисемитизм существуют, попытка «оправдать собой» каждую из этих наций — сизифов труд. Чуть только человеку покажется, будто он на вершине успеха, как друг-китаец его похвалит:

— Ты, Иван Денисович, хоть и русский человек, а не лентяй, как они все. Работать умеешь. — И камень снова покатится с этой вершины на целый народ.

Что же касается кровавых долгов, наследства большевистской России, то об этом естественнее говорить нам, вольным или невольным «винтикам» того механизма «народного самоугнетения» (термин принадлежит Льву Толстому), который, действуя и в империи Романовых, при большевиках сделался уже просто механизмом самоуничтожения.

Но не один победивший большевизм сделал наше отечество островом.

В 1918 году Юлий Айхенвальд писал, что мы стали островитянами из-за распада Российской Империи, которую он называл — вполне «по-дедовски» — «Россией».

«Урок в том, что Россия распалась на части, и так быстро и неумолнмо ее, недавно целую, ее, казалось, монолит, разбил беспощадный молот рока. Государство должно привязывать к себе составляющие его части ненасильственной связью. Во имя ложно понятого прннципа еднной государственности нельзя подавлять самобытные и самоцветные черты отдельных народов. К несчастью, мертвящий дух Аракчеева не выдохся в России с ее бесцветностью, с однородной окраской ее прнсутственных мест. Она не всем своим народам позволяла печатать даже молитвеннnки на родном языке н нацнональным шрифтом. В результате русификаций славянская Польша склонилась к исконному врагу славянства, Малороссия, «наследие Богдана», приняла «австрийскую ориентацию». Пушкинское «От нас отторгнется ль Литва?» — оказалось ошнбкой.

Одно из лучшнх средств к тому, чтобы народы определилнсь в духе внутренней централизации — позволить им самоопределиться. А мы прекращали малороссийские спектакли — и проглядели Малороссию; и сами нз России превратились в Великороссню. (Т. е. Россию Юлий Айхенвальд отождествлял не с русским этносом, а с российской державой. — *Ю. А.*) Теперь все покинули нас, мы остались однн, и сами превратились в окраину, в Украину.

Но в этом виноваты не одни мы.

Ведь не отрицал же нас, а примкнул душою к нам Гоголь; ведь не по-малорусскн писал он свои великие страницы. Это Винниченке нужно малорусское, Гоголю же достаточно и русского. Это Винниченке тесно там, где Гоголю было вполне просторно. (Между тем несколькимн годами ранее Юлий Айхенвальд упрекал В. Г. Белинского, что тот «вышучивал малорусскую литературу». — *Ю. А.*)<...>

Это все так, но мы тем не менее не создалн культуры, которая была бы безусловным магнитом для нашнх соседей и для национальных групп нашего государства.

Девиз «Пусть ненавидят, лншь бы боялись», кроме своей нравственной негодности, несостоятелен и политическн».

И еще одна выдержка из дедовского текста дотянулась до наших времен:

«В Выборге Финляндия без разбора убнвает русских, — и правых, н виноватых, скорее, правых: они остались в надежде, что правда — их щит. А виноватые убежалн.

Когда-то в Выборге создавалось Выборгское воззвание[2]. Теперь Финляндня пошла протнв той России, которая ее освободила. Финляндия отождествляет русских с большевикамн. В ее жнзни — это синонимы. Если русский — значит красный».

1 мая 1991 года в числе других и мы с женой несли через Красную площадь национальные флаги балтийских республик.

— За нашу и вашу свободу!

Теперь для сотен тысяч «пришлых», однако родившихся и десятилетия живущих в этих странах, для сотен тысяч голосовавших за независимость своих, как они думали, государств, свобода латышей и эстонцев оборачивается ограничением прав — неволей.

Я не утверждаю сейчас, что мы тогда ошибались. Людей нельзя лишать права на политическую свободу, даже если их представления о правах человека ниже цивилизованного уровня, как это оказалось в балтийских государствах, принявших дискриминационный закон о гражданстве.

Но раз уж так случилось, то и мы должны согласиться с дедовской правдой:

«Неправилен девиз: Россия для русских, но зато правильно, что Россия — за русскнх и русские за Россню. Есть эта круговая порука...

Над Россией совершается страшный суд.

Жутко современникам, которых он застиг, — но можно ли отрнцать его заслуженность и неумолимую понятность?»

Согласимся: «есть эта круговая порука». Так же, как немцы отвечали за нацизм, русские, белорусы, украинцы отвечают за коммунизм в своих республиках. Но не только в своих: значительная часть русскоязычного населения наших неславянских стран была цементирующим элементом Советского Союза, хотя, конечно, не одной этой связью держалась его железобетонная государственность. В неславянских республиках всех славян называют «русскими». Эти «они» — тоже «мы». И «мы» обязаны защищать «их» права на инонациональных островах СНГ.

Разумеется, общим принципом должна оставаться защита прав человека независимо от национальности. Но если за россиян — не Россия, то кто же еще за них?

Между тем в процессе распада того, что «Россией» называл Юлий Айхенвальд, а мы потом именовали «Советским Союзом», на первый план выступили вдруг неожиданные, но важные, коренные свойства дедовского патриотизма:

«Самая страшная особенность нашего горя-злочастья в том, что мы сами себе помочь не умеем, а своекорыстной помощи извне принять не можем.

То, что мы сами бессильны, что одной самодеятельности мало, — свидетельствуют теперешние властители, которые ждут не дождутся подмоги — пришествня международного пролетариата и с тоскою глядят на дорогу, не покажется ли там колесница мнровой революции. Но и люди, отвергающие эту фантастическую платформу, ждут чужого содействия н вмешательства. Два противоположные стана одинаково свои разные надежды возлагают на стан третнй...

Невыносима для самолюбия временная услуга врага или хотя бы чужака. Даже те, кто хотел бы отпора бессовестным экспериментаторам нашей прикладной социологнн, — даже и они не могут приветствовать якорь спасения, бросаемый с вражеского корабля».

В других текстах книги «Диктатура пролетариата» Юлий Айхенвальд, напротив, пишет о безусловной желательности и естественности посторонней помощи. Совсем недавно Россия стала островом, но Юлий Айхенвальд уже обладает противоречивым комплексом прирожденного островитянина: он и надеется на жителей континента, и боится их помощи. Он четко обособляет российскую державу среди остального мира. Понятия «мы» и «иноземцы», едва он попадает в русло традиционалистского патриотизма, становят-

ся для него основоположными, предопределяющими отношение к людям.

«Мы всегда были недовольны своим отечеством (даже в ту пору, когда оно еще не было социалистическим), но еще больше досадовали мы, когда нашей страной были недовольны иностранцы. Показательны признания величайшего из нас — Пушкина. Вы помните отрывки из его писем: «Черт догадал меня родиться в России с умом и талантом*»; «Я и за всю Русь столько не дам» (по поводу дорогой цены 75 рублей, которая была назначена за собрание русских стихотворений); «Давно девиз всякого русского есть: чем хуже, тем лучше». Но у Пушкина же читаем мы замечательное выражение сплетенной любви и ненависти — патриотическое odi et amo: «Я, конечно, презираю отечество мое с головы до ног — но мне досадно, если иностранец разделяет со мною это чувство».

Кто не разделит с Пушкиным его досады? Кому чуждо будет настроение великого поэта? Роскошь презирать свое отечество позволительна только для патриота. И дальше родных рубежей я своего отрицания России вести не хочу. Когда один из именитых лидеров Думской оппозиции жаловаться на Россию уехал в Америку, то это было с его стороны не только политической ошибкой и бестактностью, но и заблуждением нравственного чувства. И заслуженной демонстрацией протеста встретила Дума этого путешественника. Нельзя от родины апеллировать к чужбине».

Патриотизм закрытости, потенциально — шовинистический патриотизм, — это и есть патриотизм «островной». Уже когда Россия давным-давно и, казалось, окончательно обособилась в остров, в 1968 году, примерно то же самое, хотя и не столь изящно, говорил на большом учительском собрании заведующий районным отделом народного образования, выгоняя мою жену Валерию Герлин с учительской работы за то, что она подписала письмо против нарушений законности в этой стране и в защиту диссидентов — Гинзбурга, Галанскова, Добровольского, Лашковой.

— У кого из нас не бывает обиды на советскую власть? У всех бывает. Кому квартиры не дали, кому премию не выплатили. У всех что-нибудь да есть. Да ведь мы что делаем? Ну, придем домой, ну, поговорим у себя на кухне, но ведь и все. Дальше кухни и не пойдем со своей обидой. А она — писать! Передавать!

(Одно из обвинений «подписантам» состояло в том, что они обратились к мировому общественному мнению и передали коллективное письмо на Запад.)

Те же «дедовские» идеи озвучивали гебешные следователи, наследники тех чекистов, что выслали Юлия Айхенвальда за рубеж.

— Как вам не стыдно обращаться к врагам? Передавать за границу свои произведения? Клеветать нашим врагам на нашу родину?

Да, деятельность свободных — и потому подпольных — художников и писателей противостояла патриотизму поклонников российской державности, но зато духовно восстанавливала ту Россию, которая не была ни «островом», ни тем более «империей зла».

Все это, казалось бы, очевидные вещи, и дедовский комплекс внутренне противоречивого — ибо все-таки интеллигентного! — державного патриотизма был бы неинтересен, если бы его действительно изжили все те, для кого на словах рассуждения Юлия Айхенвальда — позавчерашний день. Но если дедовский патриотизм и есть «дедовский», то почему передовые демократы России не объединились, чтобы потребовать реабилитации советских солдат, добровольно сдавшихся в плен афганским партизанам? Реабилитации, а не амнистии! Сейчас афганскую войну называют авантюрой, Верховный Совет СССР собирался даже искать ее виновников. Стало быть, имел право советский солдат в знак протеста против «авантюры» сдаться в плен моджахедам и даже перейти на их сторону? Или он не имел права раньше времени понять то, что знают теперь все? Или солдат должен вести себя как биоробот?

В октябре 1991 года Верховный Совет РСФСР принял Закон о реабилитации жертв политических репрессий. Там говорится, что не подлежат реабилитации участники «бандформирований». «Бандформированиями» скорострельная советская юстиция именовала отряды украинского и балтийского Сопротивления, партизанские группы кавказских народностей, не подчинившихся сталинской депортации, а также исламское сопротивление в Средней Азии — басмачей. Похоже, что Верховный Совет Российской (демократической?) Республики продолжает считать антикоммунистический Резистанс преступлением.

Все это и есть реализация дедовского комплекса в новом варианте: «наши» всегда правы. Не желать победы российского (или советского) оружия, против кого бы оно ни поднималось, — это непатриотично, это если и не уголовно наказуемое преступление, то уж во всяком случае крайняя непорядочность.

Несомненно: всякое пораженчество таит в себе зерно междоусобия, делает воина врагом «пораженца» и вносит раскол в общество.

Все это так.

Но в конце сороковых годов я встречал среди зеков и «бендеровцев», и «лесных братьев», и солдат Армии Крайовой. И всем сердцем я был с ними, а не с советскими солдатами, которые охраняли нас в тюрьмах, или маршировали на парадах, или в Восточной Европе вытаптывали ростки свободы, сменив нацистов в качестве победителей.

Я постепенно узнавал, что партизаны Западной Украины и Польши враждовали между собой, что в отряды Армии Крайовой не брали евреев, что «бендеровцы» могли прикончить меня только за то, что я — русский, приехавший в их «партизанский край» из Москвы, — прикончить, вовсе даже не задаваясь вопросом, что я за человек и зачем приехал.

Но я и теперь уверен, что, подобно партизанам второй мировой войны или афганским моджахедам, и «бендеровцы», и солдаты Армии Крайовой, и «лесные братья» имели право (если только может существовать нравственное право на грех убийства) бороться с оккупантами, которыми, к сожалению, оказались мои соотечественники. Мне жаль моих соотечественников, ставших агрессивными «винтиками» дьявольского механизма самопринуждения. Но они в этом качестве уничтожали и загоняли в ссылки народности России, а также украинцев, поляков, литовцев, латышей, эстонцев, венгров, чехов, жителей Афганистана, — в разные времена, однако всегда и всех, кто не хотел над собой власти партийных хамократов. Желать победы этим людям, выступавшим якобы от моего имени, а на самом деле к моему стыду, — было выше моих сил. Это была армия, мне чужая.

«Своей» Советская Армия была для меня во время второй мировой войны, когда я на военном заводе собирал радиолокаторы для наших бомбардировщиков. Ребят моего года рождения — 1928-го — в армию не брали. Я с завистью и почтением смотрел на людей — сперва в петлицах, потом в погонах, — которые воевали с фашистами. Мне было обидно, что я им всего-навсего помогаю в тылу.

Потом много лет армия была для меня советским вермахтом, который, слава Богу, объединенные силы Европы и Америки не пускают пока в Париж.

Патриотизм традиционный, часто шовинистический, всегда «островной» — антипод патриотизма, так сказать, космополитического, то есть укорененного не в одном о б о с о б л я ю щ е м, э т н и ч е с к о м, н о и в о б ъ е д и н я ю щ е м, э т и ч е с к о м.

Но традиционалистский патриотизм русских либералов, в частности Юлия Айхенвальда, был далек от почти механически воспроизводящегося патриотизма того человека «в рядах», который «каплей льется с массами». Одна из его статей 1918 года начинается трагически: «Я, русский, пережил Россию; я, часть, остался, когда целое погибло». Именно потому, что любовь Юлия Айхенвальда к отечеству была для него прежде всего глубоко личным переживанием, это чувство в нем поднималось до истинного пафоса:

«Конечно, всякому дорого личное существование, — та м о я, единственная жизнь, которая мне интересна и люба даже независимо от судеб моей родины; конечно, будем откровенны и признаем, что я ценен и важен сам по себе, просто как человек, что я имею право на самого себя, хотя бы и вне своего народа и вне своего государства, что пусть не будет России — все-таки буду Я; и никто не обязан рассматривать свою личность только в плане исторического бытия.

Но на поверку выходит, что и для моей личной жизни не безразлична участь моего государства...

Изменится Россия — изменюсь и я. У меня с нею — общие пути, сплетающиеся интересы. Не безнаказанно и не бесследно для моей души, для моей интимной особи пройдет смерч русских событий и их конечный исход. Исторический переворот с Россией будет психологическим переворотом для меня. Что с Россией — то и с русскими...

Мой патриотизм — в моих интересах. Да, я лично, кровно, эгоистически заинтересован в том, чтобы я не пережил России. Иначе я осиротею, и может захиреть моя душа. На ней сиял отблеск русского величия, и она потускнеет, если невозвратно зайдет солнце моей великой страны. Да здравствует же это солнце, ее и мое, наш единый светоч, да скроется наша общая тьма!»

Для Юлия Айхенвальда над этим двуединством «Я» — «Россия» существовало еще и нечто высшее: «солнце, ее и мое», «наш единый светоч». Что значила эта реминисценция из «Вакхической песни» Пушкина? У Пушкина метафора «солнце», скорее всего, выражала единение Муз и Разума, некую Божественную силу.

Я думаю, что любой патриот — и либерал, и консерватор — подпишется под этими строками. Но это будет означать, что есть такая высота и напряженность патриотического чувства, где оно оказывается над патриотическими междоусобиями. А значит, здесь возможен цивилизованный плюрализм. В 1918 году идею о множественности равно патриотичных концепций Юлий Айхенвальд в своих размышлениях еще не уточнил. Лишь в изгнании он разомкнул круг, психологически соединявший его с теми, чью теорию и практику он презирал и ненавидел.

Года не прошло после его высылки, как в Берлине в непримиримо антибольшевистской газете «Руль»[3] появились строки Б. Каменецкого (в первые годы эмиграции дед печатался под псевдонимом, боясь за участь близких, оставшихся в Москве):

«Проблема Кориолана перед многими возникала и потом — пусть измельченная и искаженная, — но в существе своем все та же. В диалектическом, в ироническом процессе жизни патриотизм переходил в предательство, любовь к Родине в борьбу с Родиной.

Разве можно было отрицать любовь к России у тех русских интеллигентов, которые во время Русско-японской войны хотели, чтобы победила не Россия? Именно тогда введено было в русский словарь нерусское слово «пораженец», и на эту кличку отзывались иные, совсем не опуская головы, совсем не ощущая стыда. И даже циркулировала легенда, что русские студенты послали японскому Микадо приветственную телеграмму, на которую он-де ответил выражением благодарности и удовольствия, что у него подобных студентов нет. И разве участники Циммервальда и Кинталя не обиделись бы, если б их назвали изменниками? С другой стороны, если, выражаясь умеренно, не все русские люди сочувствуют вождям Красной Армии, то следует ли отсюда, что эти русские люди — предатели России?»

Для Юлия Айхенвальда «отступничество Кориолана было только заступничеством за Рим внутренний», идеальный, который этот полководец, перешедший на вражескую сторону, носил в душе своей.

Так недавний фанатик российской державности признал возможность взаимоисключающих, но равно патриотичных концепций. (Интересно, заглядывал ли он в черновики своей «Диктатуры пролетариата»?) Такое признание могло бы стать существенной преградой гражданской войне как проявлению любви воюющих сторон к отечеству. Ведь у того, кто пришел к подобному пониманию, всегда есть место для уважения к несогласным, которое уже по определению не окажется полем боя: скорее, оно станет пространством для переговоров.

Хорошо бы нам сегодня понять это, не путаясь в противоречиях дедовского «островного» патриотизма, который Юлий Айхенвальд в конце концов преодолел.

* В издании Полного собрания сочинений А. С. Пушкина (в 12 томах. М., 1958) напечатано: «...с душою и с талантом».

ПРИМЕЧАНИЯ

1. В. Ходасевич. Парижский альбом. Желтый конверт//«Новый Журнал». Кн. 165. Нью-Йорк, 1986. С. 161—163.

2. С «Выборгским воззванием» в 1906 г. обратилась к народу большая группа депутатов только что разогнанной правительством I Государственной думы, которую называли тогда «Думой народной надежды». Депутаты призывали население к гражданскому неповиновению и к дальнейшей — но ненасильственной — борьбе за русскую свободу.

3. «Руль». 19/VIII 1923 г.

Представляем журнал «ВЕЧЕ»

Издающийся в Германии русский журнал «Вече» — одно из самых ярких явлений нашей эмигрантской периодики.

Впервые я взял его в руки в 1981 году. Его раздобыл где-то Андрей Кириллович Голицын, ныне предводитель Дворянского Собрания, и мы смотрели альманах вместе. Поразила очень красивая трехцветная обложка с поражающим змея Георгием Победоносцем и откровенная патриотическая направленность издания.

Просмотрев журнал от корки до корки, мы спросили себя: кто за ним стоит? ЦРУ — вряд ли, Моссад — также, Ватикан — тем более, Русская православная церковь бедна, нефтяным шейхам вообще наплевать на Россию. Кто же остается? Правильно, КГБ, — решили мы: деньги у него есть, а вбивать клин в русское рассеяние, заостряя философскую и политическую проблематику, ему выгодно, а если даже и не выгодно, то профессионально привычно. В общем, мы заподозрили в «Вече» тонкую провокацию наших спецслужб — настолько тонкую, что даже слегка восхитились.

Впоследствии оказалось: мы эти службы переоценили. Когда в 1989 году в Германии я лично познакомился с издателем и редактором журнала Олегом Красовским, коварный вопрос «Кто стоит за «Вече»?» получил неожиданно простой ответ: один Олег Антонович Красовский. Да, издание не окупается, тут мы с Голицыным были правы, но необходимую сумму возмещает сам издатель из собственного кармана.

Все началось с того, что в конце семидесятых посадили русского патриота Владимира Осипова, издававшего до этого рукописный журнал с таким же названием — «Вече». Этим приемом КГБ выбило из рук Осипова знамя, полагая, что теперь никто уже не будет будоражить строящих коммунизм советских людей. Но не тут-то было — знамя тут же подхватил Олег Красовский. Перенять эстафету он счел своим долгом. А о финансовой стороне позаботилась сама судьба.

Надо сказать, Красовский является журналистом самого высокого класса. В свое время его очень ценили на радио «Свобода», он руководил там разделом Юго-Восточной Азии, исколесил весь мир. И, разумеется, хорошо зарабатывал. Но вот пошел поток на Запад «третьей волны», людей надо было куда-то пристраивать, а среди них было много таких, которые ничего не умели делать, кроме того, чтобы писать о России и ее проблемах. Их приходилось брать на «Свободу». Когда контрольный пакет радиоредакции оказался в руках новоприбывших, они истолковали название радиостанции как свободу сколько угодно ругать Россию. Красовскому, как и другим «старикам», это не понравилось. Конфликт становился неизбежным. В конце концов Олега Антоновича «ушли на пенсию». Но, поспешив это сделать, радиостанция оплошала, нарушив некоторые федеральные немецкие законы. Юридическая безграмотность радиостанции обернулась выплатой Красовскому почти двухсот тысяч марок. Эти деньги Олег Антонович решил истратить на приобретение наборного компьютера. Он установил его на третьем этаже своего дома в деревушке Вайблинген, недалеко от Штутгарта. А дальше дело пошло так: сам подбираю материал, сам набираю текст, отвожу макет в типографию, через несколько дней привожу оттуда тираж и вместе с дочерью и зятем начинаю заклеивать конверты и писать адреса подписчиков... Иными словами, все удешевлено до предела, но, конечно, не до нуля, ибо типографии приходится платить, а немецкие печатники за низкую зарплату работать не привыкли.

Время бежит... Недавно Красовскому стукнуло семьдесят. И все чаще ему стали приходить мысли: как быть с «Вече» дальше? Сил не прибавляется, расходы не убывают. Но даже и не это главное, а то, что надо писать мемуары. Почему надо? Да потому, что больше некому. Мало кто так подробно знает историю наших перемещенных лиц, мало кто видел столько выдающихся деятелей двадцатого века и был с ними так близко знаком, так хорошо изучил Запад изнутри.

Итак, мемуары — новый долг. А старый долг — «Вече»? Это уже не так актуально, в России ведь теперь свобода печати...

В конце прошлого года Красовский объявляет, что ввиду финансового дефицита «Вече» прекращает свое существование. И что же дальше? Русская эмиграция решительно воспротивилась, со всех концов света пошли деньги на журнал, много денег — хватит на целый год. И ободренный этим, Олег Антонович продолжает нести трехцветное знамя.

ВИКТОР ТРОСТНИКОВ

МИХАИЛ НАЗАРОВ

НАКАНУНЕ 41-ГО: НАДЕЖДЫ И ИЛЛЮЗИИ...

Понять поведение русской эмиграции во Второй мировой войне, и тем более в советско-германской, можно, лишь рассмотрев довоенное время: 1930-е годы. Вернее, учтя происходившие в Европе политические сдвиги и повеявший новый дух, с чем были связаны важные изменения в русском зарубежье.

В начале 1930-х годов положение эмигрантов сильно осложнилось. Основные причины тому были политические. Так, принятие СССР в Лигу Наций (1934 г.) дало ему возможность саботировать меры помощи эмиграции и больше влиять на положение в других странах, которые к тому времени почти все установили дипломатические отношения с большевиками. В результате, после признания СССР Болгарией и Чехословакией (1934 г.), «издававшаяся в Софии эмигрантская газета вынуждена была эвакуироваться в Белград. В Праге... стали запрещаться собрания эмигрантов, прежде не встречавшие никаких препятствий. В Париже, после установления франко-советской дружбы, редактору русской газеты категорически было предложено умерить нападки на Москву», — пишет И. В. Гессен (имея в виду в первом случае «За Россию», во втором, очевидно, «Возрождение»). В прибалтийских странах в эти годы были введены откровенно дискриминирующие законы против русского меньшинства с целью его ассимиляции, было закрыто много русских школ; еще в более грубых, насильственных формах это происходило в Польше и Румынии. К этому добавилась причина экономическая — всеобщая депрессия. В результате умножились высылки русских эмигрантов и лишение их прав.

С другой стороны, вторая половина 1930-х годов — это период окончательного краха «версальской» расскладки сил в Европе: восточноевропейские страны (Малая Антанта) и лимитрофы постепенно были перетянуты крепнувшей Германией в свою сферу влияния, Лига Наций стремительно теряла авторитет. В значительной мере это было следствием становления новых сил (фашизма). В идейной области эта реакция имела признаки романтизма (особенно в Италии, где и родился фашизм — от слова fascio, связь, единение; его эмблема — связка прутьев, символ римской государственности, использованный Муссолини как символ национального единства). В ту эпоху слово «фашизм», еще не скомпрометированное последующими военными событиями и расистским гитлеровским режимом, привлекало внимание самых широких ученых кругов Европы (в области социально-экономических реформ), в том числе внимание католической Церкви (что отражено в папских энцикликах).

Мы опишем, как правый лагерь русского зарубежья (а правых, напомним, было не менее 80%) воспринимал происходившие политические перемены — в основном с точки зрения белой, то есть антикоммунистической борьбы: «...целый ряд народов добился победы своей Белой Идеи — Италия, Португалия, Германия, Венгрия». До тех пор европейские правительства относились к большевистской России по принципу «торговать можно и с людоедами». Новые же национальные силы провозгласили борьбу с Коминтерном в глобальном масштабе («Антикоминтерновский пакт» Берлин—Рим—Токио, возникший в 1936—1937 гг.).

Оживилась деятельность международной «Антикоммунистической Лиги», созданной в 1924 г. швейцарским адвокатом Т. Обером (он был защитником в процессе М. Конради и А. Полунина, которые убили Воровского в Лозанне в 1923 г.; Т. Обер превратил процесс в обвинение большевистской власти, и подсудимые были оправданы). В работе Лиги участвовали русские эмигранты (Ю. И. Лодыженский, В. П. Фролова); на заседании представителей из 60 стран подчеркивалось: «Без раскрепощения России нет миру спасения».

Изменилась и позиция католической Церкви. Сначала она пыталась воспользоваться гонениями на православие в России для укрепления там своего влияния: известны ее попытки соглашения с большевиками. Но из-за безуспешности этих попыток, а также под влиянием гражданской войны в Испании (где «красные» жестоко преследовали духовенство), папа Пий XI занял антикоммунистическую позицию: он выпустил две антибольшевистских энциклики и установил особую молитву о спасении русского народа.

Эти новые, антикоммунистические факторы в европейской политике не могли не оживить надежды эмиграции на активное освобождение России, откуда приходили постоянные сведения не только о терроре Сталина, но и о растущей ненависти населения, то есть о внутренней слабости режима. В русле этих настроений возникли, независимо друг от друга, и новые русские организации, ориентировавшиеся на эти новые международные силы. Возникшие эмигрантские организации, правда, так и не успели стать особо влиятельными (разразилась война), но они хорошо иллюстрируют перемены, происходившие тогда в русской эмиграции.

Прежде всего следует назвать военно-политическую организацию ген. А. В. Туркула, которая надеялась действовать в рамках РОВСа (русский Обще-Воинский Союз, созданный ген. Врангелем в 1924 г. из белых армий, объединял около 30 тысяч воинов и был стержнем довоенной политической эмиграции), но была вынуждена выйти из него — из-за приказа № 82, запрещавшего членам РОВСа участие в политических организациях. Первое время этот приказ играл положительную роль, предохраняя армию от эмигрантских распрей: «армия выше политики». Но за прошедшие почти 20 лет РОВС перестал быть армией, и

приказ № 82 потерял свой смысл; он стал препятствием для политической деятельности тех многочисленных военных, которые стремились к этому в предчувствии перемен в России и в мире. Армия «не может быть вне политики, в особенности Белая Армия, которая является орудием политики не внешней, а внутренней... во внутригосударственной гражданской войне», — считал ген. Туркул. В этих условиях он с группой офицеров решился на «второй дроздовский поход» — так многие называли его выступление, проводя параллель с походом полка под командованием М. Г. Дроздовского, отказавшегося в начале 1918 г. подчиниться приказу о разоружении и отправившегося маршем на Дон для участия в Белой борьбе (сам ген. Туркул прославился как преемник погибшего ген. Дроздовского).

Туркул создал в 1936 г. Русский Национальный Союз Участников Войны (РНСУВ) (название ничего не говорящее о сути Союза; оно объясняется тем, что и родственные европейские силы были сформированы участниками войны, «комбатантами», испытавшими глубокое разочарование ее результатами). Органом РНСУВ стала газета «Сигнал», выходившая два раза в месяц (1937—1940, редактор полковник Н. В. Пятницкий, тираж достиг 4000). Председателем главного правления РНСУВ (заместителем ген. Туркула) был избран подполковник В. В. Черноцеков, председателем Политического Бюро — корнет Г. П. Апанасенко.

Конечно, неверно говорить, будто РОВС был «аполитичной» организацией, но его политика ограничивалась отрицательной платформой, «против большевиков» — при вынесении за скобки положительных целей борьбы. Уже во время гражданской войны отсутствие ясной национальной идеологии «привело к тому, что Белая Армия не смогла вызвать всероссийского национального политического действия... Белая идея осталась нераскрытой», — писал «Сигнал» (правда, и население России к этому не было готово...). И теперь руководители РОВСа «предполагают, вернувшись в Россию, заявить, что за 20 лет они ничего не решили и ничему не научились». Нужно «не только отрицать коммунизм, но и, главное, утверждать свое», «строить Новую Россию — святыню, Россию — справедливость, в которой все слои населения в их повседневной деятельности и труде служат Божьей правде, Нации, Государству, своей народности, обществу своего края, своей семье». Соответственно девизом РНСУВ стало: «Бог — Нация — Социальная справедливость».

Именно к этому стремились как НТСНП (Национально-Трудовой Союз Нового Поколения, активная молодежная организация), так и активная часть самих военных. В 1937 г. РНСУВ, НТСНП и Имперский Союз образовали Национальный центр в Париже.

К 1939 г. отделы РНСУВ были созданы во Франции, Бельгии, Чехословакии, Югославии, Греции, Албании, Аргентине, Уругвае. Одной из главных задач была политическая подготовка к деятельности в будущей России. В других странах действовали возникшие тогда же родственные группы и организации.

Так, в Болгарии возникло «движение штабс-капитанов», созданное братьями Солоневичами, бежавшими из советского концлагеря и всколыхнувшими эмиграцию своими книгами («Россия в концлагере» и др.). Солоневичи издавали в Софии еженедельник «Голос России» (1936—1938), после его закрытия — «Нашу газету».

Военным, связанным дисциплиной, труднее было преодолеть как «психологию нерассуждения», так и личные узы воинского братства, чтобы решиться на «второй дроздовский поход». При ген. Миллере турkуловцы еще находились в рамках лояльности, но после его похищения — разногласия, усугубленные вскрывшимся предательством ген. Скоблина (он пытался дискредитировать и РНСУВ), деятельностью «внутренней линии», новыми разоблачениями советской агентуры — привели к резкой полемике.

В Германии в 1935 г. возникло Российское Национальное и Социальное Движение (РНСД) под руководством полковника Н. Д. Скалона. (Ему предшествовало созданное в 1933 г. РОНД — Российское освободительное народное движение под руководством русского немца А. П. Пельхау-Святозарова; оно имело около 200 «штурмовиков», созданных по гитлеровскому образцу, и издавало «Голос РОНДа», «Пробуждение России», «Девятый вал»; однако было закрыто германскими властями — берлинские эмигранты были убеждены, что это произошло по требованию советского посольства...)

В сущности, РНСД, подчеркивавшее верность православию, не так уж сильно отличалось от РНСУВ или от группы Солоневича, хотя в названии, несомненно, отразился местный «колорит». Представитель РНСД в Берлине барон А. В. Меллер-Закомельский, выступая с докладом в Берлине, говорил: «за границей нас пытаются выставить купленными агентами «гитлеризма», но «движение наше совершенно свободно и самостоятельно и ни в какой зависимости от германской партии или властей не находится. Оно существует и работает на жертвенные, трудовые гроши российских эмигрантов. Да, мы преклоняемся перед личностью Вождя Германской нации Адольфа Гитлера и видим в нем, как и в его союзнике Бенито Муссолини, духовного вождя мировых сил света, спасающих человечество от кромешной тьмы большевизма. Не деньгами купил Адольф Гитлер наши сердца, а силой своего духа и правдой своей идеи»...

О том, что такие мировоззренческие симпатии к фашизму и национал-социализму были вполне искренними — свидетельствует то, что наиболее многочисленное фашистское движение в русской эмиграции возникло вдалеке от Европы — в Харбине.

Из всего этого можно видеть, что в 1920—1930-е годы и само слово «фашизм» еще не приобрело позднего отрицательного значения, и тем более его не было в профашистских течениях русской эмиграции. В том числе в Европе: положительные черты в фашизме находили не только РНСУВ и родственные ему группы («Наш идеал — фашистская монархия», — говорил ген. Туркул), но и более умеренное «Возрождение» (где было множество статей на эту тему), и РОВС: «Мы, чины РОВСа, являемся как бы естественными, идейными фашистами. Ознакомление с теорией и практикой фашизма для нас обязательно», — подчеркивал ген. Миллер в приказе от 2 января 1937 г.

В 1938 г. РНСУВ, дальневосточные фашисты, РНСД, Русский Национальный Союз в Америке (председатель Н. Мельников), кружки друзей «Голоса России» Солоневича — объединились в Национальный фронт. Все эти организации сохраняли полную самостоятельность и свободу действий, подчеркивая лишь единство мировоззрения. К Фронту в той или иной мере примыкали (не вступая формально) некоторые группы НТСНП, казачьи организации, парижский кружок «Белая Идея» В. А. Ларионова, группа газеты «Возрождение» (Ю. Ф. Семенов, И. С. Лукаш), поначалу и Российский Имперский Союз; в Америке — ежедневная газета «Россия» (с 1932 г., Нью-Йорк, редактор полковник Н. П. Рыбаков)...

После смерти вел. кн. Николая Николаевича видимость единства эмиграции, достигнутая в самом факте Зарубежного съезда 1926 г., распалась (хотя разговоры о необходимости объединения шли постоянно). Но после кончины в 1938 г. вел. кн. Кирилла Владимировича (вместе с которым ушла в прошлое и значительная часть внутримонархических разногласий), начал создаваться новый полюс притяжения в правой эмиграции: его наследник, Владимир Кириллович. Вопрос о престолонаследии многими теперь решался примирительно.

В этом были кажется, согласны все организации, вошедшие в Национальной Фронт, а также казачество (казачество издавна сочетало в себе принцип строгой иерархии и авторитарности с выборностью) и даже РОВС, перешедший от прежнего непредрешенчества между монархией и республикой к непредрешенчеству внутри монархизма. Все считали, однако, что сначала понадобится переходная диктатура. Она должна взять на себя тот грех применения силы, который не к лицу монарху: «Мы мыслим себе восшествие на Престол Русского Монарха как завершение сложного и, может быть, длительного процесса очищения Русской земли от интернациональной заразы, революционного угара и большевистского разврата... Но выжигание каленым железом язв русской жизни дело не государево. Руки русского царя не должны быть обагрены кровью. Пусть уж, если нужно, — кровь ложится на диктатора», — говорилось в редакционной статье «Сигнала». (Именно это, как мы теперь знаем, сделал ген. Франко в Испании.)

Даже некоторые организации, стоявшие на непредрешенчестве между монархией и республикой, признали тогда авторитет главы Российского Императорского Дома. На символическом трехдневном приеме у него 12—14 августа 1939 г. в Сан Бриаке был представлен весь правый фланг эмиграции, в том числе обе церковные юрисдикции, РОВС, РНСУВ, группа И. Солоневича, казачество, непредрешенческий НТСНП, а также многие общественные организации и органы печати (в том числе «Возрождение»). Вернулся в «кирилловскую» орбиту и Высший Монархический Совет (возглавлявшийся с 1926 до своей смерти в 1939 г. Крупенским и ранее ориентировавшийся на вел. кн. Николая Николаевича).

Некоторая зависимость РОВСа от либерально-демократического фактора объяснялась и местопребыванием руководства, и тем, что работа на Россию (это касается и НТСНП, и БРП) могла вестись лишь при помощи штабов государств-лимитрофов, подконтрольных Антанте — что в какой-то мере было продолжением связей со времен гражданской войны. (Правда, эти связи уже тогда оставили тяжелый осадок; неодобрение ген. Врангелем кутеповских террористических вылазок и его нежелание устраивать штаб РОВСа в Париже следует рассматривать и в этом свете.) Е. Тарусский в 1938 г. писал, что «подлинная российская эмиграция осталась внизу, прикованная материальной нуждой к заводским станкам и тачкам в шахтах. Управление эмиграцией оказалось в руках, глубоко враждебных русской национальной идее. В их распоряжении было все: средства, связи, печать, председательские кресла... Командные высоты занимались одна за другую ловкими стратегическими маневрами. Верные и жертвенные Вожди Армии устранялись таинственными силами. Последнее Российское Офицерство систематически обезглавливалось...».

Трудно сказать, насколько эти подозрения об «устранении» вождей можно связывать с «таинственными силами» в эмиграции. Но несомненно, что либералы в эмиграции поощряли «непредрешенчество» в военных кругах, ибо преобладание монархических настроений в РОВСе было общеизвестно и неизбежно проявилось бы при отказе армии от «аполитичности». Поэтому даже террористическая деятельность Кутепова была либералам более приемлема, чем политическая, на которую они претендовали сами. Формула «народ сам все решит» оставляла надежду, что он решит так, как его подготовят они — обладая господством в средствах информации. Естественно, что теперь левый фланг всячески старался дискредитировать политическую активизацию правого (бурную энергию проявили «Последние новости») — что особенно ярко проявилось в ходе расследования похищения ген. Миллера.

Это похищение было запланировано ГПУ как двойной удар: против РОВСа, но и против РНСУВа — поскольку предполагалось обвинить в этом ген. Туркула, якобы «связанного с Гестапо». Развитию этой версии помешала лишь оставленная ген. Миллером записка с указанием на ген. Скоблина, но все же запланированные обвинения были по инерции подхвачены и советской печатью (И. Эренбург, М. Кольцов), и левой французской, и (в виде намеков) «Последними новостями»...

А в апреле 1938 г. русские эмигранты во Франции получили «пасхальный подарок»: постановление правительства Л. Блюма («народного фронта») о высылке из страны нескольких «нежелательных лиц» без объяснения причин (в список были включены генералы Туркул, Кусонский, Шатилов, Кочкин, кап. Ларионов, журналист Б. А. Суворин, ротмистр А. Н. Баранов — организатор популярных собраний «Свободная трибуна»). На проводы ген. Туркула собрались все правые организации и органы печати Парижа; младороссы и «Последние новости» приветствовали высылку... (В дальнейшем Туркул руководил РНСУВом из Германии.)

*

В вышеописанном уже видны те разногласия, вследствие которых эмигранты участвовали во Второй мировой войне по разные стороны фронта. Это проявилось уже в отношении к гражданской войне 1930-х годов в Испании. Белые офицеры (как из РНСУВа, так и из РОВСа) называли войска национального ге-

нерала Франко тоже «белыми» и даже сформировали у него русский добровольческий отряд (редактор «Часового» Орехов ездил к ним корреспондентом). Они рассматривали эту войну не только как испанскую, но и как войну против Коминтерна, и, как пишет участник, «при первой же возможности взялись за ружья, чтобы не на словах, а на деле бороться с врагами нашей Родины». Правда, русских у Франко было не так много: 72 человека.

Политический выбор меньшего зла для России в назревавшей войне тоже частично зависел от описанных мировоззренческих разногласий. Но, в сущности, он был продолжением дискуссии 1920-х годов о допустимости или недопустимости иностранной интервенции. Решающим здесь была трактовка сущности советской власти.

Так, «патриоты» на либеральном (милюковском) фланге считали, что главное — сохранить «русскую территорию», большевизм же рано или поздно сам кончится. Поэтому они (В. Лебедев, Слоним, Бруцкус, Шклявер) создали «Российское Эмигрантское Оборонческое движение». С ними сотрудничал врангелевский генерал Махров, который даже призвал создать «оборонческий батальон». «Последние новости» писали, что «красная армия — это уже русская армия» и что «дипломатия Молотова — просто русская». При участии левых евразийцев (П. П. Сувчинский, С. Я. Эфрон) был создан «Союз за возвращение на родину»... Оборонческая полемика охватывала весь спектр эмиграции, создавая неожиданные коалиции и противоборства: либерал М. Вишняк хвалил монархистов-младороссов за «отход от былых увлечений фашизмом и антисемитизмом», а недавний масон Любимов утверждал, что оборонцы от Федотова до Махрова и младороссов организованы масонами и еврейскими кругами, которые даже «стараются... войти в контакт с династией, воображая, что можно заключить с династией какой-то договор о взаимной поддержке».

Позиция ген. Деникина, который также сотрудничал с оборонцами, была сложнее. С одной стороны, он считал, что «совершенно безосновательно приписывать идеологические основания оси Рим — Берлин и треугольнику Берлин—Рим—Токио», их цели — передел колоний, ведь и Гитлер «торгует с Москвою во всю». Поэтому Деникин резко критиковал прогерманские настроения; как и в гражданскую войну, он оставался сторонником союза с Францией. Но, с другой стороны, он сожалел, что Франция сделала ставку на Польшу, а затем пошла на флирт с СССР и «скинула вовсе со счетов Национальную Россию». Поэтому Деникин с огорчением отмечал отсутствие идеологических мотивов и у «великих демократий», которые тоже преследуют свои колониальные геополитические интересы, причем даже «самая великая» демократия, США, «питает слабость к режимам Москвы и Барселоны»... Подчеркивая, что за границей у России вообще нет друзей, Деникин сформулировал двойную задачу: нужно свергать советскую власть и защищать русскую территорию, но участие эмигрантов в иностранном вторжении в Россию недопустимо.

Более многочисленные правые круги РОВСа считали подобную позицию теоретически верной, но практически неосуществимой. Они называли это «погоней за двумя зайцами», утверждая, что «тот единственный заяц, за которым ныне следует гнаться, — падение большевиков на всей территории России».

Но надежды правого лагеря эмиграции накануне войны можно понять, лишь если вспомнить определение коммунистической власти, прозвучавшее на Зарубежном съезде (1926 г.): СССР — не Россия и вообще не национальное государство, а русская территория, *завоеванная* антирусским Интернационалом. В борьбе с этой «раковой опухолью» неизбежна хирургическая операция, — всегда считал РОВС, готовясь к возобновлению гражданской войны. То, что такую войну можно было вести лишь в союзе с иностранными силами, также было ясно. И когда такие силы появились, то есть когда возник Антикоминтерновский пакт — он уложился в эту схему: надежды на освобождение России стали связывать с ним. Коммунистическая активность в Западной Европе в период «народного фронта» еще больше толкала эмиграцию к этой ориентации...

Надежды групп «национального фронта», в сущности, не отличались от позиции РОВСа, разве что они высказывали это более откровенно. Так, редактор «Сигнала» полк. Н. В. Пятницкий писал:

«Мировая война создала новый тип людей с «железом в руках и крестом в сердце»... Именно эти люди вырвут униженную, распятую Россию из рук ее хищных палачей», ибо движет этими людьми «новая вера служения Богу силой, противопоставляемой злу».

Сотрудник «Сигнала» подпоручик Н. Я. Галай: «Никакая война не принесет тех опустошений, что приносит большевизм... За 3 года мировой войны 1914—1917 годов Россия потеряла до 2 1/2 милл. убитыми (около 2/3 млн. в год). За 20 лет соввласти — от 35 до 45 миллионов (до 2 миллионов чел. в год)... Мы верим в жизненные силы, государственный инстинкт русского народа и его славное историческое призвание и поэтому не боимся никаких международных испытаний. Россия будет великой и сильной. Но путь к этому лежит через гибель коммунизма».

Боязнь «расчленения и распада России» — «от маловерия и даже неверия в Россию», — утверждали ведущие авторы «Сигнала». «Съесть Россию и превратить ее в колонию... не будет по силам и 80-миллионной Германии. Россия — не Чехия. Ведь подобное положение сделало бы из России нового непримиримого врага Германии, в последних же у нее и так недостатка нет... Если бы Германия... пошла бы по линии расчленения и удушения Национальной России», это было бы «против здравого смысла».

Их вера в Россию оказалась правильной. Но они переоценили наличие «здравого смысла» и «креста в сердце» у тех, на кого предполагали опереться. Германия пошла именно против того и другого, и своим языческим расизмом Гитлер привел к краху все европейское консервативное движение 1920—1930-х годов.

Следует отметить, что описанный германофильский фланг эмиграции начинал испытывать сомнения уже по мере нарастания агрессивности Гитлера. Так, ставка Германии на «украинизацию» Карпатской Руси после Мюнхенского соглашения возмутила нью-йоркскую газету «Россия» и «Русский Национальный Союз в Америке» (он тогда вышел из Национального Фронта). В 1938—1939 гг. гитлеровские власти решили привести к «общему знаменателю» русскую эмиграцию — это означало роспуск всех политических организаций, в том числе объединенных в Национальном Фронте (РНСУВ, РФС, РНСД и «штабс-капитанов» И. Солоневича). Было создано единое Управление делами русской эмиграции, которое возглавлял (1936—1945) ген. В. В. Бискупский (по слухам, у него в начале 1920-х годов «была большая заслуга перед

режимом наци: во время неудачного мюнхенского «путча» он укрыл в своей квартире самого Гитлера»; пользуясь этим, Бискупский пытался защищать и русские интересы). Тогда же германский отдел РОВСа был выведен из подчинения центру и переименован в «Союз русских воинских организаций»...

Почти аналогичным было давление японцев на русскую эмиграцию в Маньчжурии: там началось закрытие русских школ и был расформирован дальневосточный отдел РОВСа (превращен в «Дальне-Восточный союз военных»). Это, как и обнаружение японцами «украинского клина» на Дальнем Востоке (с такими «украинскими» городами, как Благовещенск и Владивосток) — охладило прояпонские симпатии русских фашистов.

И уж совсем холодным душем для тех, кто надеялся на Германию, стало заключение советско-германского пакта в августе 1939 г. Точно так же, как попытки Англии и Франции добиться антигитлеровского союза со Сталиным отталкивали правую эмиграцию от демократий, так и пакт Молотова—Риббентропа оттолкнул значительную часть правой эмиграции от гитлеровской коалиции (с этого момента пошло на убыль и фашистское движение в русской эмиграции).

Советско-германский пакт был осужден генералом Франко, Салазаром и в более сдержанной форме Муссолини: их представители заявили, что СССР не может быть союзником в деле защиты христианской цивилизации. Однако значительная часть правой эмиграции — особенно за пределами демократических стран — продолжала надеяться, что этот пакт чисто тактический, что Гитлер не отбросил антикоммунистических целей, а лишь временно приостановил их осуществление...

Как мы знаем, эти надежды вскоре оправдались. Но эмигранты, симпатизировавшие национал-социализму, не учли в гитлеровском режиме более существенных пороков. В поиске долгожданных союзников русского дела эта часть эмиграции была готова прощать гитлеровцам все их «несовершенства» как «побочные явления», даже усиливавшиеся антихристианские тенденции и расизм — не веря в возобладание этих признаков в «культурной стране»... С надеждой выискивались и перепечатывались фразы германских вождей, что «СССР — не Россия», но прощались десятки других, антирусских. Поскольку других антикоммунистических государств не было — эмиграция очень хотела верить, что хотя бы эти, какие ни есть, все же помогут освобождению России...

Позже иллюзии стали очевидны. Но если мы вместе с В. С. Варшавским (в книге «Незамеченное поколение») готовы простить просоветскую наивность многим «младороссам» и «пореволюционным» организациям; если мы вместе с ним ставим оправдательно-риторический вопрос об идейных поклонниках фашизма: «...можно ли винить их в том, что они не сразу почувствовали противоречие между идеалом, бывшим в их душе, и теми готовыми фашистскими доктринами, при помощи которых они старались этот идеал выразить»? — то можно ли винить ту часть эмиграции, которая в 1930-е годы допустила подобные иллюзии относительно политических целей «Антикоминтерна»?..

*

После нападения Германии на СССР те же иллюзии ожили вновь. Правда, тогда дело было уже не только в иллюзиях: ситуация требовала конкретных решений и действий. Выбор стал другим: или включиться в события, стараясь использовать их для помощи своему народу (как решили для себя тысячи военных и невоенных эмигрантов, в том числе многие члены РОВС, РНСУВ, НТСНП) — или остаться в стороне от этих событий (как предпочли ген. Деникин или секретарь Исполнительного бюро НТСНП М. Георгиевский).

Для решившихся на борьбу самым главным побудительным мотивом было то, что поначалу и наш народ питал те же надежды на германский поход против большевизма, что и эмиграция. Антикоммунистический потенциал в СССР был огромен и проявился в первые же месяцы войны, когда немцев встречали хлебом-солью, когда в плен к немцам сдались почти 4 миллиона красноармейцев, не желая защищать сталинский режим... Многие военные надеялись на создание Русской Освободительной Армии и национального русского правительства со статусом союзника Германии.

Один из руководителей нынешнего немецкого Научного центра военной истории Й. Хофман на основании документов показывает, что уже в 1941 г. о такой возможности антикоммунистической борьбы говорили попавшие в плен командующие советскими дивизиями, корпусами, армиями — генералы Ф. А. Ершаков, С. Огурцов, Снегов, П. Абранидзе, Бессонов, Кирпичников, Д. Е. Закутный, Ф. И. Трухин, И. А. Благовещенский, Егоров, Куликов, Ткаченко, Зыбин, Х. Н. Алавердов, М. И. Потапов, М. Ф. Лукин. В 1942—1943 гг., помимо А. А. Власова, Г. Н. Жиленкова, В. Ф. Малышкина, такую же готовность выражали генералы М. М. Шаповалов, И. П. Крупенников, Ю. А. Музыченко, П. Г. Понеделин, полковники В. И. Боярский, К. Л. Сорокин и др.

Надеясь на этот потенциал в своем народе, правая русская эмиграция и ринулась в водоворот военных событий, на соединение с соотечественниками. Эта отчаянная попытка освобождения России от коммунизма, как мы знаем, закончилась трагично. Но в своих надеждах жестоко обманулись обе части эмиграции: ни Гитлер, ни демократии не были заинтересованы в свободной России. Гитлер погубил в концлагерях миллионы противников коммунистического режима, а Запад после войны выдал уцелевших на расправу Сталину — тоже миллионы (об этом В. Варшавский, говоря на тему выбора, вообще не упомянул)...

В числе выданных были и старые эмигранты: «Тысячи беженцев, никогда не живших в Советской России, покинувших свою страну в 1919 году в качестве союзников англичан и американцев и, соответственно, не имевших отношения к Ялтинским соглашениям, были переданы в Австрии СМЕРШу по договоренности столь секретной, что до сих пор принимаются самые исключительные меры для сокрытия следов этой операции», — пишет Н. Толстой в книге «Жертвы Ялты».

Обманулись и те — как в эмиграции, так и в СССР — кто надеялся на либерализацию коммунистической власти после победы...

Война окончательно показала, что ключ к освобождению и возрождению России — только в самой России, ибо в эгоистическом мире у русского дела нет друзей. А против врагов россияне способны бороться даже при таком режиме.

Но военная эпопея — это уже отдельная огромная тема...

«Вече» № 44, 1991.

ЛЕОНИД ШЕПЕЛЕВ,
доктор исторических наук

МУНДИР ДЛЯ «МАСТЕРА»

Первая треть XIX века — время широкого распространения в России ведомственных гражданских мундиров. История мундиров Академии художеств, изменявшихся на протяжении XVIII и XIX веков 8 раз, во многом характерна для гражданских мундиров вообще. До последнего времени не были известны ни время возникновения мундиров Академии художеств, ни их особенности, ни то, были они одинаковы на каждом этапе развития или имели какую-то иерархию. Впервые попытку изучить историю мундира Академии художеств предпринял в 1976 году Б. А. Косолапов. Но его работа не была опубликована. Для рассказа о результатах наших изысканий мы отобрали 7 «мундирных» портретов: И. А. Акимова (1796), А. И. Иванова (1801), А. С. Строганова (1804), Д. Г. Левицкого (1812), А. А. Михайлова (1818), А. И. Иванова (1824) и К. А. Тона (1869—1874).

Цветное изображение мундира 1794 года мы видим на портрете художника И. А. Акимова. 1796 г. Худ. И. Б. Лампи-младший.

Мундир Академии художеств. 1794 г.

Первое упоминание о мундирах Академии художеств относится к началу царствования Екатерины II. В связи с утверждением нового устава Академии 1764 года и подчинением ее непосредственно императрице члены академического собрания решили изготовить для преподавателей и чиновников за их счет одинаковые кафтаны *«вишневого цвета»*, украшенные по краям золотым гладким галуном (у академиков) или золотым же *«шитьем по установленному образцу»* (у профессоров); кафтаны старших чиновников получили *«шитье серебром»*. Как долго просуществовали эти кафтаны, неясно. Известно лишь, что через 30 лет, в мае 1794 года, только что назначенному президентом Академии графу А. И. Мусину-Пушкину было *«высочайше указано»*, чтобы *«отныне впредь все чины императорской Академии художеств... имели мундиры малинового цвета с черной подкладкой и такими же бархатными отворотами с золотыми петлицами по приложенному... рисунку»*. Рисунок этот позднее оказался в художественном собрании князя В. П. Аргутинского-Долгорукова и в 1808 году был опубликован (в черно-белом изображении) Н. Н. Врангелем в приложении к журналу «Старые годы». Как видим, под петлицами подразумевались петли на лацканах (отворотах) и обшлагах.

Автопортрет А. И. Иванова. 1801 г.

В конце января 1800 года президентом Академии становится граф А. С. Строганов и... вновь следует реформа ее мундиров. В марте упраздняются лацканы, черные воротник и обшлага заменяются на малиновые (под цвет кафтана), а подкладка — на палевую. Относительно фасона мундира пояснялось, что он должен быть таким, *«как делаются обыкновенно немецкие кафтаны»*. Это означало, в частности, что воротник полагается отложным. На воротнике и обшлагах предусматривались вышитые золотом *«петлицы»*, рисунок которых прилагался (к сожалению, не сохранился).

В ноябре 1801 года воротнику и обшлагам вернули прежний черный цвет с сохранением шитых петлиц. Фасон мундира на этот раз не разъяснялся. Но мы можем видеть его на автопортрете А. И. Иванова, хранящемся в Третьяковской галерее.

Считается, что автопортрет художник написал вскоре после окончания Академии, и обычно датируется 1800 годом. Но такая датировка неверна. Она не соответствует ни прическе художника (явно не павловского времени: без парика, незавитые волосы слегка пудрены), ни фасону мундира. Мундиры с высоким стоячим воротником появились лишь в самом начале александровского царствования. Никакого акта о введении нового фасона мундира (ни в Академии художеств, ни в гражданском ведомстве вообще) до нас не дошло. На автопортрете ясно видно шитье на воротнике, имитирующее петлицы (петли), рисунок которых, по-видимому, прилагался к мартовскому указу 1800 года. Мундир, в который облачен Иванов, — самое раннее из известных нам изображений мундиров нового («французского») образца. По всей видимости, он был написан вскоре после 9 ноября 1801 года (черный воротник), а постановление о введении новых мундиров в Академии состоялось перед тем. Последующая эволюция академического мундира указывает нам на теоретически возможную позднюю дату написания автопортрета — 7 июля 1804 года, когда был установлен новый мундир Академии художеств, просуществовавший четверть века.

На рис. 4 мы видим эскизы узора шитья для «мастеров» (с литерой А) и для штаб-офицерских чинов («петлица»). В обоих случаях это переплетение дубовой и оливковой (масличной) ветвей.

Граф А. С. Строганов — президент Академии художеств. 1804 г. Худ. Ж. Л. Монье.

Указ 7 июля 1804 года очень краток и даже маловразумителен. Вот его текст дословно: *«Высочайше указано иметь в Императорской академии художеств мундиры синего сукна с бархатными воротниками и обшлагами того же цвета, с золотым по воротнику и обшлагам шитьем по апробированному рисунку и с подкладкой цвету мундирного; пуговицы желтые, каковые до сего употребляемы были; а исподнее платье белое»*. Синий цвет мундиров с начала XIX века был принят для учебных и ученых ведомств и учреждений (в частности, для ведомства народного просвещения, горного и путей сообщения). Еще в мае А. С. Строганов распорядился *«сделать рисунок»* мундира, который представить ему. Тогда же изготовили и *«разные пробы следующим быть вышивкам на воротнике и обшлагах»*. Рисунок мундира до нас не дошел, а «пробы» узора на воротнике сохранились, хотя и не полностью (три рисунка из четырех). В 1828 году новый президент Академии А. Н. Оленин характеризовал их к к единственно имеющиеся, но «весьма неисправные».

А. А. Михайлов — архитектор. 1818 г. Худ. П. И. Ремезов.

В августе 1904 года выяснилось, что указ 7 июля имел в виду лишь мундиры для *«чинов, принадлежавших к Академическому собранию»*. Затем (в июле же или августе) особым докладом царю Строганов испросил разрешение на введение таких же мундиров для *«чиновников, имевших штаб-офицерские чины»*, чины низших классов, а также для *«мастеров разных мастерств, к художествам принадлежащих»*. Члены академического собрания получали на воротники и обшлага мундиров, так сказать, основное шитье, рисунок которого, к сожалению, не сохранился. Чинам штаб-офицерского ранга полагались *«золотые петлицы на воротнике того же шитья»* (об обшлагах не упоминалось), а чины низших (IX—XIV) классов вместо шитья имели только золотой кант. Воротники же мундиров *«мастеров»* (об обшлагах и тут речи не было) должны были быть *«с частью шитья»*. О рангах *«мастеров»* ничего не говорилось. Это дает основание заключить, что они (а точнее — их мундиры) как бы выводились из общей иерархии чинов.

Проекты вицмундира и мундира Академии художеств; форменной одежды учеников; узор шитья на воротнике, обшлагах и карманных клапанах мундиров. 1821—1830 гг.

Д. Г. Левицкий. 1812 г. Худ. И. Е. Яковлев.

На портрете хорошо различимо полное золотое шитье (на мундире члена академического собрания) на воротнике (по верхнему краю) и на обшлагах в виде тех же переплетающихся ветвей.

Неполный и не вполне ясный текст закона 7 июля 1804 года, а также отсутствие (или утрата) завершенных нормативных рисунков шитья на мундирах Академии художеств со временем привели к тому, что оформление вновь изготавливаемых мундиров стало варьироваться. В июне 1821 года президент Академии А. Н. Оленин в официальном письме министру народного просвещения и духовных дел князю А. Н. Голицыну сетовал на то, что в систему мундиров чинов Академии от *«наставников в художествах»* до *«первостепенных званий академических... вкрались некоторые отступления по сей более причине, что предписания по сему предмету не были довольно обстоятельно и ясно изложены...»* Чтобы *«сия часть могла быть приведена в надлежащий порядок»*, Оленин предлагал, в частности, уточнить рисунок

А. И. Иванов — профессор Академии художеств. 1824 г. Худ. И. В. Бугаевский-Благодарный.

(узор) мундирного шитья. *«Я не предполагаю значительных перемен в сих мундирах,* — писал Оленин. — *но желаю иметь основательные документы, которыми можно было бы безошибочно руководствоваться...»*

Были подготовлены 4 листа рисунков: 1. Две фигуры преподавателей и чиновников Академии в парадном мундире и вицмундире (мундирном фраке); 2. Две фигуры учеников в форменной одежде; 3. Новый вариант узора шитья на воротнике, обшлагах и карманных клапанах и 4. Печать Академии и наградные медали для отличившихся воспитанников. Узор шитья включал те же компоненты — дубовую и масличную ветви. Но их переплетение менее выражено: теперь они как бы чередовались, спускаясь от верхнего края воротника и обшлагов к нижнему. В связи с этим увеличивалась плотность шитья.

Предполагалось, что по объему шитья мундиры будут разделяться на 5 разрядов. Высший разряд должен иметь шитье на воротнике, обшлагах и карманных клапанах. Второй — лишался шитья на клапанах. Мундиры третьего разряда получали шитье по воротнику и двойной кант (вместо шитья) на обшлагах. Четвертый имел шитье только в передней части воротника, а на обшлагах — одинарный кант. И, наконец, пятому разряду мундиров полагался двойной кант по воротнику и одинарный на обшлагах. Профессорам полагался мундир второго, а «мастерам разных мастерств» — четвертого разряда.

Формально рисунки 1821 года не были утверждены. Фактически же они, судя по портретам того времени, повлияли на практику оформления мундирного шитья. На мундире А. А. Михайлова 1818 года мы видим расширенное на все поле воротника шитье образца 1804 года. А на мундире А. И. Иванова 1824 года шитье выполнено явно в соответствии с рисунками 1821 года. Эти рисунки утверждаются лишь 19 декабря 1830 года. Но теперь мундиры разделили не на 5, а на 8 разрядов. При окончательном оформлении рисунков шитья была допущена погрешность: на масличных ветвях вместо ягод изображены желуди.

Важно отметить, что принципы разделения мундиров Академии художеств на разряды по объему шитья были положены в основу общей реформы гражданских мундиров в 1834 году. Вводились лишь еще два высших разряда мундиров (в Академии они не использовались), в результате чего первый разряд академического мундира стал третьим в 10-разрядной системе. Шитье на воротнике, обшлагах и карманных клапанах для мундиров третьего разряда дополнили однорядным шитьем по бортам и полам, как это видно на рис. 12. Погрешность в узоре шитья так и не исправили.

В 1856 году мундиры образца 1804 года заменили полукафтанами (без выреза юбки спереди) с сохранением системы шитья. В таком парадном мундирном полукафтане четвертого разряда изображен архитектор К. А. Тон. Синяя лента через левое плечо со знаком ордена Белого Орла на правом бедре, полученная Тоном в 1869 году, позволяет датировать портрет. Известно, что в 1874 году архитектор награждается крестом Франца-Иосифа. Его на портрете не видно. Это дает основание заключить, что Тон был портретирован между 1869 и 1874 годами.

В 1904 году парадные мундиры низших разрядов (7—10) в гражданском ведомстве упраздняются. Их заменяют мундирными фраками и двубортными сюртуками с отложным воротником и открытым воротом (см. «Родина», № 3, 8—9, 1992). Ранги должностей и чинов на сюртуках обозначались петлицами со звездочками на концах воротников. Впрочем, художники эту форму одежды практически не носили.

Полное шитье на воротнике и обшлагах мундира. 1834 г.

Мундир Президента Академии художеств. 1834 г. (Рис. 12.)

К. А. Тон — архитектор. 1869—1874 гг. Худ. В. Ж. Гронкель.

ЭДУАРД ШТЕЙН
Нью-Йорк

РУССКИЙ ЛЕВ

На сербском православном кладбище в Сан-Франциско, неподалеку от колумбария, находится могила Андрея Шиляева. На мраморе памятника высечены слова: «Здесь покоится юноша-боксер Андрюша Шиляев 14 декабря 1919 — 3 декабря 1938, трагически погибший на чужбине вдали от родных, но не забытый друзьями». Любимец болельщиков, Андрей Шиляев скончался на операционном столе от кровоизлияния в мозг после боя с американским профессионалом Филом Сальвадоре. В день своего девятнадцатилетия русский юноша был предан земле. С того трагического дня прошло уже более полувека, но постоянно чьи-то заботливые руки возлагают на могилу боксера цветы. Конкретные причины нелепой смерти до конца выяснены не были: многие вопросы остались без ответа. Известно лишь, что этот матч Андрюша провел не лучшим образом и проиграл более сильному сопернику по очкам. В раздевалке, после боя, ему стало очень плохо, но в этот момент рядом с ним почему-то не оказалось ни тренера, ни менеджера. Установка диагноза в больнице продолжалась преступно долго, и запоздалое вмешательство хирургического скальпеля было лишь последним гонгом короткой жизни.

Выдающийся поэт русского Китая — Арсений Несмелов тоже скончался от кровоизлияния в мозг, но семью годами позднее, чем Андрей Шиляев, на полу пересыльной тюрьмы Гродеково. Схваченный в Харбине смершевцами, поэт все-таки доехал до России в тюремном вагоне. Судя по воспоминаниям очевидца, Арсений Несмелов умирал мучительной смертью: вертухаи не пожелали ночью вызвать врача, а наутро все было кончено...

Сегодня никто не может сказать, были ли лично знакомы Андрюша Шиляев и Арсений Несмелов, но несомненно одно: они знали друг о друге, ведь были они очень крупными личностями русского Зарубежья.

Юному боксеру удалось провести на профессиональном ринге 29 боев с ошеломляющими спортивными результатами: 22 победы, 3 ничьих и только 4 поражения. Качество же побед почти «тайсанское»: 19 — или нокаутом, или бои прекращались из-за явного превосходства Андрюши, три боя он выиграл по очкам и три таким же образом проиграл. Один раз он вынужден был прекратить бой из-за повреждения руки. Такому «послужному списку» мог бы позавидовать любой чемпион мира. Эти выступления принесли Андрюше Шиляеву не только всеэмигрантскую славу, но и звания чемпиона Северной Маньчжурии, затем чемпионские лавры Северного Китая, Всекитайский чемпионский пояс и титул чемпиона Дальнего Востока.

Возможно, самыми впечатляющими были победы Андрюши над экс-чемпионом Дальнего Востока негром Генри, известным на рингах Азии под кличкой «Клевер» («Умный»). Этот боксер прославился победой над экс-чемпионом мира средневесов Тодом Морганом, которого негр послал в нокаут. Ему же удалось сокрушить австралийского короля средневесов Альфа Блатча. Манильские «тиффози» с нетерпением ждали поединка своего любимца с «чудо-мальчиком» из Харбина. Первая встреча между боксерами состоялась 23 января 1938 года и привлекла свыше 10000 зрителей. Бой разочаровал болельщиков: все было закончено уже в третьем раунде, когда Андрюша отправил своего опытнейшего соперника в глубочайший нокаут, из которого последнего вывели лишь старания врача. Если к этому добавить, что во втором раунде Генри вообще был выбит за канаты ринга, то станет ясно, что русский боксер во время схватки господствовал безраздельно. Уже 5 февраля состоялся матч-реванш (тогда боксерские «каникулы» были намного короче нынешних). Стадион был переполнен, и снова разочарование болельщиков — русский богатырь просто растерзал свою жертву: во втором раунде секунданты «Умного» Генри выбросили на ринг полотенце в тот момент, когда судья отсчитывал положенные 10 секунд. Пояс чемпиона Дальнего Востока надел на русского спортсмена маршал Дуглас Мак-Артур, который в то время был военным советником филиппинского правительства.

Со школьной скамьи Андрей Шиляев увлекся спортом и во многих его видах преуспел: он был хорошим пловцом и легкоатлетом. И вот в пятнадцать лет он соприкоснулся с боксом и своей новой страсти отдался целиком. Уже в июле 1936 года он переходит в профессионалы и свой первый бой с сильным японцем Огавой заканчивает нокаутирующим ударом в челюсть. Огаву унесли с ринга. Тот же июль-месяц стал, пожалуй, самым значимым в спортивной карьере боксера: именно тогда окончательно решилась его судьба, столь трагически оборвавшаяся...

25 июля 1936 года в Харбине был проведен поединок за звание Харбина и Северной Маньчжурии. В одном углу ринга чемпион — В. Голдобин, в другом — претендент — А. Шиляев. Публике огласили данные спортсменов. В. Голдобин — 23 года. Вес 71 кг. Рост 170 сантиметров. А. Шиляев — 16 лет. Вес 64 кг.

Продолжаем публикацию материалов, подготовленных специально для «Родины» нью-йоркским литературоведом и коллекционером Эдуардом Штейном.

Рост — 166 сантиметров. Регламент матча — 10 трехминутных раундов. Единодушным фаворитом поединка считался В. Голдобин. Первый раунд по очкам выигрывает А. Шиляев. Технический второй раунд приносит ничью. В третьем раунде только гонг спасает В. Голдобина от неминуемого фиаско. Четвертый раунд уже формальность. В. Голдобин деморализован, и прямой удар А. Шиляева решает все. Эта победа и очертила жизненную дорогу молодого самородка, начавшего восхождение на мировой Олимп профессионального бокса.

К началу 1938 года стало ясно, что ринги Дальнего Востока, Азии и Океании слишком малы для Андрея Шиляева. Вместе со своим тренером и менеджером Г. Зейлихом он покидает Китай и отправляется в Америку. Остановка в Гонолулу оказалась излишней, поскольку находившиеся там «Умный» Генри и претендент на звание чемпиона мира Карл Моро сделали все от себя зависящее, чтобы избежать встреч с А. Шиляевым.

Престижный американский журнал «Ринг» посвятил А. Шиляеву большую статью, высоко оценивал его шансы в боксерской табели о рангах. Какая-то из сан-францисских газет окрестила русского богатыря прозвищем «Русский Лев». Под этим псевдонимом он и выступал в Сан-Франциско. Первые три схватки с именитыми соперниками он провел элегантно и убедительно; и хотя первый бой был объявлен ничейным, в двух других А. Шиляев добился убедительной победы.

Что точно произошло во время встречи Андрея Шиляева с Филом Сальвадоре, мы уже никогда не узнаем: смерть перечеркнула блистательный талант русского боксера. Искусство Андрея Шиляева пронеслось ярчайшей кометой на небосводе бокса — не для того ли, чтобы на миг осветить серость будней изгоев-эмигрантов и... погаснуть.

...Творчество замечательного русского поэта Арсения Несмелова, наконец-то, вернулось в Россию. И в зарубежье, и в метрополии издаются его стихи и рассказы. Из поля зрения специалистов неизвестно почему совершенно выпало стихотворение поэта, озаглавленное «Андрей Шиляев». Оно было опубликовано в марте 1939 года во втором номере харбинского журнала «Спорт», который почти целиком был посвящен памяти боксера (насколько мне известно, в США нет ни одной библиотеки, в чьих фондах был бы этот журнал). За пределами русского Китая стихотворение печатается впервые.

Мне говорят: «Со школьной парты,
С зеленых, юношеских лет, —
Он был, как поросль древней Спарты,
Как юный греческий атлет!»

Но я скажу, — не Спарта это,
Я утверждать не побоюсь:
— В нем не античная примета,
Нет, в нем не Аттика, а Русь!

Он — славянин. В нем Руси древней
Звучала песнь богатырей,
И нет мелодии напевней,
Нет слов и звуков горячей.

В черты лица его вглядитесь, —
В нем русский, наш, славянский тип!
Он шел вперед, как русский витязь,
Как этот витязь, он погиб.

Он вспыхнул звездочкою яркой,
В светило разгораться стал.
Он был для нас небес подарком,
Как утешенье, он сиял:

Что не иссякла наша сила,
Что мы растем, живем не зря,
Коль эмиграция взрастила
Шиляева — богатыря!

Ведь это имя зазвучало
На гордых рингах мировых,
Как нашей доблести начало,
Как медно-выкованный стих.

Чуждаясь троп, дороги узкой,
Путь избирая мировой, —
Взносилось гордо имя РУССКИЙ
Над иностранною толпой.

Но зависть, злоба, преступленье
Ползли за ним, спеша развить,
И как ужасное мгновенье
Понять, осмыслить, пережить!..

Ударом в сердце эта драма, —
навек, навек ужасный след!..
Как лаконична телеграмма:
— Убит. Андрея больше нет!

Но не исчез он. Нет, он с нами
На бесконечные года:
Он наша вера, наше знамя,
Он в нашем сердце — навсегда!

Навсегда в истории великого русского изгнания остались два имени: блистательный боксер Андрей Шиляев и замечательный поэт русского Китая Арсений Несмелов.

«КАМЕНІЯ ИСТОРИИ»

МОНОЛОГИ ХУДОЖНИКА АНДРЕЯ НИКОЛАЕВА НА ФОНЕ СВОИХ КАРТИН

Современные физики знают: «В каждой элементарной частице заключена Вселенная; в то же время вся Вселенная состоит из элементарных частиц». И даже так: «Ударьте один протон, и тотчас же все протоны мира почувствуют одну и ту же боль»...

Тут физика в прямом смысле пересекает грань метафизики... Это уже не просто Наука — тут присутствует немалая толика Философии и даже Богословия... Зачем же историкам по-прежнему цепляться за избранные элементарные факты и строить из них эфемерные структуры, долженствующие изображать «научные картины» исторического прошлого? Л. Толстой мыслил иначе: в последней части эпилога «Войны и мира» он рассуждал о «бесконечно малых величинах» Истории, своего рода элементарных частицах Всевышняго Хода Вещей в МIРЕ, за что и был подвергнут критике как со стороны историков, так и со стороны литературоведов.

Клио — самая таинственная из всех богинь Олимпа, что со всей очевидностью доказал дерзкий мыслитель XX века Лев Николаевич Гумилев.

Мистические и метафизические нити пронизывают нашу историю и переплетаются в ней причудливым и незримым узором, обозначивающимся на поверхности Бытия то событиями глобальными, то ничего не значащими фактами; то личностями гигантски знаменитыми, а то и вовсе незаметными фигурами, сокровенными до поры, значение и смысл которых раскрывается много-много лет спустя, и раскрывается неожиданно.

Когда-то Пушкин изрек: «Любовью шутит Сатана!»...

Следует заметить: Сатана *шутит* не только любовью... Не меньшим «шутником» проявляет он себя и в Истории... Впечатление такое, что этот шутник весьма и весьма активно приволакивается за Клио, успешно «пудря ей мозги», от чего нам, людям, бывает тошно.

А. И. Солженицын сравнил Историю с «колесом», которое катится из одной бесконечности в другую... Д. С. Мережковский счел Бесконечность, куда катится мир «прогресса и цивилизации», — дурной Бесконечностью...

«Колесо истории» действительно *катится*... Катится по мостовой, и «мостовая» эта может быть либо хорошо вымощена, либо разворочена ухабами и рытвинами; либо обозначена «верстовыми столпами из живого гранита», либо засыпана обвальными «камнями претыкания»... Тут колесо буксует, скрежещет, и скрежет этот отдается в самых дальних уголках Вселенной...

«КАМЕНІЯ ИСТОРИИ» — ТАК НАЗВАНА СДЕЛАННАЯ МНОЮ СЕРИЯ ПОРТРЕТОВ. ЭТО ТЕ, КТО СОСТАВИЛ «ДОРОГУ БЫТИЯ», ПО КОТОРОЙ КАТИТСЯ КОЛЕСО БОГИНИ КЛИО. ИЗ ВОСЬМИДЕСЯТИ РАБОТ, СОСТАВИВШИХ НА СЕГОДНЯШНИЙ ДЕНЬ СЕРИЮ, Я ХОЧУ ПРЕДСТАВИТЬ ЗДЕСЬ — ВОСЕМЬ.

ЦАРЬ И ВЕЛИКИЙ ГОСУДАРЬ АЛЕКСЕЙ МИХАЙЛОВИЧ РОМАНОВ (1629—1676)

После Великой Смуты и изгнания поляков силами народного ополчения под предводительством князя Пожарского Земский собор в 1613 году избрал на Престол Московских Царей юношу из фамилии бояр Романовых и нарек Царем Михаилом Феодоровичем. В стране наступило относительное затишье. Бояре занялись государственными делами, мужики сеяли хлеб, купцы восстанавливали торговлю, а служилый люд наводил порядок в разоренной стране. Через 32 года Михаила Феодоровича сменил на Престоле его сын Алексей. получил прозвание «Тишайший». После стрелецкой смуты и убийства боярина Морозова активно включился в управление государством. Правительство Алексея Михайловича поощряло торгово-промышленную деятельность, развивало внешнеполитические и торговые связи с Западом. Начата была реформа армии и введение полков так называемого «европейского боя»... Алексей Михайлович отличался редкой последовательностью в своей деятельности. Именно при нем началось и военное продвижение вширь за возвращение

отторгнутых ранее территорий: походы на Смоленск, Вильно, Ригу, воссоединение Украины, война с турками и татарами на Юге...

По традиции, возникшей неизвестно откуда, эпоху первых царей из династии Романовых принято оценивать как «застойную», «сонную», «консервативную», утонувшую в своей «национальной изолированности». Действительно, многое из того, что уже вполне проявилось тогда на Западе, у нас находилось лишь в зачаточном состоянии... Только это отнюдь не свидетельствует о «вековой отсталости Руси»... Несомненно, нашему народу предстояло еще освоение «достижений западной цивилизации». Но, очевидно, можно было бы обойтись и без столь диких и варварских методов «внедрения этих достижений», какими стал пользоваться сын Алексея Михайловича Император Петр Алексеевич. Да и внешняя перемена платья по западноевропейскому покрою вряд ли способствовала кардинальному изменению самого мышления и самосознания русских людей...

Алексей Михайлович вступил на Престол в 1645 году. По молодости лет вначале мало принимал участия в управлении государством — фактически правил его воспитатель боярин Б. И. Морозов. От историков Алексей Михайлович

Что же произошло?! Почему сын его Петр так внезапно «перелопатил» все в государстве?! Сказать, что при Алексее Михайловиче была «застойная эпоха», никак нельзя!.. Да, он ходил в царских бармах и шапке Мономаха, шитыми жемчугом и каменьями. Таковы были исторические традиции и этикет, не считаться с которыми было рискованно. Особенно на Руси, где устоявшиеся веками обычаи были особенно почитаемы и достаточно прочно укоренены в самосознании народа... Западные парадные костюмы королей и придворных того времени отличались не меньшей пышностью, вычурностью и тяжеловесностью... Так в чем же дело, почему нужно было все *перевороошить* с такой злобой, с такой ненавистью к своему народу, пользуясь такими дикими и варварскими методами?.. Думается, историкам предстоит еще немало поломать голову над этими проблемами.

ИМПЕРАТОР ПАВЕЛ ПЕТРОВИЧ ПЕРВЫЙ (1754—1801)

Что мы знаем о нем?.. Только то, что, заняв российский престол в 1796 году, Павел I продержался у власти всего четыре года; что он проводил «политику крайней реакции и слепого подражания прусской военной системе, опираясь на фаворитов и временщиков»...

И ни слова о том, какой это был человек и государственный деятель. Создается впечатление, что все последующие поколения сговорились оправдать «зверское убийство» его и всячески порочили его память... А он в течение сорока лет вынужден был жить в постоянном страхе за свою собственную жизнь — убийство его отца не было для него секретом... Знал он и о казни цесаревича посредственно под собственной эгидой. Император оставался последовательным и убежденным монархистом... Он не думал и не предполагал *ломать* созданную его прадедом государственную систему: он был убежден, что сама система правильная, но *работает*, как теперь принято выражаться, в неправильном режиме... Он рассчитывал преодолеть нестабильность системы проведением серии систематических реформ сверху и шел на это круто, напористо, что вызывало массовый протест у тех сил в самой системе, которых эта система, вне всякого сомнения, устраивала. Как утверждает легенда, незадолго до убийства, идя мимо памятн ика Пет ру Первом у, Павел Петрович услышал

Алексея Петровича и о насильственной смерти царственного узника Иоанна Антоновича... Предугадал он и казнь последнего российского Императора и даже дату падения династии Романовых в 1918 году... Но об этом позже.

Он был по тому времени блестяще образован, знал многие европейские языки, имел обширную библиотеку, слыл незаурядным математиком. Но самое главное — за те годы вынужденного государственного бездействия, которые он, будучи наследником престола, провел в Гатчине, Павел Петрович подготовил столько «проэктов» государственных реформ, столько думал и изучал, что, став императором, изумил окружающих кипучей деятельностью. Тут намечались и перспективы крестьянской реформы, и решение проблемы старообрядчества, и радикальные шаги в области внешней политики (шла переписка с Наполеоном). Замышлялась финансовая реформа, обдумывалось строительство ирригационных сооружений, строились планы создания смешанных акционерных обществ в Северной Америке. Наконец, ставилась цель: добиться «повышения нравственной ответственности дворян»... Правда, все эти грандиозные преобразования Павел Петрович предполагал проводить не- вдруг голос прадеда: «Бедный Павел, бедный Павел!»... Это его потрясло.

Как свидетельствует М. Ф. Герингер, обер-камерфрау Императрицы Александры Федоровны, «в Гатчинском дворце, в анфиладе зал была одна небольшая зала, и в ней посредине на пьедестале стоял узорчатый ларец. Ларец был опечатан»... Именно в этом ларце и хранилось «Письмо Павла I» своему царственному Потомку... Вскрытие ларца состоялось 12 марта 1901 года.

«Николаю Второму, — говорилось в «Письме», — Святому царю, Иову Многострадальному подобному. На венец терновый сменит Он корону царскую, предан будет народом своим: как некогда Сын Божий. Война будет, великая война... По воздуху люди, как птицы, летать будут, как рыбы, плавать, серою зловонною друг друга истреблять начнут. Измена же будет расти и умножаться. Накануне победы рухнет Трон Царский. Кровь и слезы напоят сырую землю. Мужик с топором в безумии возьмет власть и наступит воистину казнь египетская»... М. Ф. Герингер утверждает, что после этого Николай II «стал поминать о 1918 годе как о роковом годе и для него лично, и для династии».

ЦАРЬ И РОССИЙСКИЙ ИМПЕРАТОР ПЕТР АЛЕКСЕЕВИЧ ПЕРВЫЙ (1672—1725)

Официальная История учит нас, что Великий Преобразователь России Петр I был первейшим радетелем собственного Отечества и все делал лишь для *блага* Родины и Народа!..

Выходит, что казни стрельцов, казни и самосожжения раскольников, миллионы трупов, уложенных в качестве «фундамента» под столицу новой империи, наконец, казнь собственного сына — наследника престола — все это делалось и совершалось *ради* все того же призрачного и иллюзорного «блага Отечества». Это он, по словам Пушкина, «Россию поднял на дыбы». Хотя трудно сказать: «на дыбы» или «на дыбу»?.. Очевидно, и так, и этак. Вот и корчится она.

Да, Петр несомненно оправдывает свое имя — «камень»... Он воистину был камнем... Только не тем камнем, который кладут в основание чего-либо, а тем, о который и по сию пору *претыкаются* люди российские и головы разбивают.

Конечно, надо было догонять Запад. Однако, как сказал Н. С. Трубецкой, «задача была выполнена именно так, как нельзя было ее выполнять... Военная мощь была куплена ценой полного культурного и духовного порабощения России». В итоге — «изуродованная Россия»... «За Петром шли либо нерусские, приглашенные на службу иностранцы, либо русские оппортунисты, беспринципные карьеристы, гонящиеся за наживой».

Вне сомнения, реформы были нужны, но без «апокалиптических эксцессов» можно было достичь больших результатов и при меньших жертвах.

Личная одержимость Петра I, вошедшая уже в поговорку, выливалась в яростные порывы коренного преобразования Руси православной, которая мыслилась не иначе как «отсталой», «кондовой», «варварской», — в Россию имперскую с «западным политесом», насаждавшимся еще более дикими и варварскими способами и методами... Этой своей *одержимости* он принес в жертву не только русский народ, вымостив его костями землю во имя процветания Державы, но и сына своего — Цесаревича Алексея Петровича... Неужели же он рассчитывал, подобно библейскому Аврааму, снискать этой «жертвой» Благодать и Благословение Господне? Глух остался Господь — не принял жертвы, не подменил царственного сына бессловесным агнцем... и кровь Цесаревича легла на страну. Ровно через двести лет, в 1918 году, в порыве все той же одержимости был зверски убит другой цесаревич — Алексей... И отцы пошли убивать сыновей, сыновья — отцов, и брат пошел на брата. Максимилиан Волошин назвал Петра I «первым большевиком» — и это верно, ибо он предвосхитил большевиков, готовых пустить в расход половину страны ради светлого будущего грядущих поколений. Петр I делал это ради «славы и величия Империи Российской».

В 1911 году В. В. Розанов писал: «Революция права... Но она права не идеологически, а как натиск, как воля, как отчаяние... Но это не идея, ни в коем случае — не идея»... «Битой посуды будет много, но нового здания не выстроится»... «Новое здание, с чертами ослиного в себе, повалится в третьем-четвертом поколении»...

Что и говорить, Революцию 1917 года, вне всякого сомнения, подготовили пресловутые «реформы Петра Великого»... Но что поразительно: революцию 1917 года *предвидел* и *предрек* более чем за сто лет Император Всероссийский Павел Первый, написавший «знаменитое письмо» своему праправнуку Императору Николаю Второму...

ИОСИФ ВИССАРИОНОВИЧ СТАЛИН (ДЖУГАШВИЛИ) (1879—1953)

О личности Сталина написано достаточно. При жизни верили в его сверхчеловеческие способности. Сегодня его представляют в качестве монстра, параноика, маньяка... Однако фигура Сталина, думается, долго еще будет ждать своего объективного, трезвого и нелицеприятного исследователя. Первые попытки, несомненно, принадлежат Валерию Чалидзе: «Сталин одержал победу над социалистической революцией, уничтожил коммунистическую партию и реставрировал в России Империю в гораздо более деспотической форме, чем это было до 1917 года. При этом он пользовался марксистской фразеологией, скрывая истинные цели. Он обманул всех нас и весь мир».

Правильно. Сталин не мог не появиться на политической арене, более того, он *должен* был появиться. В. В. Шульгин в 1920 году, когда Сталин был, по существу, мало кому известен, предсказал необходимость его появления: «Большевики... подготовляют пришествие самодержца российского!

— Это будет Ленин?.. или Троцкий?..

— Нет!.. Он будет красным по волевым качествам и силе и... белым по задачам, им поставленным... Он будет большевик по энергии и националист по убеждениям».

И он явился. И победил не потому, что «грузин Джугашвили перехитрил еврея Бронштейна». Нет! Победил «реалист», а Сталин был именно *реалистом*...

«Все существо его подчинено было идее победить в России противоестественный «революционный шок», овладевший многими... И он сделал это красиво и отупляюще», — пишет В. Чалидзе. Мороз по коже от этих слов... Но, что делать, такова наша история! Как-то Надежда Яковлевна Мандельштам сказала: «Дело не в Сталине, а в нас!» Вот где «корень зла»: будь мы *иными*, Сталин не овладел бы нами... И все дело действительно в нас — мы вызвали этого демона к власти, вызвали всем ходом истории нашей.

Вот и фигуру Сталина, возможно, люди в конце концов станут воспринимать не иначе как в качестве страшного, но неизбежного возмездия за грехи народные.

РУССКИЕ ПРОРОКИ-ИНТЕЛЛЕКТУАЛЫ И СВЯТЫЕ ПОДВИЖНИКИ

АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ ПУШКИН (1799—1837)

В лицейские годы он вольно перевел четверостишие Дидро, нимало не заботясь о том, какие духовно-нравственные последствия могут от этого свершиться:

Мы добрых граждан позабавим
И у позорного столпа
Кишкой последнего попа
Последнего царя удавим.

Интересно, как повел-бы себя Александр Сергеевич Пушкин, окажись он в подвале Ипатьевского дома в Екатеринбурге в ночь с 16 на 17 июля 1918 года! *Ужаснулся* бы! Несомненно! Но ведь его современники иеромонах Авель Васильев и св. Серафим Саровский предупреждали об этой дате — можно же было ведать, к чему идем...

Мы знаем Пушкина преимущественно по его беллетристике. Подлинный духовно-внутренний Пушкин часто от нас ускользает.

Дар напрасный, дар случайный,
Жизнь, зачем ты мне дана?
Иль зачем судьбою тайной
Ты на казнь осуждена?

Кто меня враждебной властью
Из ничтожества воззвал,
Душу мне наполнил страстью,
Ум сомненьем взволновал?..

Цели нет передо мною:
Сердце пусто, праздно ум,
И томит меня тоскою
однозвучный жизни шум.

Прочитав эти «Стансы», напечатанные в «Северных Цветах» за 1830 год, митрополит Филарет Дроздов ответил Пушкину своими «Стансами»:

Не напрасно, не случайно
Жизнь от Бога мне дана,
Не без воли Бога тайной
И на казнь осуждена.

Сам я своенравной властью
Зло из темных бездн воззвал:
Сам наполнил душу страстью,
Ум сомненьем взволновал.

Вспомнись мне, Забвенный мною!
Просияй сквозь сумрак дум,
И созиждится Тобою
Сердце чисто, светел ум.

Ответ Владыки подействовал на Пушкина отрезвляюще. Конечно же, в самой душе поэта шла кипучая духовная работа — без нее, наверное, ничего бы не подействовало. Гениальность Пушкина состояла в том, что он умел и дерзал судить себя сам и исповедоваться перед Богом и людьми. Так были написаны новые «Стансы» (19 января 1830 года) — ответ Владыке Филарету.

Странно иное: пути Пушкина так никогда и не пересеклись с путями Серафима Саровского — два современника, оказавшие такое величайшее влияние на духовно-религиозную природу народа русского, не видели друг друга.

ПРЕПОДОБНЫЙ СЕРАФИМ САРОВСКИЙ (1757—1833)

Родители Преподобного Серафима Исидор и Агафья Мошнины жили в Курске. Отец был купцом и занимался строительными подрядами. После смерти отца маленький Прохор остался на попечении матери. Однажды он упал с лесов строящегося собора, но не разбился — Господь сохранил жизнь будущему Светильнику Духа Православия. Прохор обладал прекрасной памятью и вскоре выучился грамоте. Он читал в храме, но предпочитал уединенную молитву. Его мечтой стал монастырь. Мать не препятствовала и благословила сына. Прохор с паломниками ушел в Киев, и там старец Досифей

благословил его идти в Саровскую Пустынь и там спасаться. В 1778 году Прохор поселился в Саровской обители под началом старца о. Иосифа. Помимо физического труда на монастырском послушании, он углублялся в лес для «умной молитвы», где и удостоился Таинственного Видения Божьей Матери и Апостолов. После восьми лет послушания Прохор принял монашеский постриг с именем Серафима. В 1793 году его рукоположили во иеромонахи. Пятнадцать лет Пр. Серафим совершал подвиг уединения и тысячедневной молитвы на камне. Уединение его нарушал лишь медведь, которого Преподобный кормил из собственных рук хлебом. Обладая даром провидения, он многих наставил на Путь Истины; имея дар чудотворного исцеления, многих вернул к активной жизнедеятельности, в том числе и Николая Александровича Мотовилова (1808—1879). Люди потоком потекли к Преподобному Серафиму. 1 января 1833 года он благословил собравшихся в храме словами: «Спасайтеся, не унывайте, бодрствуйте», а в 6 часов утра 2 января его нашли мертвым, стоящим на коленях в молитвенной позе; свеча выпала из рук, и тихонько на полу тлела ветошь... Недавно в бумагах покойного о. Павла Флоренского были обнаружены документы Елены Ивановны Мотовиловой (ум. в 1910 г.), вдовы Н. А. Мотовилова, человека достаточно близкого к Преподобному Серафиму. Именно там и были обнаружены рукописи: «Великая Дивеевская Тайна» и «Антихрист и Россия». В последней есть такой фрагмент: «До рождения Антихриста произойдет великая война и страшная революция в России, превышающая всякое воображение человеческое, ибо кровопролитие будет ужаснейшее. Произойдет гибель множества верных Отечеству людей, разграбление церквей и монастырей... Реки крови русской прольются»...

С Еленой Ивановной Мотовиловой связана и такая полная тайн история. На торжество открытия мощей Преподобного Серафима Саровского в Сарове 17—19 июля 1903 года приехала и Царская фамилия. Государю известно было, что Елена Ивановна Мотовилова хранила переданное ей Н. А. Мотовиловым письмо, писанное Преподобным Серафимом и запечатанное хлебным мякишем. Письмо было адресовано Императору и передано Мотовилову со словами: «Ты не доживешь, а жена твоя доживет, когда в Дивеево приедет вся Царская Фамилия, и Царь приедет к ней. Пусть она Ему передаст...» Государь принял письмо, с благоговением положил его в грудной карман, сказав, что будет читать письмо после... Когда Государь прочитал письмо, уже вернувшись в игуменский корпус, Он горько заплакал. Придворные утешали его... но Государь плакал безутешно. Содержание письма осталось никому не известным...

Шли годы, и предреченное Преподобным Серафимом обретало «плоть» и «кровь». Пророки-интеллигенты тоскливо вопрошали: «Где вы, грядущие Гунны?»... И Гунны явились, не заставили себя долго ждать, неся с собой «неслыханные перемены», «невиданные мятежи».

АЛЕКСАНДР ИСАЕВИЧ СОЛЖЕНИЦЫН (р. 1918)

Вне всякого сомнения, Александр Исаевич Солженицын — это гениальная личность, но личность «особого склада»... Несомненно — «писатель», «литератор», когда-то даже бывший членом ССП, но, с другой стороны, называть его «писателем» как-то странно и неудобно. Когда читаешь все им написанное, впечатление такое, будто писано не пером, не чернилами, не шариковой ручкой, не на пишущей машинке отстукано. А писано «жертвенной кровью» и «оголенными нервами», «истерзанной душой» и «пробитым сердцем»...

Сила Солженицын — в самой *анатомии* духа человеческого, в анатомии, которая не убивает, а, наоборот, *животворит*. Его персонажи — это не только реальные люди, но, прежде всего, это живые души, *мятущиеся в «тенетах зла и искушений»*. А это уже не реальный, физический уровень, но уровень *метафизический*... И чем подробнее и скрупулезнее Солженицын описывает бытовые детали объективной реальности, тем отчетливее обозначается *мистический* фон нарастающего ужаса...

Что касается таких монументальных полотен, как «Архипелаг ГУЛАГ» и «Красное Колесо», то это нечто совершенно новое, «стандартной литературе» неведомое и литературной критикой еще не определенное. Тут совершенно неуместны замечания типа: «Для чего столько ужасов?» или: «К чему такое насыщение романа историческими документами?»... «Нужно что-либо одно: либо роман, либо научная диссертация».

Солженицын самобытен и неповторим — и в языке, и в мыслях, и в мудрости своей, и в средствах и способах изложения самого материала.

АНДРЕЙ ДМИТРИЕВИЧ САХАРОВ (1921—1989)

Академик, трижды Герой Социалистического Труда, создатель водородной бомбы, правозащитник с мировой славой... Идеальный борец за демократию, классический *интеллигент* XX века.

«Желанный гость» на так называемых «диссидентских кухнях», где советская интеллигенция приноровилась обсуждать самые разнообразные пороки системы. Система не простила, отправила в «почетную ссылку» в режимный город Горький, как говаривали в старину, «под негласный

надзор полиции». С началом Перестройки система возвратила из «почетной ссылки» в Москву. Сахаров становится народным депутатом СССР. Но до конца дней своих остается в роли *«диссидентствующего»* уже в силу того, что вся атмосфера Высшего Органа Государственной Власти, с трибуны которого Сахаров своим нетвердым, тихим голосом просвещает народных избранников, отторгает его. Не выдержав, Сахаров уходит из жизни на 69 году. Классический тип «интеллектуала». Человек не религиозный в православном понимании этого слова, не пожелавший быть похороненным по церковному обряду, он как-то не задумывался над тем, сможет ли человек выжить без тайного касания МИРА ИНОГО, как выражался Достоевский. Прожить, быть может, и проживет, но *выжить — нет!*.. Я думаю, в этом и состояла драма Андрея Дмитриевича Сахарова. Кто-то с этим не согласится... Что делать — сам Сахаров уважал иные мнения.

КАМНИ ФУНДАМЕНТА

Из восьми десятков портретов, составляющих у Николаева цикл «Каменія истории», он обычно набирает тройки (триады, троицы) и показывает их как складни. Возникает нечто гегельянское, или, архаично выражаясь, нераздельно-неслиянное: проступает некая тайна, некая мистическая «тема», которую Николаев развивает и комментирует громовым командирским голосом. Этот голос у него, наверное, с войны, когда двадцатилетний лейтенант, перекрикивая залпы, подавал команды, воюя на Волховском фронте, а потом в Венгрии и Австрии.

Голос с той поры не умерился, а вот воззрения ушли далеко и от школьных компрописей 30-х годов (к войне как раз школу кончил), и от соцреалистских канонов, преподававшихся во ВГИКе 40-х (демобилизуясь, выставлял одну причину: буду учиться на художника кино).

Стал художником книги. Дома — особый шкаф: авторские экземпляры, около двухсот. Полно советской классики. Впрочем, можно и Вирту так проиллюстрировать, что камни возопят. Не говоря уже об Айтматове и Булгакове. А Пушкин, Толстой, Гоголь, Лермонтов — те просто перепахали лейтенанта. Меж шкафами на стенах — серии картин на библейские и евангельские сюжеты. Если книжные иллюстрации Николаева были широко известны и непрерывно издавались (одно время ходил в соперниках и оппонентах Дементия Шмаринова — сотрудники Музея Толстого «выбирали»: кто за кого), то религиозные циклы укрывались, показывались немногим. Так что усмешки Андрея Владимировича в адрес интеллигентов, катакомбно собиравшихся на кухнях, можно переадресовать ему самому: если и не на кухне, то в мастерской (она же кухня) смотрел я в 70-е и 80-е годы многое из того, что только теперь демонстрирует Николаев открыто.

И лекции-проповеди импровизированные в той же мастерской слушал. А потом читал — сначала в рукописных тетрадках (оформленных, разумеется, с высшим пониманием красоты манускрипта), а потом в переплетенных томах машинописи (оформленных, разумеется, в скромно-сдержанном стиле «самиздата»).

Темы этих сочинений были мне близки: Россия, распятая меж верой и неверием; наука, силящаяся постичь непостижимое; человек, разрываемый меж той и этой правдой... Многое трогало, многое убеждало, хотя церковно-богословский язык был по моим привычкам труден и тяжек; последовать за моим собеседником я не отваживался: ни под сень церкви, ни в глубины каббалистики, ни в мистические подтексты истории. Я искал другого: ждал, чем этот интерес к таинственным смыслам русской истории обернется в судьбе художника.

И когда Николаев показал мне первую дюжину портретных «троиц», я понял: это то самое. Русская история в портретах. Взятая «с исподу» официоза (то есть наперекос или даже навыворот общепринятому). Увиденная с некоей таинственной точки. С некоего «камня», которого не сдвинули потоки.

Разумеется, все это бесконечно спорно. Интеллигенты как грешники. Волки и агнцы порфироносные. Камения истории, претыкающие путь, обваливающиеся на путника, встающие стеной, ложащиеся мостом. Но рука художника! Но лики хрестоматийных деятелей, вывернутые из наших представлений, как камения из мостовой!

О Петре Великом мы так и не договорились. Пахан озверелый, челюсть выставил, усы торчком! Глаза белые от злобы! Да что ж он кнутовьем-то одним тут повернут, ведь не станете же вы отрицать, что вся двухсотлетняя история России и слава ее культурная нынешняя — с Петра начинается, что полярно противоположные гении нашей культуры, слева и справа, считали себя детьми именно Петровской России!

Цена прогресса высока? О, высока. Алексей Михайлович дешевле сулил, мягче был. Вот и вплывает медлительный, в бармах, в николаевскую серию. А если разинщину вспомнить? Тогда, глядишь, тишайший миротворец в шапке Мономаха вряд ли кого умилит. Уж скорее возникнет в воображении невысокий, ловкий, легкий, приглядчивый коварный мужичок, зорко высматривающий цели из-за спин непосредственных исполнителей.

Вот Павел — да, забирает. Не «солдафон» прусский, не псих непредсказуемый, а, простите, интеллигент, в Гатчине высидевший свои идеальные «проэкты», а потом на Россию напоровшийся. Да ведь и Петр на нее напоролся, только совладал. А Павел — не совладал. Вот это в николаевском портрете видно: что не совладает. Глаза печальные. Пудры много.

Сталинский портрет — это, конечно, что-то потрясающее. Литая сила. Литая, лютая, сама в себе уверенная. И знаете, что действует? Бугристая, словно бы маслом смазанная, грубая фактура лица. Желтизна кожи встык огоньку трубки. И никакой пудры. И никакой истерики. Плаха. Исполнение. Точка.

Пушкин у Николаева неожидан и интересен. Спорен. Опять эти белые глаза, «петровские». А гармония где, а озорство, а живость «сверчка», а то, что в Пушкине подкупало и с ним примиряло? Нету. Есть — страх безумия. Это тоже правда: безумие он предчувствовал. Безумие страны. Не к Филарету бы его — к Серафиму. Не к тому, что «шестикрыл», а к тому, что в Сарове. В одной стране жили, в одно время — не увиделись. Да и ведали ли друг о друге?

Солженицын и Сахаров — те ведали, даже спорили. Две ветви свободной русской мысли XX века: консервативная и либеральная. Степная снежная стужа, загнавшая огонь глубоко под робу зэка Щ -262. И пестрые, теплые, тайные огоньки уютных «интеллигентских кухонь», от которых уходит в вечность холодноватая отрешенная фигура академика, словно бы живущего «по ту сторону» вещей.

Монологи, которыми Николаев сопровождает свои картины, наверное, многим покажутся вызывающими, а иные даже уловят в них нечто «фундаменталистское».

Уловят, надо думать, и другое: стремление заклясть «хаос истории», разгул зла в ней, одержимость ее действующих лиц. Стремление найти под хаосом нечто прочное, каменное. Чтобы была если не надежность, то надежда.

ЛЕВ АННИНСКИЙ,
обозреватель журнала «Родина»

ФЁДОР АСПИДОВ,
ДМИТРИЙ СТЕПАНОВ

ПОДЪЁМ – ПЕРЕВОРОТ

ПЕТР НАПИСАЛ КОСНЕЮЩЕЙ РУКОЙ:
«ОТДАЙТЕ ВСЕ...» СУДЬБА ЖЕ ДОПИСАЛА:
«...РАСПУТНЫМ БАБАМ С ХАХАЛЯМИ ИХ».

Максимилиан Волошин. Поэма «Россия»

Спросите любого историка, что он знает о дворцовых переворотах в России XVIII века? Скорее всего, он начнет со знаменитой ленинской фразы: *«Они были до смешного легки»*. Это высказывание, даже потеряв свой грозный контекст о бесполезности любой борьбы, не затрагивающей классовых интересов[1], перевесило гору академических трудов и публикаций.

Теперь, когда хорошо видно, что судьба преобразований в России всегда решалась в последующие за реформами десятилетия, механизм переворотного процесса требует самого серьезного к себе отношения.

1. ХРОНИКА СОБЫТИЙ

В статье Е. В. Анисимова «Смерть в конторке» («Родина», № 1, 1993) уже рассказывалось, как лихо Петр Великий сломал устоявшуюся систему престолонаследия. И теперь, по прошествии не лет — веков, историки не сходятся во мнениях по поводу иерархии прав на российский престол наследников и наследниц императора[2]. Вслед за личностью царя-преобразователя выстроилась любопытнейшая компания правителей (их краткие характеристики также помещены в «романовском» номере «Родины»). Приведем сжатую хронику перемен при дворе со времени смерти Петра, случившейся 28 января 1725 года.

Действие первое. Воцарение сорокалетней Екатерины I (она же прачка Марта Скавронская, супруга шведского драгуна, военный трофей сначала фельдмаршала Шереметева, затем А. Д. Меншикова и, наконец, законная супруга Петра I, за год до его смерти торжественно коронованная). Водружена на престол «новой знатью» во главе с Меншиковым при поддержке гвардии.

Действие второе. Смерть Екатерины 16 мая 1727 года. На троне оказался двенадцатилетний Петр II Алексеевич, сын опального царевича Алексея Петровича. Появление на троне малолетнего внука Петра — дело рук Меншикова, усиленно подталкивавшего мальчика к женитьбе на своей шестнадцатилетней дочери Марии.

Действие третье. Старорусская партия во главе с Голицыными и Долгорукими перехватывает инициативу у захворавшего Меншикова. В результате сентябрьского заговора 1727 года «полудержавный властелин» сначала оказался под домашним арестом, а затем указом императора был сослан вначале под Воронеж, в крепость Раненбург, а в следующем, 1728 году в далекий Березов, где и умер 12 ноября 1729 года.

Действие четвертое. Смерть Петра II от черной оспы в ночь с 18 на 19 января 1730 года означала прекращение династии Романовых по мужской линии. Переворот, учиненный членами Верховного тайного совета (ВТС, о нем еще пойдет речь) с целью ограничения самодержавия; «Кондиции». Призвание на престол тридцатишестилетней Анны, дочери брата и соправителя Петра — Ивана V.

Действие пятое, спустя пять недель после предыдущего: контрпереворот Анны Иоанновны 25 февраля 1730 года. Возврат к неограниченному самодержавию, десятилетнее торжество фаворита императрицы, бывшего конюха Эрнста Иоганна Бирона и ловкого придворного интригана еще петровской закваски Генриха-Иоанна-Фридриха (в обиходе Андрея Ивановича) Остермана.

Действие шестое. После смерти Анны Иоанновны (17 октября 1740 года) на престоле оказался сын ее племянницы двухмесячный Иван VI Антонович, а регентом при нем Бирон.

Действие седьмое, спустя двадцать дней после предыдущего. В ночь с 8 на 9 ноября 1740 года фельдмаршал Бурхард Кристоф Миних с гвардейцами свергБирона и предоставил регентство матери малолетнего императора двадцатидвухлетней Анне Леопольдовне. Звезда Миниха вскоре закатилась: 3 марта 1741 года указом Анны Леопольдовны было постановлено его *«от воинских и статских дел уволить»*.

Действие восьмое, год спустя: очередной переворот гвардии. В ночь с 24 на 25 ноября 1741 года младенца свергли, и на трон поднялась дочь Петра от второго брака Елизавета. Иван VI вплоть до смерти (1764) находился в заточении.

Действие девятое. После кончины Елизаветы Петровны 24 декабря 1761 года случилась удивительная вещь — переворота не произошло. Императором провозгласили тридцатитрехлетнего Петра III, сына старшей дочери Петра Великого Анны. На российском правящем Олимпе утвердилась новая линия — Гольштейн-Готторпская.

Действие десятое и на тот момент последнее. Переворот гвардии 28 июня 1762 года, отстранение Петра III от власти, а затем и хладнокровное убийство бывшего императора знаменуют начало тридцатичетырехлетнего правления Екатерины II (1762—1796). Будет еще свержение Павла I (11 марта 1801 года), но эпоха, порождавшая перевороты в массовом порядке, по мнению большинства историков, закончилась.

2. КТО УПРАВЛЯЛ МАРИОНЕТКАМИ?

Не будем много говорить о борьбе перечисленных выше коронованных особ за свои подлинные или мнимые права. Претендент что-либо значил только в том случае, если за его спиной оказывалась политическая группировка со сложившимися идеалами и интересами. Борьба сформировавшихся партий и определяла в конечном итоге исторический путь России в виде равнодействующей разных политических векторов.

При всей пестроте «переворотного процесса» четко выделяются три важнейших направления: первое продолжает путь Петра — полнокровное и полноправное вхождение страны в систему европейских государств. Второе, прямо противоположное, ориентировано на замкнутую в себе средневековую Россию со строго дозированными контактами с Западом, которые исключали бы возможность заразиться от этого «неизлечимого больного», как выражался в XIX веке С. П. Шевырев[3]. Третий вектор был направлен в сторону колонизации России активными европейскими жуликами, вдруг получившими доступ к несказанно богатой кормушке — кормилу власти — благодаря стараниям русских с виду коронованных особ.

Но российская система управления зиждилась не только на самодержцах. В послепетровской России «могли быть приняты совсем другие решения». Все знаменитые «достижения» нашей политической системы — Верховный (правда, ко всему еще и тайный) совет, нечто похожее на конституцию, гигантская роль армейской верхушки — уже были перепробованы в первой половине позапрошлого века... Тайную пружину смены власти в России надлежит разыскивать именно в этих структурах.

Уже в мае 1725 года пошел слух о намерении создать вокруг трона кружок неродовитых друзей императрицы с Меншиковым во главе, который встанет выше Сената[4]. А указом 8 февраля 1726 года был учрежден Верховный тайный совет, и вправду подвинувший Сенат и ставший, по выражению В. О. Ключевского, «как бы расширением единоличной верховной власти в коллегиальную форму»[5]. Из шести вошедших в него действительных тайных советников лишь один — князь Д. М. Голицын — был представителем старой знати. Четверо — президент Военной коллегии А. Д. Меншиков, президент Морской коллегии Ф. М. Апраксин, президент Иностранной коллегии канцлер Г. И. Головкин и глава Тайной канцелярии П. А. Толстой — обеспечили в Верховном тайном совете подавляющий перевес сторонников петровского курса. Сам образ политического мышления этих «птенцов гнезда Петрова» сформировался Петром и при Петре — по-другому они работать еще не научились. Отметим, что во время их правления была предпринята попытка облегчить тяжесть подушной подати, ограничить чиновничий произвол[6]. Линия шестого — вице-канцлера А. И. Остермана — была предельно проста. Пока в силе большинство — этот изощреннейший интриган поддерживает силу (потому и продержался дольше и прочнее всех остальных). Ни дать ни взять — родимое Политбюро. Представители всех трех придворных партий, будучи не в силах окончательно устранить конкурентов, пошли на компромисс.

Впрочем, кончилась эта затея плохо. По смерти Петра II ВТС решился было официально ограничить самодержавие, призвав из курляндского захолустья «ни на что не претендующую» Анну Иоанновну. Господа верховники вроде бы все верно рассчитали: принцесса согласилась на их условия, и 19 января 1730 года, по прошествии всего лишь суток после кончины предыдущего монарха, на свет божий проник один из самых революционных документов русской истории, рожденный законным правительством. Это были знаменитые «Кондиции», сочиненные коллективом авторов в составе: «канцлер граф Головкин, князь Михайла Голицын, князь Василий Долгоруков, князь Дмитрий Голицын, Андрей Остерман, князь Алексей Долгорукий» (таков был на тот момент состав ВТС; Остерман, впрочем, спрятался, сказавшись больным). Вот полный текст «Кондиций»:

«Понеже по воле всемогущего Бога и по общему желанию российского народа мы по преставлении всепресветлейшего державнейшего великого государя Петра Второго императора и самодержца Всероссийского, нашего любезнейшего государя племянника, императорский всероссийский престол восприяли и, следуя божественному закону, правительство свое таким образом вести намерена и желаю, дабы оное вначале к прославлению божеского имени и к благополучию всего нашего государства и всех наших верных подданных служить могло, того ради чрез сие наикрепчайше обещаемся, что наиглавнейшее мое попечение и старание будет не только о содержании, но о крайнем и всевозможном распространении православной нашей веры греческого исповедания, такожде по принятии короны российской в супружество во всю мою жизнь не вступать и наследника ни при себе, ни по себе никого не определять. Еще обещаемся, что понеже целость и благополучие всякого государства от благих советов состоит, того ради мы ныне уже учрежденный Верховный Тайный Совет в восьми персонах всегда содержать и без оного Верховного Тайного Совета согласия:

1) Ни с кем войны не исчинять.

2) Миру не заключать.

3) Верных наших подданных никакими новыми податями не отягощать.

4) В знатные чины, как в статские, так и в военные, сухопутные и морские, выше полковничья ранга не жаловать, ниже к знатным делам не определять, и гвардии и прочим полкам быть под ведением Верховного Тайного Совета.

5) У шляхетства живота и имения, и чести без суда не отымать.

6) Вотчины и деревни не жаловать.

7) В придворные чины как русских, так и иноземцев без совету Верховного Тайного Совета не производить.

8) Государственные доходы в расход не употреблять. И всех верных своих подданных в неотменной своей милости содержать. А буде чего по сему обещанию не исполню и не додержу, то лишена буду короны российской»[7].

Под знаком почти конституционных вольностей прошло пять недель. Члены ВТС упорно стремились присвоить себе всю полноту власти, не желая при этом поделиться ею с дворянской массой, которая весьма подозрительно смотрела на ловкие упражнения чрезмерно узкой компании избранных. Прибывшая в Москву (куда при Петре Втором переехал двор) Анна Иоанновна очень быстро распознала наиболее выгодную ей форму правления: 25 февраля она прилюдно порвала «Кондиции». Конституция не состоялась, ВТС отправили на свалку истории, Долгоруких — в ссылку. Голицыны поначалу отделались опалой. Вовремя выздоровевший Остерман оказался во главе Кабинета министров — пародии на ВТС. С представительным правлением было покончено очень надолго.

Механизм перетягивания одеяла власти на себя был чрезвычайно опасным: по хрестоматийной фразе того же Ключевского, «дворец и крепость стояли рядом, поддерживая друг друга и обмениваясь жильцами»[8]. Достичь чего-то усилиями только одной партии, группировки было нереально, успех, как правило, определяло объединение различных интересов. «Орудием производства» при переворотах неизменно служила гвардия; тот, кто наилучшим образом ублажал гвардейцев, мог рассчитывать на относительно длительное правление.

Перевороты совершались отнюдь не равномерно, десять аннинских лет и два десятка елизаветинских чередовались с бурными временами, когда «караул (сиречь гвардия) уже устал» и истосковался по привычному делу: спихиванию правителей с трона. Процедура телодвижений по захвату власти чаще всего напоминала крыловскую басню про лебедя, рака и щуку: ни одна из трех группировок при дворе не могла обеспечить себе длительное, безопасное и безотчетное правление.

Внешняя «легкость» переворотов на поверку чаще всего оказывалась не смешной, а трагической — Березов и Пелым отлично успокаивали чрезмерно ретивых и опрометчивых политиков. Попутно первая половина XVIII века блестяще подтвердила знаменитую истину о том, что всякая кухарка может управлять государством. Прачка Екатерина I, торговец пирожками с зайчатиной Меншиков и конюх Бирон блистательно показали, что из этого получится. Сожаления советских историков по поводу того, что Разин и Пугачев потерпели поражение, бессмысленны: в случае их победы Россия насладилась бы очередной вариацией правления перечисленных выше «лучших представителей народа». Устроители последовавших за «эпохой дворцовых переворотов» путчей, оппозиций и революционных ситуаций (исключая переворот, виртуозно осуществленный в октябре 1917-го) безоглядно проходили мимо богатейшего наследия предшественников, на чем и засыпались: выходит, что история имеет еще и немалое прикладное значение...

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Слава богу, уже появились взрослые люди, которым эту столь набившую оскомину цитату надо напомнить: *«Дворцовые перевороты были до смешного легки, пока речь шла о том, чтобы от одной кучки дворян или феодалов отнять власть и отдать другой»* (Ленин В. И. ПСС. Т. 37. С. 443).
2. В день смерти Петра 28 января 1725 года в равных правах, а точнее, в равном бесправии на императорский трон оказалось девять человек: овдовевшая императрица Екатерина Алексеевна, две ее дочери от Петра Анна и Елизавета, внуки Петра и его первой жены Евдокии Лопухиной (дети Алексея Петровича) Петр и Наталья, дочери царя Ивана (соправителя Петра до 1696 года) Анна, Прасковья и Екатерина, а также дочь Екатерины Анна Леопольдовна. В связи с этим В. О. Ключевский утверждал, что на престол после смерти Петра попадали *«не по какому-либо порядку, установленному законом или обычаем, а случайно, путем дворцового переворота или придворной интриги»* (Ключевский В.О. Сочинения в 9 томах. Т. 4. М., 1989. С. 237).
3. Шевырев С. П. Взгляд на современное состояние Европы// Москвитянин, 1841, 1. С. 247.
4. Сборник Русского Исторического Общества. Т. 58. С. 247.
5. Ключевский В. О. Указ. соч. Т. 4. С. 251.
6. Павленко Н. И. Александр Данилович Меншиков. М., 1989. С. 122—123.
7. Корсаков Д. А. Воцарение императрицы Анны Иоанновны. Казань, 1880. С. 17—18.
8. Ключевский В. О. Указ. соч. Т. 4. С. 245.

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

1. Безвременье и временщики. Воспоминания об «эпохе дворцовых переворотов» (1720-е — 1760-е годы). Подготовка текста, комментарий, вступительная статья Е. В. Анисимова. Л., 1991.
2. В борьбе за власть. Страницы политической истории России XVIII века; Анисимов Е. В. Россия в середине XVIII века; Эйдельман Н. Я. Грань веков. М., 1988.
3. Со шпагой и факелом. Дворцовые перевороты в России. 1725—1825. Составление, вступительная статья, комментарии М. А. Бойцова. М., 1991.

«Усердие все превозмогает!» Мало кто знает, что этот афоризм Козьмы Пруткова не был плодом раздумий «директора Пробирной Палатки». В этой мысли самому Козьме принадлежит только завершающий ее восклицательный знак. Афоризм позаимствован с графского герба генерал-адъютанта и генерала от инфантерии Петра Андреевича Клейнмихеля.

ПИГМЕЙ

СЕМЕН ЭКШТУТ,
кандидат философских наук

Нравственность, прилежное служение, усердие предпочесть должно просвещению неопытному, безнравственному и бесполезному.
Бенкендорф — Пушкину, 23.XII.1826.

Сын директора Кадетского корпуса, павловского любимца, Клейнмихель с младенческих лет был записан подпоручиком лейб-гренадерского полка. Его головокружительная карьера начинается с назначения адъютантом графа Аракчеева. За несколько месяцев до вторжения Наполеона Аракчеев, сам ни разу в жизни не сразившийся с врагом на поле брани, устраивает своему не нюхавшему пороха адъютанту перевод тем же чином в Преображенский полк. Подобный перевод тогда мог разрешить только царь, делавший это крайне редко и, как правило, за воинскую доблесть, проявленную в боях (даже в этом случае обычно переводили на два чина ниже).

Дореволюционные энциклопедии и биографические словари хранят единодушное молчание относительно его непосредственного участия в боевых действиях, хотя известно, что в кампаниях 1812—1814 годов Клейнмихель неизменно состоял при штабе Гвардейского корпуса. После Бородинской битвы Петр Андреевич был послан в армию с депешами из Петербурга. Желая сделать приятное его патрону, командование включило Клейнмихеля в общий наградной список. Клейнмихель получил за Бородино орден св. Владимира 4-й степени с бантом — орден, которым награждали только за боевые подвиги. «Клейнмихель и после того не бывший в сражениях против неприятеля, всегда кичился этою наградою, полагая, что никто не знает, что он не имел права на ее получение: храбрость не принадлежала к числу его добродетелей»[1]. Докладывая А. Х. Бенкендорфу о настроениях умов в Петербурге в июле—сентябре 1826 года, управляющий Третьим отделением М. Я. фон Фок отметил, что **общественное мнение** столицы осуждает назначение Клейнмихеля генерал-адъютантом Николая I, потому что он «не нюхал пороха»[2].

Нет, он в битвах не бывал —
Шаркал по гостиным
И по плацу выступал
Шагом журавлиным.

(Д. В. Давыдов. «Современная песня»)

Отсутствие боевого опыта совсем не мешает его успешной карьере. Клейнмихель отличается беспрекословным, точным и своевременным исполнением распоряжений Аракчеева. «Клейнмихель — это Аракчеев в более позднем и несколько исправленном издании» (М. И. Семевский). 16 мая 1814 года Клейнмихель произведен во флигель-адъютанты императора.

В это время царь начинает «подтягивать» гвардию на бесчисленных смотрах, вахтпарадах, разводах. Вновь, как во времена Павла I, «...парад становился эстетизированной моделью не только военной, но и общегосударственной организации. Это был громадный спектакль, ежедневно утверждающий идею самодержавия»[3]. 30 августа 1814 года Клейнмихель был назначен Санкт-Петербургским плац-майором. С этих пор он порывает все связи с прежними товарищами по Преображенскому полку (где продолжает числиться), опасаясь, что царь сможет заподозрить его в послаблениях однополчанам. Клейнмихель появляется на учениях, предшествующих разводу Александра I, с записной книжкой, куда заносит для доклада императору все упущения в строевой выучке гвардейских полков. Можно представить, какой ужас внушала современникам эта книжка, если даже спустя полвека о ней расскажут в своих воспоминаниях вернувшиеся из Сибири декабристы Матвей Муравьев-Апостол и Александр Поджио. Ретивость и усердие Клейнмихеля оплачивались соответственно: в 1816 году, в 22 с половиной года, он пожалован чином полковника.

Усердное и беспрекословное, точное и своевременное исполнение становится законом всей жизни «фрунтового профессора». Разумеется, охотников «подтянуть» армию в распоряжении царя было довольно. Многие из них полагали, что война же лишь «портит» армию, ослабляет дисциплину и нарушает

...воинственную живость
Потешных Марсовых полей,
Пехотных ратей и коней
Однообразную красивость...

(А. С. Пушкин. «Медный всадник»)

Но среди всех этих знатоков «фрунтовой акробатики», вырывающих усы заслуженным гренадерам и дающих сотни палок за ошибки в учении, никто, кроме Клейнмихеля, не мог похвастаться девственной белизной той графы послужного списка, где указывалось участие в сражениях, походах и боях.

Через несколько лет после окончания наполеоновских войн Александр I начинает усиленно насаждать военные поселения. Желание государственных преобразований постепенно вытесняется у царя жаждой «недвижного покоя», а армия начинает рассматриваться «как модель, по которой надлежит строить государственный (а в военных поселениях — даже экономический и семейный) быт»[4]. Клейнмихель, назначенный в 1819 году начальником штаба военных поселений, «делал свое дело». Своей жестокостью он поразил даже Аракчеева, который стал пугать подчиненных именем бывшего своего адъютанта. Клейнмихель «производил свирепые неистовства» и всегда был «способен на приведение в исполнение зверских приказаний». Крайне любопытно: А. И. Дельвиг подметил, что «в Клейнмихеле, несмотря на его зверства, постоянно до старости была заметна какая-то женственность».

По поручению Аракчеева Клейнмихель займется делами политического сыска. После восстания Семеновского полка он первым начнет искать причину возмущения солдат в воздействии со стороны тайного общества. Но напасть на след тайного общества ни Клейнмихелю, ни Аракчееву так и не удалось. По словам декабриста Г. С. Батенькова, знавшего об этом из первых рук (он служил в штабе поселений около трех лет), «все разыскания о тайных обществах были более злобны и ничего не доказывали»[5].

В 1820 году Клейнмихель стал самым молодым генералом русской армии. Всего шестью годами ранее моложе всех остальных генералов были будущие декабристы Сергей Волконский и Михаил Орлов. Известный биограф императора Н. К. Шильдер писал о последнем десятилетии царствования: «Александр... уже не был и не мог быть Александром первых лет; он искал отныне не смелых реформаторов, а прежде всего исправных делопроизводителей, бдительных и строгих блюстителей внешнего порядка»[6].

Смерть Александра I и отставка Аракчеева не отразятся на карьере Клейнмихеля. Он не растерялся и написал новому императору донос на своего благодетеля: Аракчеев был вынужден униженно оправдываться перед Николаем. Клейнмихель будет пользоваться безусловным доверием Николая I и станет одним из столпов «прозаического» николаевского царствования. Во время коронации Николай I пожалует Клейнмихеля своим генерал-адъютантом. «Это сущие пигмеи», — отзовется о новых генерал-адъютантах историк А. И. Михайловский-Данилевский, сравнивая их со свитой Александра I[7]. В 1832 году Клейнмихель назначается дежурным генералом Главного штаба, а в 1835-м — директором Департамента военных поселений.

Успешная карьера Клейнмихеля получила вскоре мощное ускорение. В его доме жила родственница Варенька Нелидова — фрейлина императрицы и фаворитка императора. Связь Николая Павловича с Нелидовой была на удивление прочной и продолжительной и приобрела скандальную известность. Клейнмихель в глаза называл Вареньку «стервой» и даже при детях аттестовал со всем возможным непотребством. «Казарменное неприличие в его обращении доходило до невероятия». Однако Клейнмихель не только не мешал встречам императора с Нелидовой в своем доме, но и не погнушался сполна использовать «**случай**» Вареньки (глупо было бы упускать такие возможности!): «При частых посещениях Государя, Клейнмихель умел выказать ему свою неограниченную преданность, полное усердие к службе и энергию при беспрекословном исполнении даваемых ему Государем приказаний. Подобная личность была идеалом служак, каких Государь желал иметь везде, и потому понятно, что Клейнмихель вскоре попал в большую милость...».

Николай I высоко оценит удивительную способность Клейнмихеля исполнять в указанные сроки любые распоряжения, не считаясь при этом ни с людскими, ни с материальными издержками. Уже в марте 1839 года под руководством Клейнмихеля был необычайно быстро восстановлен сильно пострадавший от пожара в декабре 1837 года Зимний дворец. Скорость строительства объясняется применением новых по тому времени проектных и технических решений (деревянные перекрытия между этажами были ликвидированы и заменены перекрытиями из металла и камня) и огромными человеческими жертвами.

«Нужны были невероятные, сверхчеловеческие усилия, чтобы закончить постройку в назначенный императором срок. На внутренней отделке продолжали работу в самые жестокие морозы. Всего на стройке было шесть тысяч рабочих, из коих ежедневно многие умирали, но на смену этим несчастным пригоняли тотчас же других, которым, в свою очередь, суждено было вскоре погибнуть. И единственной целью этих бесчисленных жертв было выполнение царской прихоти»[8]. Клейнмихель успешно выполнил царскую прихоть, и награда не заставила себя долго ждать. Восхищенный царь возвел Клейнмихеля в графское достоинство и приказал выбить в его честь золотую медаль. (Язвительный граф Толь сказал, что его надобно было назвать графом Клейнмихелем — Д в о р е ц к и м.)

Произведенный в 1841 году в генералы от инфантерии, Клейнмихель в следующем году стал главноуправляющим путями сообщения и публичными зданиями. Деятельность Клейнмихеля на этом посту ознаменовалась «воровством, доходившим до грабежа»: он брал через подставных лиц казенные подряды и поставки, наживая на этих махинациях огромные суммы. Он руководил работами по сооружению первого постоянного каменного моста через Неву (Николаевский, ныне мост Лейтенанта Шмидта), здания Нового Эрмитажа, Николаевской железной дороги.) Все эти сооружения были (невероятный в наши дни факт!) закончены в установленные сроки и

с высоким качеством, но стоили очень дорого, а их возведение и строительство всегда соединялись с казнокрадством и бесчеловечным отношением к рабочим.

Клейнмихель был неизменным участником работы комиссии для изучения и реформирования различных частей армии и флота. Чем закончились все эти «преобразования», хорошо известно — сокрушительным поражением царской России в Крымской войне. Лишь после этого уже новый царь, Александр II, уволил его в отставку (1855). Это была кость, брошенная нарождающемуся общественному мнению.

В Петербурге, в Гостином дворе, купцы и сидельцы перебегали из лавки в лавку, поздравляя друг друга, и толковали по-своему: «Что это вздумалось государю?» — спросил кто-то из них. «Простое дело, — отвечал другой. — Времена плохие. Военные дела наши дурно идут. Россия-матушка приуныла. Государь задумался, что тут делать. Чем мне ее, голубушку, развеселить и утешить? Дай прогоню Клейнмихеля...»

Административно-командная система постоянно порождала, холила и лелеяла таких деятелей, хотя они и не подозревали о своем прямом родстве со «славным генералом Мелко-Мишиным» (так иронически называл Клейнмихеля неистощимый на убийственные шутки генерал Ермолов). К сожалению, у Петра Андреевича Клейнмихеля до сих пор находятся последователи, тоскующие о «сильном хозяине», к стопам которого они могли бы повергнуть свое все превозмогающее усердие.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Дельвиг А. И. Мои воспоминания. Издание Московского и Румянцевского музея. Т. II. М., 1912—1913. С. 8.
2. Русская старина. 1881. т. XXXII. С. 552.
3. Лотман Ю. М. Статьи по типологии культуры. Материалы к курсу теории литературы. Вып. 2. Тарту, 1973. С. 69.
4. Там же. Вып. I. С. 45.
5. Восстание декабристов. Документы. Дела Верховного суда и Следственной комиссии. Т. XIV. М., 1976. С. 95.
6. Шильдер Н. К. Император Александр Первый: Его жизнь и царствование. Т. IV. СПб., 1898. С. 4.
7. Русская старина. 1890. № 9. С. 514.
8. Маркиз де-Кюстин. Николаевская Россия. М., 1930. С. 55.

Анекдоты о графе Клейнмихеле

— В этом или в том пункте парижских конференций, — сказал кто-то, — должно (найтись?) что-то наиболее вредоносное для России.

— Само собою разумеется. Союзники в этом пункте требуют уничтожения в России тарифа и восстановления Клейнмихеля...

У князя Меншикова с графом Клейнмихелем была, что называется, или называлась, контра: по службе ли или по другим поводам, сказать трудно. В шутках своих князь не щадил ведомства путей сообщения. Когда строились Исаакиевский, постоянный мост через Неву и Московская железная дорога, он говорил: «Достроенный собор мы не увидим, но увидят дети наши; мост мы увидим, но дети наши не увидят; а железной дороги ни мы, ни дети наши не увидят». Когда же скептические пророчества его не сбылись, он при самом начале езды по железной дороге говорил: «Если Клейнмихель вызовет меня на поединок, вместо пистолета или шпаги предложу ему сесть нам обоим в вагон и прокатиться до Москвы. Увидим, кого убьет!»

Плач членов корпуса путей сообщения
(по случаю увольнения Клейнмихеля)

Увы! уж нет того, который
Усердьем все превозмогал,
И в государственные воры
Нас так усердно посвящал;
Твердил который офицерам
Что он один для нас закон,
И доказал, как инженерам
Легко нажить хоть миллион.
Он мудрые давал советы,
Как нам строенья возводить,
Как составлять должны мы сметы,
Чтобы карман скорей набить;
Как нужно нам писать контракты,
С подрядчиков чтоб взятку взять;
И как почтовые мы тракты
Должны в болото превращать;
Как там пути лишь сообщенья
Стараться надо проводить
Путями где обогащенья
Могли б они для нас служить.
Лишал он имени и чести,
трудом кто сотни наживал;
А кто украдет тысяч двести,
Того чинами награждал.
Он генералов заслуженных
И офицеров деловых,
Способных, опытных ученых
Ругал как низших слуг своих.
И корпус некогда почтенный
Он в общем мненьи утопил;
И скромный наш мундир степенный
Позором вечным заклеймил.
Увы! вот громкие деянья
Того, кто нами управлял,
Кто грабил Русь без наказанья,
И ныне так бессильно пал.
Восплачем радости слезами
О горькой участи такой;
Умилосердился над нами
Царь Православный Молодой.

1855

Публикация МИХАИЛА КОНЯГИНА

МАТУШКА КИРА ИЗ АВСТРАЛИИ

Фото Юрия Козырева

Когда она улетала из Мельбурна, на градуснике было +32.

В Москву же она прилетела в редкий для нас мороз —26.

Моя собеседница — матушка Кира, жена дьякона русской православной церкви в пригороде Мельбурна, — человек непростой судьбы. Она почти без акцента говорит по-русски, но в России не жила ни дня. Родилась в Китае, с 1952 по 1965 год жила в Греции, и вот уже почти 30 лет — в Австралии.

— В 1965 году мои родители решили переехать в Австралию. Сначала было тяжело, но мы усердно учили английский язык, вскоре нашли и работу. И, конечно же, как русские мы сразу обосновались вокруг русской православной церкви. Там было все: сама церковь, прицерковный зал, читались лекции, проводились дни русской культуры.

В первые годы жизни в Австралии я познакомилась с отцом Михаилом. Сын донского казака, он родился в Австрии. В 1968 году мы повенчались, а в 1971-м он стал дьяконом Свято-Успенского православного храма.

Церковь для нас это очень важно. Это сердце русского народа. Когда мы в нее заходим, нам все улыбается.

— Как выглядит церковь? Похожа ли она на русский православный храм?

— Внешне нет. Храм нашего прихода построен по фотографии того, который был в Китае (большинство наших прихожан — выходцы из Китая). И это, конечно же, жаль. Если бы в то время настоятелем был отец Михаил, он бы возвел храм наподобие Суздальского или Псковского.

Наш Свято-Успенский храм — не единственная русская православная церковь. В Мельбурне еще есть храм в честь Покрова пресвятой Богородицы. Там другие прихожане — русские, приехавшие из разных стран Европы. Австралия — удивительная страна, в ней можно встретить человека любой национальности. И каждый живет своей колонией. Ведь это так важно — создать вокруг себя кусочек Родины. Для нас таким островком родины стала церковь.

— Большой у вас приход?

— 350 семей, около двух тысяч прихожан. В 12 часов заканчивается литургия и сестричество в прицерковном зале устраивает чай. Люди собираются, рассказывают о том, что происходит у них в жизни. Вот и я приеду, меня тоже начнут расспрашивать: где была, что видела... А что я могу сказать? Полный хаос.

— Видимо, вы это успели понять на собственном опыте. Какова цель вашего приезда в Россию?

— Я привезла контейнер с операционным хирургическим театром для церебрального госпиталя. Но здесь встретилась с равнодушием. Я очень хотела сама поставить оборудование на место, ждала этого дня, теребила всех. А меня вдруг начали уговаривать не дожидаться, оставить доверенность... Но почему я должна оставлять доверенность? Знай, что так получится, я бы не прилетела и сэкономила в своем кармане 1680 долларов.

Одним словом, я начала сомневаться в том, что госпиталю действительно нужен мой, а вернее наш, контейнер. Я говорю «наш», потому что его собирали Русская православная церковь за границей, Красный Крест, Армия спасения и австралийские «wool-cooperation». Я связалась с ними, объяснила ситуацию, и мы решили переадресовать контейнер в интернат № 3.

Мы ведь привозим гуманитарную помощь не для того, чтобы она распылялась неизвестно куда.

— Первый опыт общения с российской действительностью стал для вас неудачным. Не пропало ли у вас желание и в дальнейшем помогать нашей стране?

— Нет. Я ведь вижу, что наша помощь здесь нужна, что в ней заинтересованы.

— С какими чувствами вы покидаете Россию?

— Я уезжаю с тяжелым сердцем. Русский человек подавлен и морально, и физически. Я поняла, что пока он не поставит свою голову на плечи и не скажет себе: «Я человек и я могу делать, что я хочу и так, как хочу» — России будет очень трудно, и она не встанет на ноги. Я думаю, что Россия сможет возродиться лишь, когда наше поколение уйдет, и придут молодые, мыслящие по-новому, не знающие страха...

Мне очень жаль русского человека... Особенно пенсионеров. Они всю жизнь работали, воевали. Сейчас к ним должно быть особенное уважение. А где оно? Люди, защищавшие страну, к старости остались ни с чем. Это бесчеловечно.

Русский человек должен начать себя уважать, он достоин лучшей участи. У него широкая душа, он талантлив.

— Как вы думаете, кто может помочь возрождению русского народа?

— Прежде всего церковь. Мне кажется, что ваша церковь в этом принимает еще недостаточное участие.

— Сейчас в Австралию хлынула новая волна эмигрантов из России. Как они себя чувствуют на чужбине?

— Мы с ними мало контактируем. Они живут своей общиной. Но могу сказать, что эмигранты из России быстро осваиваются, открывают свое дело, в основном магазины...

— Что вы могли бы пожелать россиянам?

— Конечно же, скорейшего возрождения великой Родины. И мы будем помогать вам в этом — прежде всего советом и примером.

С матушкой Кирой беседовала
ТАТЬЯНА МАКСИМОВА

ИСААК ГЛАН

АРЕСТОВАННЫЙ ПОРТРЕТ

ЦЕНЗУРА ВО ВРЕМЕНА ИМПЕРАТРИЦЫ ЕЛИЗАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ

Эта история не попала в исторические труды, затерявшись в малоизвестных и второстепенных записках.

Итак, герой... Но, собственно, вправе ли мы так назвать незаметного Конона Тимофеева, скромного, исполнительного чиновника Большой Таможни? Всехто дел, что было у него,— это не пропустить без пошлины грузы. Здесь он был дотошен и неумолим. Немало пользы принес он государству, обогатив казну, но никто не похвалил, не отметил его заслуг. А потому не только отдохновение, но и удовольствие получал Конон от своих вечерних и ночных занятий — в жизни появлялся смысл. Запираясь в небольшой каморке, он доставал медные доски и чуть ли не до утра — благо, ночи были светлые — водил по ним иглой, царапая рисунок. Потом прикладывал к доске лист бумаги, ставил под пресс — и вот в руках уже трепетала сырая, остро пахнущая краской гравюра.

Гравирование было его великой, всепоглощающей страстью. И так ладно получалось у него — даже от художников слышал похвалы. Картины, служившие Конону образцом, не только точно походили на оригинал, но иногда были лучше его. Наблюдательность, необходимая для таможенной службы, в любимом деле оказалась просто неоценимой. Он перево-дил картину и в то же время подмечал, где ее автор отступил от правды: то в сбруе не так ремешок пристегнут, то в царском ордене недостает яхонтов. И восстанавливал правду. Была еще одна слабость у него: добавлял в картины то, чего не было там, но исключительно для большей правдивости и точности. Дотошность Конона сказывалась лишь во второстепенных деталях, а потому не гневила художников.

Гравировал он много. И батальные сцены петровских времен, и фламандские аллегории на античные темы, но больше всего любил портреты, а среди них — обожаемой императрицы Елизаветы. Ему удавались и парадные портреты, где повелительница изображалась в полный рост, и камерные, поясные, на которых платье и волосы матушки украшали лишь скромные букетики цветов. Свои работы он охотно дарил друзьям, а некоторые относил в лавку: какой-никакой, а приработок.

Елизавета Петровна.
Гравюра А. Мельникова. 1745 г.

Особенно удался ему последний портрет: Елизавета в момент коронации. Душу отдал ему таможенник.

По многим отзывам, дочь Петра была на редкость красива. «Совершенная красавица по талье, цвету лица, глазам и изящности рук», — писал французский посланник граф Кампредон. «Сверхъестественная красота!» — вторил ему другой сановитый иноземец испанец герцог де Лирия. Граф Шувалов считал, что трудно представить другую женщину, которая внешностью была бы совершеннее Елизаветы. И даже Екатерина II, еще более, чем ее предшественница, не склонная делить ни с кем ни императорскую, ни женскую славу, свидетельствует: «чрезвычайно грациозна, имела прекрасную ножку».

Многочисленные портреты Елизаветы подтверждают это: стройная, хоть и слегка полноватая фигура (в духе пышнотелых матрон римских времен) с женственными округлыми плечами, густая каштановая коса, темные брови, оттеняющие большие голубые глаза, живой лучащийся взгляд. Портреты занимали целый зал в Зимнем. Художники соревновались за право писать российскую самодержицу. Казалось бы, ничего удивительного в этом нет: красивая женщина любит, чтобы ее рисовали. Но вот что странно: изображения уж очень похожи один на другой. Разные одеяния, повороты головы, жесты, но черты лица чуть ли не копируют друг друга. И еще: нет ни одного портрета Елизаветы в профиль. Не меньшее удивление вызывает высочайший указ об утверждении образца для всех живописцев — гравюры академического художника Ивана Соколова. И уж совсем необъяснимо, что императрица — и это, пожалуй, был первый случай в истории российских правителей — ввела настоящую цензуру на свои портреты. Возложена была эта функция ни много ни мало, как на Санкт-Петербургскую Академию, без апробации которой ни выставить, ни продать портрет было нельзя.

Чем были вызваны такие строгости? Потомки терялись в догадках, но современники знали: Елизавета была некрасива! А как тогда быть с многочисленными свидетельствами? Полно, стоит ли им верить! Отзывы послов немедленно становились известны императрице, на это и делался расчет, так что комплименты были скорее дипломатического свойства. Граф Шувалов, муж государственный, он уж и подавно нуждался в благосклонности Елизаветы. Отзыв Екатерины? А, собственно, о чем он говорит? Лишь о благодарности и великодушии любимицы Вольтера, помнившей лишь одно: именно Елизавета положила начало ее блистательной карьере, устроив брак бедной и худородной прусской принцессы с наследником русского престола. Больше можно верить веселым и колким пересудам, которые ходили за границей (на Руси опасно!) насчет толстого, «картошкой», носа русской императрицы, висячего подбородка, тяжелых щек и коротких, «дебелых» (как сгоряча сама однажды о них сказала Елизавета) рук.

Бедный таможенник, конечно, не подозревал о притязаниях императрицы. Для него она была прекрасна в любом обличье, он не судил, только восхищался.

Дальнейшее можно только предполагать. Елизавета любила бывать в таможне. Наезжала неожиданно, в сопровождении немногочисленной свиты, ходила по гулким складам и вдруг, указывая на ящик, велела вскрывать: императрице надо знать, что выписывают из-за границы господа ее Сената. Тут и мог ее видеть Конон. Воспроизводя очередной портрет, он, художник Божьей милостью, наблюдатель и правдолюбец, невольно подправил оригинал.

Елизавета Петровна.
Гравюра К. Тимофеева. 1742 г.

Дальше было вот что. Гравюру увидел Яков Штелин, «профессор «элоквенции и аллегории» Академии наук, управлявший отделом художеств. Увидел в одной из лавок под Кремлевскими воротами в Москве (вон куда дошло художество Конона!) и пришел в ужас. Хотя за гравюры отдел не отвечал, только за писанные портреты, Яков Штелин пришел в ужас: его, только его обвинят в недосмотре! Чтобы опередить донос, он скупил все выставленные портреты и, загнав лошадей, в два дня доставил их императрице. Предстояла не менее сложная задача: сопроводить донос осторожными словами, чтобы, с одной стороны, не оскорбить Елизавету (ведь точный портрет!), а с другой — выразить свое бурное возмущение. Можно только восхищаться изворотливостью царедворца: он нашел их! «Омерзительно великолепная» — так назвал Штелин гравюру Конона.

Гневу императрицы не было предела. Чтобы дать ему выход, она разогнала придворный театр и отменила балы. Приказала обыскать все лавки, вызнать, кто купил портреты. Судьба Конона Тимофеева была решена. Его схватили прямо в таможне, ничего не понимающего, долго и мучительно пытали, добиваясь признания в злом умысле. Не услышав ничего, посчитали особо упрямым, зловредным заговорщиком, а потому засекли до смерти.

Елизавета издала новый Указ, под который подпадали теперь и гравюры, однако следить за «парсунами» императрицы отныне должна была не только провинившаяся Академия наук, но и специально созданный для этого отдел в Главном Магистрате. Пробиться правде стало и вовсе невозможно. Зная это, художники трепетали (хотя и не отказывались от заказов: слишком уж высока была плата), рисуя лишь то, что было угодно императрице. Случился даже конфуз. Гравер Шмидт принес ей свою работу, над которой трудился три года. Елизавета посмотрела и осталась недовольна: нос показался... чересчур длинным. Шмидт явно перестарался. Эта гравюра была последней, которую государыня видела в своей жизни.

Великое множество портретов осталось после нее. Что с того, что они похожи один на другой? На каждом Елизавета прекрасна. Ее упорная и многолетняя борьба с художнической вольностью кончилась победой: потомки увидят ее только такой, какой она сама хотела себя видеть.

Но вот незадача: одна гравюра Тимофеева чудом сохранилась. Посетители императорской Публичной Библиотеки часто останавливались у отдельной витрины, где под стеклом находилось изображение полноватой женщины с толстым, чуть приплюснутым носом, мясистым висячим подбородком и тяжелыми, будто сонными веками. Такой она и была — одна из удивительных российских самодержиц, сочетавшая государственный ум и женское тщеславие, гордое величие и мелкую месть, щедрую доброту и холодную жестокость.

Не смогла Елизавета обмануть историю...

В русской истории немало событий, изученных, казалось бы, «вдоль и поперек», широко, основательно. Авторы учебников из десятилетия в десятилетие приводят одни и те же истертые «хрестоматийные» подробности; битвы, походы, реформы воспринимаются как нечто целостное, законченное, не допускающее иной трактовки. Чаще всего такая судьба постигает нашу древнюю историю — все источники здесь, как правило, давно известны, а почти все возможные толкования событий уже прозвучали в исторической литературе. В подобный ряд легко вставить и трагические события мая 1223 года, когда русские впервые столкнулись с монголами на реке Калке. Но, видимо, рано ставить точку в спорах о том, как были разбиты три Мстислава. Сегодня мы предлагаем вниманию читателей «Репетитора» краткую, но детальную реконструкцию событий. По нашему мнению, новое прочтение битвы выгодно отличается от засушенных аксиом существующих учебников.

АНДРЕЙ БЕРЕСНЕВ

МОНГОЛЫ И РУССКИЕ: ПЕРВАЯ КРОВЬ

БИТВА НА КАЛКЕ. ПОПЫТКА РЕКОНСТРУКЦИИ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Монголы: Субедей-багатур из племени урянкат и Джебе-нойон из племени ясут — два из четырех «железных псов» Чингисхана, лучшие монгольские полководцы. Гемябек, Цыгыркан, Тешукан — незначительные военачальники. Бродники — русскоязычное население, христиане; вероятно, предки казаков. Предположительно обитали по Днепру и Дону. Известно имя их предводителя — Плоскиня.

Общая численность боевых отрядов монгольских войск — 14—16 тысяч (пленные, женщины и дети в расчет не принимаются).

РУССКО-ПОЛОВЕЦКИЙ ВОЕННЫЙ СОЮЗ

Киевская коалиция князей: великий киевский князь Мстислав Романович. «Старейший» стол занял в 1214 году. По замечанию М. С. Грушевского, «не отличался ни выдающимися талантами, ни энергией, по крайней мере ни в чем особенном не обнаружил их, но пользовался доброй славой — суздальский летописец называет его «старым добрым князем»[1]. Погиб в битве на Калке. Всеволод Мстиславич, сын великого князя. Участвовал в киевском съезде князей. Сведений о его участии в битве и дальнейшей судьбе нет. Князь Андрей, зять Мстислава Романовича. Погиб в битве. Святослав Шумский и Юрий Несвижский — незначительные местные князья, оба погибли на Калке.

Чернигово-смоленская коалиция князей: Мстислав Святославич, великий черниговский князь. Летописи сообщают о нем самые скупые известия. Погиб в битве. Сын Мстислава (имя точно не известно, вероятно, Юрий). Погиб вместе с отцом. Олег Курский, второй по значению среди черниговских князей. В решающий момент битвы оказался вместе с Мстиславом Удатным и Даниилом Волынским, что и помогло ему избежать гибели (в Лаврентьевской летописи этот князь упоминается под 1226 годом). Князья Путивльский и Трубчевский упоминаются при переходе русскими Днепра у Заруба. Михаил, сын Всеволода Чермного. Присутствовал на совете в Киеве. Участвовал ли в битве — не известно, но после нее вокняжился в Чернигове. Владимир Рюрикович, с 1215 года князь Смоленский. 36 лет. Одно время княжил в Переяславле-Русском и Киеве. Вместе с Мстиславом Удатным участвовал в Липицкой битве (1216) и активно помогал ему добыть галицкий стол. После событий на Калке вокняжился в Киеве, умер в 1236 году. Александр Дубровецкий (Торопецкая волость), один из трех русских князей, погибших под досками пирующих монголов.

Галицко-волынская коалиция: Мстислав Мстиславич, великий галицкий князь. Ипатьевский летописец дал ему прозвище «удатный» (удачливый). Образец средневекового рыцаря, всю жизнь провел в походах и войнах. С 1210 года — новгородский князь. Организатор и активный участник Липицкой битвы. Княжил в Галиче с 1218 года. На Калке потерпел поражение и бежал. Умер в 1228 году. Данило Романович Волынский, зять Мстислава Мстиславича, 21 год. Самостоятельный князь с 1221 года. После битвы на Калке много воевал с соседями и собственными боярами, занимал галицкий и киевский княжеские столы. В 1245 году под Ярославом нанес поражение объединенному польско-литовскому войску Фильния. В 1254 году принял королевский титул. В следующем году отразил нашествие Куремсы и подчинился монголам только в 1259 году. Умер в 1263 или 1264 годах. Мстислав Ярославич Немой, князь луцкий. Участвовал в битве на Калке, умер в 1225 или 1226 году. Изяслав Ингваревич, незначительный волынский князь. Убит на Калке. Святослав Яневский (в поздних летописях назван Изяславом Каневским), также погиб в битве. Изяслав Владимирович Теребовльский. В ранних летописях не упоминается, но в Воскресенской летописи под 1235 годом записано, что он погиб в сражении на Калке. Прочие участники: Ярун Васильевич, новгородец. Сподвижник Мстислава Удатного по походам и Липицкой битве. Вероятно, погиб на Калке. Семен Олюевич, владимиро-волынский боярин. Видимо, также погиб в этом сражении. Василько Гаврилович, владимирский воевода. В Ипатьевской летописи упоминается под 1230 годом Иван Дмитриевич, скорее всего, сподвижник либо галицкого Мстислава, либо волынского Даниила. Убит на подходе к Калке. «Выгонцы галицкие» — родственники бояр, изгнанных из Галицкого княжества, селились в северном Причерноморье и междуречье Днестра и Дуная. Известны имена двух их предводителей — Юрий Домамерич и Держикрай Володиславич.

Половцы: Котян, хан западного союза половецких племен, тесть Мстислава Мстиславича. На Калке сумел избежать смерти. В 1237 году со своей ордой переселился в Венгрию. Там выдал дочь за наследника короля Белы IV Стефана и получил титул «dominus Cumanorum». Казнен около 1240 года по подозрению в государственной измене. Юрий Кончакович, хан кавказских половцев. Убит в Предкавказье.

Численность боевой части союзников: 10—15 тысяч. Вместе с обслугой и вспомогательными войсками — до 100–150 тысяч (предположительно).

ПРЕДЫСТОРИЯ СОБЫТИЙ

1206 — на общемонгольском курултае нойон Темучин (Чингисхан) избран верховным вождем. К 1211 монголы завоевывают земли соседей (якутов, бурятов, уйгуров, киргизов). 1215 — пал Пекин. 1218 — монголы истребляют племя меркитов, часть бегущих укрывается в землях половцев (Южный Алтай и Восточный Казахстан). Первое столкновение с войсками Хорезмшаха Мухаммеда (Тургайская степь). Чуть позже в Отраре вырезан караван купцов — послов монголов. Конец лета — начало осени 1218 — начало завоевания Чингисханом Средней Азии. После взятия Самарканда (17 апреля 1220) создается специальный отряд во главе с Джебе и Субедеем (20 тысяч всадников плюс тумен погибшего зятя Чингисхана Тучагара). Задачи отряда: преследование бегущего Мухаммеда, разведка нового театра военных действий, наказание половцев за помощь меркитам. Маршрут: Самарканд — Нишапур — южное побережье Каспия (там закончено преследование Хорезмшаха) — зимовка в Муганской степи — Ирак — Грузия (разгромлена армия Георгия IV и Ивана Мхаргрдзели) — зимовка — Дербент — переход через Кавказский хребет и победа над алано-половецким войском — Судак (27 января 1223) — зимовка на половецких землях. Перерыв в военных действиях.

НАКАНУНЕ

Декабрь 1222 — январь 1223. К южным границам Руси (так называемому половецкому валу) прибывает уцелевший в монгольской мясорубке Котян с известием о появлении татар. К своему русскому зятю Мстиславу Удатному хан приехал со словами: «Нашу землю сегодня отняли, а ваша завтра взята будет, так защитите нас; если же не поможете нам, то мы нынче будем иссечены, а вы завтра иссечены будете»[2].

Январь — февраль 1223. Мстислав созывает русских князей на съезд в Киев. Его доводы убедительны: если не помочь половцам, те могут присоединиться к монголам.

Начало марта 1223, Киев: за исключением великого владимирского князя Юрия Всеволодовича, на «снеме» присутствуют могущественнейшие русские феодалы — великий киевский князь Мстислав Романович; Мстислав Удатный, князь галицкий; великий князь Мстислав Святославич из Чернигова и множество менее значительных владетелей. На съезде принимается решение о военном походе против степняков за пределы Русской Земли. Оговариваются сроки выдвижения дружин из княжеств и устанавливается общее их место сбора — город Заруб (на правом берегу Днепра километрах в 50—60 ниже Киева).

Вторая половина марта. Князья разъезжаются по своим землям и, по замечанию летописца, «начал каждый собирать воинов в своей волости».

Апрель. Выдвижение войск. Самый дальний путь предстоит проделать галичанам и волынцам (выступают в начале апреля), а также смолянам и «галицким выгонцам» (в середине месяца).

24 апреля. Мстислав Романович выводит дружину из города.

24—26 апреля. У Заруба собираются основные русские силы и отряды половцев. На Днепре паводок, и войска переходят на правый берег по составленным вместе ладьям. Здесь же происходит встреча с «десятью мужами» первого монгольского посольства. Есть основания полагать, что это произошло на острове Варяжском (около 10 км ниже по Днепру от места сбора войск). Речь послов: *«Слышим мы, что вы идете против нас, послушавшись половцев. А мы вашей земли не трогали, ни городов и ни сел ваших. Не на Вас пришли, но пришли, Богом пущенные, на холопов и конюхов своих, безбожных половцев. А вы заключите с нами мир. А если же половцы побегут к вам — бейте их, а товары забирайте себе. Слышали мы, что и вам они много зла творят, поэтому и мы их бьем»*.

Приняв слова послов за обман, князья не отказываются от своих замыслов. Более того, с их молчаливого согласия половцы, мстя за свою неудачу в Предкавказье, убивают парламентеров — это была первая и самая важная ошибка союзников. С этого момента в глазах монголов они предстают в самом неприглядном свете, и этот инцидент следует понимать как casus belli*. *«Смерть во время войны*, — как заметил однажды Л. Н. Гумилев, — *всего лишь закон природы, а убийство доверившегося — оскорбление естества, следовательно, божества. Люди, причастные к предательству, не должны жить и производить потомков, ибо монголы признавали коллективную ответственность и наличие наследственных признаков»*[3].

ПОХОД

27 апреля—9 мая. Союзники выступают в поход вниз по Днепру. Конница двигается правым берегом реки, пехота — на ладьях. Движение продолжается 17 дней, и, видимо, уже тогда обнаруживаются первые признаки разлада. Мстислав Галицкий пытается исправить последствия необдуманного убийства и замещает Котяна своим приближенным Яруном. Остальные князья заняты борьбой за власть и выяснением отношений между собой.

9—10 мая. У местечка Олешье в Надпорожье (километрах в 40—50 от порогов, не путать с нижнеднепровским Олешьем) появляется второе монгольское посольство: *«Если вы послушались половцев, убили наших послов и идете против нас — то вы идите. А мы вас не трогали и рассудит нас Бог»*[4]. Уважительный

* повод к войне *(лат.)*

тон степняков и желание официально объявить о начале военных действий делают свое дело: послы отпущены невредимыми; князья, оставив бесполезные на порогах ладьи, продолжают свое движение вниз по реке.

10—15 мая они совершают 90-верстный марш мимо порогов и опускаются к о. Хортице и Протолчьему броду (около 150—180 м шириной, самое узкое место Днепра во всем его течении).

15 мая (ориентировочно). Соединение русско-половецких сил с Юрием Домамеричем, Держикраем Володиславичем и «выгонцами галицкими» (выйдя из Днестра в Черное море, те достигли Днепра и поднялись до Хортицы).

В середине мая ясно обозначился раскол в русских станах. Если ранее каждый князь действовал вполне самостоятельно, ие считаясь с мнением союзников, то теперь эти самовольные действия могут поставить под угрозу судьбу всего войска. Первым необдуманный шаг совершает Мстислав Удатный — со своей дружиной и половцами он переправляется на левый берег Днепра и нападает на какой-то сторожевой отряд противника, причем «*остаток их* (монголов. — *А. Б.*) *вбежал с воеводой своим Гемябеком в курган Половецкий и не было им тут от своих помощи и закопали воеводу своего Гемябека живого в землю, желая сохранить ему жизнь, и тут нашли его Половцы и, выпросив у Мстислава, убили*»[5].

История с разгромом отряда Гемябека — не что иное, как начало исполнения монгольского плана военных действий; иначе трудно объяснить, почему Джебе и Субедей не пришли на помощь своим гибнущим товарищам.

ВОЙНА

16 мая, вторник. Для выманивания на левобережье всех сил противника монголы снаряжают второй отряд, который устраивает перестрелку через реку с Даниилом Волынским и другими «молодыми» князьями: стрела с левого, низкого, берега достигает противоположной стороны на излете и совершенно безвредна для русских; таким образом, перестрелка — только видимость. Однако среди князей распространяется общее возбуждение, и они совершают роковую, непростительную ошибку — переправляются за реку и тем лишают себя надежного оборонительного рубежа. Теперь они будут вынуждены идти той дорогой, которой их поведут Джебе и Субедей; быть в пути столько времени, сколько сочтут нужным монголы; встретиться с противником там, где это будет выгодно кочевникам и т. д.

Переправившись, киевский и черниговский Мстиславы опрокинули монгольскую «сторожу» «и гнали в поле далеко и взяли скот их»[6] (оставленный, без сомнения, в качестве приманки).

17—19 мая. Задержка на левобережье; летописи о ней умалчивают. Видимо, русские не сразу решают двигаться в «землю незнаемую» (половецкую степь) и в тяжких раздумьях принимают это гибельное для себя решение.

20—27 мая. В течение 8 дней русские преследуют отступающих кочевников по водоразделу между бассейнами рек Верхней Терсы, Янчуда, Мокрых Ял с севера и Конки с притоками на юге до верховьев р. Калки. Окончательный разлад среди князей: основные конфликтующие стороны — Мстиславы Киевский и Галицкий. Сторону последнего принимает Даниил; великого киевского князя поддерживают только два незначительных князька, а Мстислав Черниговский предпочитает держаться от этой ссоры в стороне.

28 мая, утро. В верховьях Калки происходит стычка с монгольским арьергардом, в которой русские теряют троих убитыми, а степняки поспешно скрываются.

КАТАСТРОФА

28 мая, вечер. Закончив утомительный дневной переход, княжеские войска располагаются на ночевку в станах, находящихся иа значительном расстоянии друг от друга. Мстислав Удатный переходит Калку (нынешний Кальчик, приток Кальмиуса) и отправляет «в сторожи» Яруна с половцами. Где находится черниговский князь — точно не известно. Мстислав Романович располагает свой лагерь в так называемом «месте каменистом», в 6 верстах от галицкого князя. Это место представляет собой скалистый район площадью около 3 км с выходом на поверхность гранитных и кварцевых пород, над которыми поднимаются несколько возвышенностей. Как писал археолог В. Саханев, изучавший этот район в 1910 году: здесь «подъем на вершины крайне тяжел, так как поверхность камней гладкая и скользкая; нога не имеет упора и срывается, так что в иных местах возможно взобраться на скалы лишь на четвереньках»[7].

Наступает самый критический момент. Если судить по всему предыдущему поведению монголов — силы противных сторон приблизительно равны. Теперь же Джебе и Субедей получают трех-четырехкратный перевес над каждой отдельной княжеской группировкой. Кроме того, противник абсолютно не готов к нападению. Упустить этот случай просто нельзя: монголы предпринимают быстрое нападение, сбивают половцев и гонят их на русские станы. Там начинается паника, и войска бегут. *Никакого «правильного» (т. е. заранее спланированного русскими) сражения нет и быть не может.*

Ввиду особой важности аргументирую этот вывод. Все предыдущие реконструкции битвы на Калке основывались на одном-единственном фрагменте из Ипатьевской летописи: *«На другой реке Калке встретили татары Половецкие полки (и) Русские. Мстислав же Мстиславич повелел прежде перейти реку Калку Данилу с полком и другим полком с ним, а сам после них перешел. Сам же ехал в сторожу. Видел же он полк Татарский и, вернувшись, сказал: «Вооружайтесь!» Мстиславу, ??? другому Мстиславу сидевшим в станах и ничего не знавшим, Мстислав же не поведал зависти ради, ибо была большая ссора между ними. Вступил полк в сражение; Данил же выехал вперед, и Семен Олюевич, и Василько Гаврилович устремились на Татарские полки. Василько же был сбит с лошади копьем, а сам Данил был ранен копьем в грудь, но из-за возраста и смелости не чувствовал ран на своем теле, ибо был возрастом 18 лет, ибо был силен. Данил же крепко сражался, избивая Татар... Татары же убегали, Данил же избивал их своим полком и Олег Курский крепко бился другим полком. Сразились с ними и из-за грехов наших русские полки были побеждены. Данил, видев, что крепче бой начинается в ратных их стрелках, стреляющих крепко, обратил коня своего назад, как хотели того его противники. Бежал же он и, захотев пить, почувствовал рану на теле своем, в битве не почувствовал ее, потому что был крепок, мужествен и молод, ибо был дерзок и храбр, с головы до ног не было на нем порока. Потерпели поражение все князи русские...»*[8]

Стоит ли доверять этому летописному свидетельству? Как известно, в промежуток между 1200 и 1292 годом в Ипатьевскую летопись вошла не сохранившаяся галицкая летопись (т. иаз. «летопись Даниила Галицкого»). Она носит апологический по отношению к Даниилу характер, всюду выставляя его в выгодном свете. Вполне можно заподозрить автора Ипатьевского описания битвы в субъективности. За примером не надо далеко ходить. О бегущем с поля боя Данииле говорится: «с головы до ног не было на нем порока» (???) Читаем летопись еще внимательнее: «ибо было (Даниилу) 18 лет». Это неправда: согласно сообщению Густынской летописи, в 1205 году князю было 4 года, и на момент битвы ему должно было исполниться никак не меньше 21. Я считаю, что в текст Ипатьевской летописи «задним числом» вставили фрагмент, преувеличивающий роль Даниила. «Швы» вставки легко заметны, с ее изъятием получаем следующее: «На другой реке Калке встретили татары Половецкие полки (и) русские (...) Сразились с ними и из-за грехов наших русские полки были побеждены (...) Потерпели поражение все князи Русские, такого же никогда не бывало». Подобное описание не противоречит источникам, а следовательно, никакого спланированного русскими сражения не было[9].

28 мая, вечер. Поскольку галицкие и волынские войска были в наибольшей степени готовы к нападению, поток бегущих был искусно направлен монголами на стан черниговского князя. Потери этой княжеской группировки были весьма значительны, а сам Мстислав с сыном погибли при отступлении.

28—30 мая. Мстислав Романович укрепляет свой лагерь повозками и выдерживает осаду части монгольского отряда во главе с Цыгырканом и Тешуканом. Степняки идут на хитрость, ибо считают приемлемым вероломство по отношению к врагам: воевода христиан-бродников, находящихся в рядах татар, Плоскиня дает князьям клятву на кресте сохранить всем жизнь в случае сдачи. Поверя ему,

31 мая Мстислав, его зять Андрей и Александр Дубровецкий сдаются на милость победителя. Монголы изменяют слову, занимают лагерь, уничтожают русских воинов, а князей, связав, подкладывают под дощатый настил, на котором устраивается победный пир. Пленники находят здесь бесславную смерть.

28 мая — не позднее 10—13 июня. Преследование основными монгольскими силами бегущих русских. Те отступают в полном беспорядке, будучи разделены на 2—3 группы (черниговцы, смоляне, галичане и волынцы) и двигаются равными маршрутами. Мстислав Галицкий и Даниил первыми достигают оставленных ладей, переправляются на правый берег Днепра и, боясь погони, уничтожают и повреждают суда. Здесь разворачивается последний кровавый акт драмы: подоспевшие позднее русские воины не в состоянии переплыть реку и гибнут под саблями татар, от голода и утомления. Кроме того, недовольные смещением Котяна, половцы изменяют и «иных (русских.— *А. Б.*)... побили из-за коня, а иного из-за одежды»[10]. Монголы преследуют отступающих до городка Новгорода Святополча на правом берегу Днепра в 60-70 км ниже Киева. Вторжение на Русь изначально не планировалось, поэтому здесь Джебе и Субедей поворачивают в степь и направляются в сторону Волжской Булгарии (район Волги и Камы). Калкская операция завершается монгольским триумфом.

16 июня в Киеве вокняжается избежавший гибели Владимир Рюрикович Смоленский...

ПОСЛЕДСТВИЯ СОБЫТИЙ

Ближайшие: в Булгарии ослабленные монголы терпят сокрушительное поражение (первая и единственная точно фиксируемая по источникам неудача Субедея). Отдаленные: события на Калке — одна из причин нашествия монголов на Русь (1237—1242). Общее ослабление русских княжеств (в частности, Киевского и Черниговского, где уничтожены практически все воины-профессионалы) сказалось во время Батыева погрома. События на Калке — первый удар монгольской державы по половцам; после следующих двух (1228—1229, 1235) их вытесняют в Венгрию, Болгарию и даже Египет. В итоге как национальное и государственное образование половцы сходят с исторической сцены и исчезают.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Грушевский М. Очерк истории Киевской земли от смерти Ярослава до конца XIV столетия. Киев, 1891, с. 275.
2. Новгородская 1 летопись старшего и младшего изводов. М.-Л., 1950, с. 62 (далее — Н1Л). Перевод с древнерусского авторский.
3. Гумилев Л. Н. Поиски вымышлеииого царства (легенда о «государстве пресвитера Иоаина»). М., 1970, с. 291.
4. Н1Л, с. 62.
5. Там же, с. 63.
6. Ипатьевская летопись//Полиое Собрание русских летописей. М., 1962, т. 2, стб. 741-742 (далее — Ипат.).
7. Сазанев В. Разведка иа месте битвы при р. Калке 1224 г. //Записки Отдела Русской и Славянской Археологии Русского Археологического Общества. Пг., 1915, т. 2, с. 29.
9. Новгородская 1 летопись (самое раннее описаиие битвы, составлено современником): русские князья «Зашли за Калак реку и послали в сторожу Яруна с Половцами, а сами стаиом стали здесь. Тогда же Ярун оступился с ними (монголами.— *А. Б.*), желая биться и побежали, не успев ничего, половцы назад и потоптали, бегущие, станы русских князей и ие успели оии приготовиться к бою против них и пришли все в смятение и была сеча злая и лютая...» Ибн ал-Асир (арабский историк, современник событий): «Татары не переставали отступать, а те (русские и половцы.— *А. Б.*) гнались по следам их 12 дней, (но) потом татары обратились на русских и кипчаков, которые заметили их только тогда, когда они уже наткнулись на иих: (для последних это было) совершенно неожидаино, потому что оии считали себя безопасными от татар, будучи уверены в своем превосходстве над ними. Не успели они собраться к бою, как на них напали татары с значительио превосходящими силами. Обе стороиы бились с неслыханным упорством...» Ян Длугош (польский историк XV века пользовался ие дошедшими до нас хроиками, в том числе русскими летописями): «Проделав 12 переходов, они (русские.— *А. Б.*) достигли реки Калки, где уже расположили свой лагерь татары. И тут же татары, ие дав времеии перевести дух, напали на русских и половцев на 17-й день; когда были смяты и обращеиы в бегство половцы, пришли в замешательство и боевые порядки русских, причем иачалась резня и, в то время, как многие были перебиты, другие разбежались...» (L) перевод И. Сурикова
8. Ипат., стб. 743.
10. Н1Л, с. 63.

ВЛАДИСЛАВ ЛИПАТОВ,
кандидат филологических наук

ВВЕРХ ДНОМ

НА ЧЕМ ОСНОВАНА ПРИРОДА ЭРОТИЧЕСКИХ ЗАГАДОК

Эротическая загадка — тема мало исследованная. Между тем это старинный жанр, связанный как с особой, магической ролью загадок в языческой древности, так и с озорничеством, святочными и масленичными бесчинствами, когда «все можно». Серьезные загадки, от которых в русских сказках обычно зависит жизнь отгадчика, как бы пародируются тут, комически снижаются шутовским, эротическим текстом. Вот человек готов уже закраснеться и воскликнуть: «Фу, какой стыд!». А загадчик с торжеством тут и ввернет отгадку: самую невинную, повседневную вещь. Это своеобразное эротическое озорство, основанное на внешнем сближении сексуальных и повседневных действий и предметов.

Если вы думаете, что все загадки существуют для того, чтобы их разгадывали, вы заблуждаетесь. А если не верите, то попробуйте отгадать хотя бы эту:

Как у девушки-красотки загорелося в середке,

А у парня-молодца вдруг закапало с конца.

Это — самовар. «Углей в него положишь — в середке загорит; краи-то отвернешь — вода и побежит», — складно прокомментировал образную природу этого творения сообщивший его старичок. Вот когда я раз и два попался на, казалось бы, очевидных вещах, понял, что спешить с ответом — только себя позорить. Да и не нужно это ни самому жанру, ни его исполнителю. Ведь их общая цель не в том, чтобы пробудить в нас гордыню всезнания, а в том, чтобы заставить задуматься над неисчерпаемой глубиной привычных и, казалось бы, извечных вещей.

Загадка — вещь совсем не простая, а с двойным дном; очевидный, буквально лежащий на поверхности ответ на поверку оказывается обманом, а истина, словно заколдованная царевна, спрятана в ней за семью замками остроумного текста.

Но прежде чем выпустить ее на волю, мы с вами должны договориться, что Иван-царевич со своей Царевной-лягушкой по ночам не только ковры вышивал, особенно после того, как освободил ее от кащеевых чар. Фольклору — наиболее полному эквиваленту духовной жизни народа — дело есть до всего. Совершенно неверно, что нашей культуре чужда эротика, что любовные истории наши чисты и непорочны, как детские игры в «дочки-матери», и обычно заканчиваются «сценой у колодца», где красна девица угощает пристающего к ней добра молодца прохладительным ключевым напитком.

Русский фольклор достаточно сексуален, только наш национальный бог любви в прохладном русском климате бегает не нагишом, а прикрыв срамоту холщовой рубашкой поэтических иносказаний. Вот, например, на первый взгляд совершенно невинный текст старинной сибирской хороводной песни:

В огороде капуста, да в огороде капуста,

Спелая капуста, спелая капуста.

Между этой капустой, да между этой капустой

Девица гуляла, девица гуляла.

Не одна-то она гуляла, да не одна-то она гуляла,

С молодым молодцом, с молодым молодцом.

Фото Геннадия Бодрова

Разудаленький молодчик, да разудаленький молодчик

звал ее в лесочек, звал ее в лесочек.

Девка парню отвечала, да девка парню отвечала:

— Дорожки не знаю, дорожки не знаю.

Путь дороженьки не знаю, да путь дороженьки не знаю,

Пеша, пеша да я устану, пеша, пеша да я устану,

Верьхом не поеду, верьхом не поеду.

Запрягай, милой, карету, да запрягай, милой, карету,

Сяду я, поеду, сяду я, поеду.

Однако, если с этой песни, как с капустного вилка, снять верхний метафорический слой, под ним обнаружится весьма соблазнительная песенная ситуация, которую отлично понимали наши прадедушки и прабабушки, когда были молодыми.

«Капустка» — частая героиня старинных молодежных хороводных и игровых песен — не просто овощ, а символ женской зрелости (надеюсь, не забыли, где у нас, на Руси, ребятишек-то находят?). Созрела «капустка» — и сразу стали увиваться вокруг нее охотнички, разудаленькие молодчики, все норовят наесться-накушаться без платы, сводить девицу в лесочек без венца. Вот и приходится ей разыгрывать из себя святую простоту, мол, знать не знаю и ведать не ведаю, чего вы все от меня хотите. А я, девка на выданье, хочу одного, чтобы посадили меня в золотую карету, а то в расписную кошевку (она нам, деревенским, привычнее), свозили в церковь, а уж потом любились со мной на законном основании, сколько сил хватит. Вот такой подтекст.

В песне подтекст, а в загадке текст. В песне эротика скрытая, да зато настоящая, а в загадках, о которых речь, почти откровенная, да зато фальшивая, так, цыганское золото. А что под ним? А под ним обыкновенная человеческая жизнь с заботами и праздниками, болезнями и выздоровлением, смертями и рождениями новой жизни. При этом сокровенные части тела, интимные отношения никогда не становятся предметом отгадывания, но только материалом для поэтического языка загадки, который придает ей известную остроту и, что греха таить, привлекательность (разумеется, при условии, что вы не ханжа).

Девочка баска,
Дырочка узка.
Двое держат,
Двое пихают,
Да двое смекают —
Ладно нет пихают.

Это про то, как вдевают нитку в иголку. А вот еще забористей:

И хочется,
И колется,
И мочится,
И кровь идет...
Особенно у той идет,
Котора первый раз дает.

Это про то, как вставляют сережки в уши.

На чем основана поэтика эротических загадок? А на том, что в них роль сути играет не первородный, а какой-нибудь второразрядный признак. Это может быть чисто внешнее сходство, которое рождает ассоциации и создает поэтический образ. И тогда лампочка становится грушей, гроб — корытом, а замок — собачкой. Все это обрастает гирляндой новых признаков, и начинается веселый карнавал слов, а на карнавале, как известно, все перевернуто вверх дном, там очевидно ложное и скрыто истинное, там прилично неприличное и наоборот!

— Кругленько, горбатенько, круг его мохнатенько,

В которое место суют, как зовут?

— Фу, охан!

— Ха-ха, это же рот! А ты что подумала, мотанюшка?

Что подумала, то и неправда, а потому нечего весь мир смешить своей недогадливостью! Сиди и помалкивай. Ведь это карнавал, здесь все под маской. А то, что от маски услышишь непристойные речи или увидишь на чьем-то лице непотребную харю — простительно. Ведь тут стихия свободы! Праздник весны, молодости, пробуждения природы от зимней смерти! Надо растолкать, расшевелить в ней женское, материнское начало, чтобы к исходу лета вновь родила она обильный урожай.

Надо разбудить и женщину, заставить вспомнить ее о том великом и прекрасном предназначении, которое ей одной даровала природа: быть матерью, звеном, соединяющим бесчисленную цепь поколений. Женщина, и только женщина, способна материализовать идею бессмертия человечества!

...Итак, вернемся к нашим загадкам.

Богатую пищу воображению дают ключ и замок:

Стоит Корова —
Дыра готова.
Пришел Бык,
Корову тык,
Корова мык:
— Спасибо, Бык!

(— Ключ к музыкальной шкатулке).

Пришел Ванька,
Просит: Дай-ка!
Как не дашь —
Парень наш!
Как дала,
Так кверху ногу задрала.

(—Ключ и амбарный замок).

Трудно ли придумать загадку с эротическим подтекстом? На первый взгляд — пара пустяков: было бы что и куда всунуть, а дальше дело воображения и поэтической техники: «Размахну мохнушку, засуну голышка», то есть съем морковку. Однако лучшие загадки, безразлично, с подтекстом или без, создают многоплановую жанровую зарисовку, своего рода маленький поэтический шедевр:

Кабы не бабушкина мохнушка,

Замерзла бы дедушкина колотушка.

Я вижу за этими строками не только известную каждому деревенскому работу по расчистке пешней проруби. В этой загадке целая жизнь двух немолодых уже людей, где было все: и ругались, и мирились, и любились, и дрались, а все равно, худо ли, бедно ли, но жизнь прожита вместе, и сегодня, на старости лет, остаться одному — значит обречь себя на тоскливое холодное одиночество. Помните у Екклесиаста: «Вот лежат двое и тепло им, а одному как согреться?» Так и наши герои: дед для бабки пешней прорубь расчистит, чтобы не мучилась старуха, не корячилась, когда пойдет по воду, а бабка для него сварганит теплые шубейки, чтобы не мерзли стариковские руки, которыми он, чего греха таить, в сердцах или по пьяному делу нет-нет да и поколачивал ее. Ну да кто старое помянет... все равно для этого деда нет лучше его старухи, а она ему за любовь и ласку, пусть даже и с колотушками, простила все его мужиковские проказы.

Наелся, напился,
На бабу завалился,
На бабе вспотел,
На девку захотел.
На девке-то озяб,
Да полез на бабу назад.

Здесь — про печку с лавочкой. Печка, ясное дело, законная жена, ну а лавочка — все остальное. А что милей, смекайте сами!

Но есть у мужика любовь, которой он не стыдится, не прячется с ней по сеновалам и огородам. Это — любовь к земле, Матушке, Кормилице. Отношения с ней у настоящего мужика сродни семейным, а потому и изображает их загадка как настоящую супружескую любовь:

Лежит у дороги,
Раскинувши ноги.
Мужик подошел:
—Господи, благослови!
Да: Но-о-о!

Разгадка — соха, то, чем хозяин нежит и лелеет родное поле. Да и сам склонившийся над сохой па-

харь, согласитесь, чем-то напоминает мужчину в классической позе любви.

Нынче родное поле, правда, превращено в общественное угодье, вот и обращаются с ним, как с публичной девкой, не чувствуя ни любви, ни нежности. Да и о самой любви-то вообще стыдимся говорить, поспешая ставить точку или переключать кадр в самом начале проявления чувства, а то начинаем орать с такими подробностями, что даже унитазы краснеют со стыда.

А ведь русская любовь негромкая, пугливая, не иа людях, а больше в стороне от нескромных глаз. Вот и в народном творчестве песни о любви все больше намеками, а загадки если и хорохорятся, откровенничают, то имеют при этом в виду совсем другое. Я приготовил вам десяток таких загадок. Сами побалуйтесь, пощелкайте и людей повеселите, а иа меня обиды не держите, если что не так.

Не бей меня, мужик,
Не ругай меня, мужик!
Лучше лезь на меня.
Есть у меня мохнатка,
В мохнатке гладко,
В гладком сладко!
На эту сласть
Надо добру снасть.
(Кедр)

Щуп, щуп по лавке,
Дощупался до правды,
В правде-то тепло,
Запихнул глубоко.
(Варежка)

На сарае, на повете
Парень девку ерепетит,
Прижимает — хорошо!
Девке хочется ишшо.
(Банный веник)

Есть у меня две долинки,
По краям шерстинки.
Как придет беда,
Потечет вода.
(Глаза)

Премудрое ремесло
Шерстью обросло.
(Глаза)

Две ягодки во мху,
Морковка наверху.
(Глаза и нос)

Пришел дедушка Сидор:
— Давай, бабушка, сидя!
— Что ты, бесстыжая рожа,
Давай лучше лежа.
(Сон)

Дедушка Устин
Бабушке спустил.
Бабушка зажала,
Всю ночь продержала.
(Дверной крючок)

Стоит баба на горе,
Дивится своей дыре:
Ой, дыра-дыра, сколь велика!
Пролезут гусь да кадка,
Да еще слабко!
(Русская печь).

Фото Анатолия Черея

Рубрику ведет
ВЛАДИМИР НИКИТИН,
кандидат исторических наук

Послушаем Рязань...

Изображение эмблемы Рязани в «Титулярнике». 1672 год.

Древний рязанский герб изображает на золотом поле стоящего князя, держащего в правой руке меч, а в левой — ножны. На нем епанча черленая, а платье и шапка зеленые, обложенные соболями. Рязанские краеведы считают, что для герба взято конкретное лицо — князь Олег Иванович.

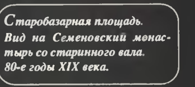
В конце XVIII века при царствовании императрицы Екатерины II город Переяславль-Рязанский был назван Рязанью. В 1780 году утверждается новый, регулярный план города.

Князь Роман жил давно, в ту пору, когда татары только покорили русскую землю. Однажды призвал Романа татарский хан к себе и приказал поклониться священной магометанской книге-корану. Отказался наш Роман от этого и лишь только сказал: «Христианин я и воистину святая вера христианская». По приказу хана долго мучили рязанского князя, а потом отрубили голову и из черепа сделали чашу, обрамленную золотом. Случилось это 19 июля 1270 года. Рязанцы каждый год 19 июля отмечают день памяти Св. Романа.
В Новопавловской роще когда-то была деревянная Романовская церковь. Она сгорела еще до революции, и сейчас на этом месте заканчивается ул. Весенняя и стоит пивная.

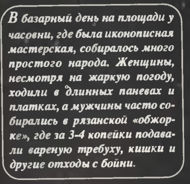
По Почтовой улице в хорошую погоду порой разгуливали ветераны русско-турецкой войны и скромные доброхоты, собирающие деньги на постройку храмов.

Рязанский купец и купчиха с картины неизвестных художников XIX века (из собрания РХМ).

Торговлей в Рязани раньше занимались мужчины, и на улице можно было встретить торговца блинами и грушевой водой.



Старобазарная площадь. Вид на Семеновский монастырь со старинного вала. 80-е годы XIX века.



В базарный день на площади у часовни, где была иконописная мастерская, собиралось много простого народа. Женщины, несмотря на жаркую погоду, ходили в длинных паневах и платках, а мужчины часто собирались в рязанской «обжорке», где за 3-4 копейки подавали вареную требуху, кишки и другие отходы с бойни.

Рядом с Владимирской церковью было здание Духовной семинарии, построенное в 1816 году (ныне музей десантных войск).

В начале XIX века на углу улиц Почтовой и Большой строится новое здание дворянского собрания (ныне Дом офицеров). Некоторые исследователи утверждают, что это проект знаменитого архитектора М. Казакова.

Предприимчивый инженер Морозов по ул. Соборной (ул. Революции) имел свой кинотеатр «Олимпия» и гостиницу. Купец Расторгуев на углу торговал рыбой. (Сейчас на этом месте гостиница «Москва».)

Сдано в набор 06.04.93. Подписано к печати 06.07.93. Формат 84x108 1/16. Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 13,44. Усл. кр.-отт. 75,8. Уч.-изд. л. 25,21. Тираж 90 000 экз. Заказ № 650 Цена в розницу — договорная, 40 руб. по подписке
Адрес редакции: 121877, Москва, проспект Новый Арбат, д. 19. Телефон: 203-60-25.
Типография издательства «Пресса». 125865, ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.
Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации РФ. Регистрационный № 291

КИСЛОВОДСКИЙ Фарфор

FeniX

Красоту в каждый дом...

В коллекции фарфоровых пасхальных яиц художников кисловодского предприятия «Феникс» сюжеты и росписи не повторяются. Общее число этих миниатюр сейчас не превышает двух десятков, и до недавнего времени в продажу они не поступали. Толчок был дан участием фирмы в благотворительном аукционе в пользу Свято-Никольского собора. Потом несколько мастеров продолжили тему, внося приемы иконописной техники в надглазурную роспись по фарфору, не особенно задумываясь над тем, что они воскрешают и продолжают традицию российских мастеров прошлого века.

Кисловодский фарфор возник немногим более полувека назад, а признание и известность обрел буквально вчера. Путь небольшой, но даже поверхностный взгляд на эти работы дает ощущение основательности и традиционности. Кисловодский стиль в фарфоре — ручная роспись, тончайшее ручное декорирование — характерен и узнаваем. Узнаваем именно как Кисловодский Фарфор, поскольку здесь в свое время не увлеклись наращиванием объема производства, а пошли путем постижения и совершенствования приемов ручной техники, когда каждое изделие, по сути, становится неповторимым. И вместо вереницы чашек и тарелок-близнецов возникло бесконечное богатство форм и разнообразие декора.

Безусловно, кисловодский стиль возник не на пустом месте. Корни его — в мейсенской лепке, восточных орнаментах... Впрочем, это тема для профессионала.

Для нас важно другое — эти светлые, радостные вещи согревают нас.

Фото Юрия ЖВАНКО

Фирма «Феникс»
Россия 357736
г. Кисловодск,
ул. Станичная, 2
тел. (86537) 4 28 25, 4 48 02
телекс 123245
факс (86537) 4 19 40
телетайп 307136
«СУВЕНИР»